

№ 5-1927

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

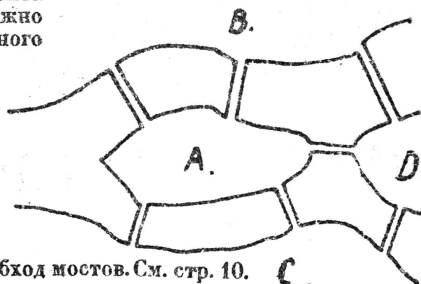

Изд-во
«П.П.СОЙКИН»
ЛЕНИНГРАД

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

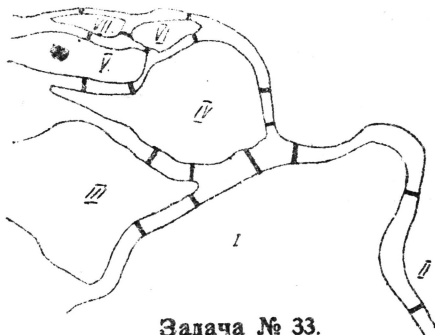
Задача № 31.

В Кенигсберге, в Германии, есть остров, называемый Кнейпгоф. Омывающие его реки делятся на два рукава, образуя фигуру помещенного здесь рисунка. Через эти рукава переброшены семь мостов. Два студента побились об заклад, что все эти мосты можно обойти, проходя каждый из них не более одного раза. Сказано-сделано, но тот, кто хотел это сделать, вскоре убедился, что дело не так просто, как это кажется. И пари было им проиграно. — Попробуйте, может быть вы окажетесь сообразительней. Задача стоит того, чтобы над ней поломать голову; по крайней мере знаменитый математик Эйлер, живший в конце 18 века, посвятил ей целый математический труд, где нашел правила, когда и при каких случаях возможен такой однократный обход мостов. См. стр. 10.

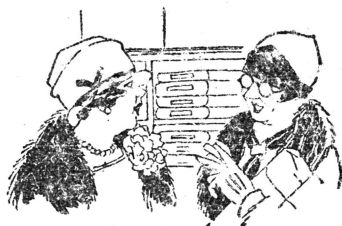
Задача № 32.

Но город Кенигсберг далеко, и мы привели задачу о его мостах, как имеющую исторический характер. Гораздо интереснее попробовать свои силы на обходе хотя бы Ленинградских мостов и островов. Перед вами (рис. 2) схематическая карта Ленинграда; пренебрегая каналами и протоками, попробуйте обойти 18 Ленинградских мостов по одному разу. Попробуйте это сделать наудачу, а если не удастся, прибегните к правилу Эйлера, приведенному в решении первой задачи на стр. 10.

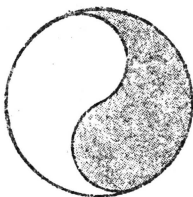
Задача № 33.

Две хозяйки встретились в мануфактурном магазине. — Уж право, я не знаю на чем остановиться — сказала одна: — за пять с половиной я могу купить сатина на четыре метра больше, чем полотна на четыре с половиной... — Знаете что? — отвечала другая — мой совет: возьмите и того, и другого, цена не дорогая и товар скоро расхватают. Возьмите и того, и другого по 10 метров — тогда вся покупка вам обойдется в 15 рублей. Сообразите в 10 минут, почему продавались полотно и сатин? См. стр. 10.

Задача № 35.

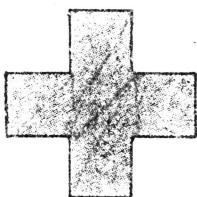
Перед вами справа круг, разделенный на две симметричные и равные части — на темную и на светлую. Разбейте эту фигуру одной линией на четыре равные и одинаковые части. См. стр. 10.

Задача № 36.

Некий досужий остроумец, прочитав в «Красной Вечерней Газете» о путаных адресах на письмах, с которыми почтамту столько возни и хлопот, решил испытать сообразительность почты и отправил открытку со следующим «законспирированным» адресом. Почтовый служащий оказался, однако, неглубоким малым, читавшим наш отдел «Не подумав — не отвечай», и в 5 минут разобрал адрес и направил письмо куда надо и тому самому лицу, которому оно было послано. Может быть вы окажетесь также сообразительны и легко расшифруете загадочный адрес? См. стр. 10.

Задача № 34.

Вот общеизвестная фигура правильного, т. называемого греческого креста. Разрежьте его через середину на три части таким образом, чтобы, сложив их, вы получили бы прямоугольник, у которого одна сторона вдвое длиннее другой стороны. Если вы решите эту задачу в 10 минут, значит у вас хорошее умение комбинировать формы. См. стр. 10.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА.

ИДА. Здесь

на 3/VI дом 0.10.5

почт. 009 20 кв. 6 ч. 4

От Главной Конторы журнала „МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“.

К сведению подписавшихся на журнал «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ» с рассрочкою платежа и уплативших не более трех рублей сообщается, что во избежание перерыва в получении журнала с № 7-го, надлежит озаботиться высылкою доплаты. При высылке очередного взноса необходимо указать, что деньги высылаются в доплату к подписке № такой-то (обозначенный в верхнем левом углу ярлычка бандероля).

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 5 1927 г.

«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Задачи №№ 31, 32, 33, 34, 35 и 36 2-я стр. обложки. О ЛИТЕРАТУРНОМ КОН- КУРСЕ 3-я стр. обложки.	СТР.	«НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ». «ЛЮДОЕДЫ», — рассказ из таежной жизни Павла Бе- лецкого, иллюстр. И. А. Владимирова	40
«ЗВЕРЬ И ЧЕЛОВЕК», — рассказ Н. И. Федотова, иллюстра- ции И. А. Владимирова	2	«РАСЧЕТ ИЛИ СЧАСТЬЕ?» — рас- сказ Д. Мак-Кейля, иллю- страции Д. Вилькинсона	48
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Решения задач №№ 31, 32, 33, 34, 35, 36	10	«ЖУТКИЙ ВЕЧЕР», — гротеск А. М. Фрея, перевод Р. Ф. Куллэ, иллюстр. В. Т. Ка- лягина и Н. Т. Суворова	55
«ЗАКОН ПРАВДЫ», — рассказ Адели-Сент-Джонс, пере- вод Н. Мохначева, иллюстр. Ч. Митчеля	11	«ТАЙНОЕ УБЕЖИЩЕ», очерк из жизни слонов Поля Ан- никстера в переработке Н. Николаева, иллюстр. С. Тресилиан	66
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Задачи №№ 37, 38 и 39	19	«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ» — «Откровения науки и чудеса техники».	
«АТАВИСТИЧЕСКИЕ УКЛОНЫ БУССА», — рассказ Н. И. Му- ханова, иллюстрации С. М. Мочалова	20	«ЗАГАДКА МАРСА» — очерк П. Мордвинова с иллю- страциями	74
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Решения задач №№ 37, 38, 39	30	«Пуля изобличитель»	78
«ФИЛЬКА БЕСШТАННЫЙ РАК», — рассказ Н. Кома- рова, иллюстрации Н. Ко- чергина	31	«Новости в музыке», с иллюстрациями	79
		«Новости спорта», — с иллюстрациями	80

Обложка — художника И. А. Владимирова.

ЗВЕРЬ и ЧЕЛОВЕК

Рассказ

Н. И.

ФЕДОТОВА

Иллюстрации И. А. ВЛАДИМИРОВА

В ЗВЕРИНЦЕ укротительницы Арабеллы было немного зверей: бенгальский тигр, пума, лама, пара леопардов, пара волков, дюжина обезьян, штук пять попугаев и, гвоздь всего зверинца — «семейная клетка», в которой сидели: атласский лев, львица, гиена, волк и громадный старый медведь Робинзон.

Робинзон принадлежал к кавказской породе. Он имел длинную серебристо-бурую шерсть, рваные, облезлые уши, бельмо на правом глазу от удара бичом и длинный красивый язык, которым лизал железные прутья клетки. Отец Арабеллы, Иоганн Эрбер, купил Робинзона еще семимесячным медвежонком в Тифлисе за рубль пятьдесят копеек.

Робинзон рос в семье Арабеллы на свободе, пока полиция не потребовала, чтобы медвежонок, превратившийся на втором году в основательного медведя, был посажен на цепь или в клетку. Иоганн Эрбер затеял такую смешанную клетку и засадил Робинзона в общество с молодыми львятами, гиеной и волком.

Мать Арабеллы умерла, когда она была еще совсем маленькая. Уже восьмью лет она помогала отцу в дрессировке: держала обручи, барьеры,

ставила табуреты. Когда звери болели и им приходилось давать, например, касторку, в чем особенно часто нуждались львы, Арабелла без церемонии разевала им пасти и вливала туда по целому пузырьку масла.

Робинзон терпеть не мог касторки. Он катался по всей клетке, наступая на зверей, пока Арабелле, сидевшей на его шее, не удавалось — так раскрыть ему рот. В наказание за принятую дозу лекарства Робинзон своим длинным языком, обильно смазанным маслом, облизывал все лицо Арабеллы. Она билась его по щекам и теребила за уши, что, впрочем, доставляло Робинзону видимое удовольствие.

Так, в постоянном обществе своих четвероногих друзей, Арабелла превратилась в хорошенькую девушку, потом в молодую женщину.

За это время много произошло перемен. Три раза в семейной клетке менялись львы. Окошел волк, укушенный новой львицей, и был заменен другим, окошела пантера от воспаления в легких. Из прежней компании оставались только гиена и Робинзон. Иоганн Эрбер под старость пристрастился к водке и иногда, особенно во время дрессировки, злоупотреблял своей властью над зверями. Он не-

щадно хлестал их бичом из буйволовых жил и колол железом. Особенно доставалось почему-то Робинзону; редкий день обходился без того, чтобы он не терял куска уха или кожи с боков. Иоганн требовал от Робинзона невероятных вещей: чтобы тот становился на голову или пролезал в узкое, горящее кольцо. Когда от удара по глазу у Робинзона появилось бельмо, медведь загрустил. Он потерял свою живость и по целым часам сидел, ухватив передними лапами подошвы задних лап и раскачивая головой, как маятником.

Иоганн для дочери был авторитетом; она не особенно энергично заступалась за зверей, тем более, что отец и ее часто смешивал с каким-нибудь из своих четвероногих и награждал ударом бича.

Однажды Иоганн приступил к дрессировке тигров. Он недавно купил их у Гагенбека в Гамбурге. Тигры были двухлетние, уже мощные и злые. Сначала их поразила смелость старика, который не любил много разговаривать и при первом же протесте пускал в дело свой страшный бич. Они пугливо старались понять, чего он хочет, и в то же время высматривали, нельзя ли как-нибудь отместить за свою неволю и обиды; но при малейшем сопротивлении попадали на острые иглы железа, направленные Иоганном и его помощниками. В крайнем случае он обдавал их выстрелами из револьвера — и тигры смирились.

В конце второй недели один из них, спасаясь от ударов, случайно сбил хвостом Иоганна с ног. Другой мимоходом куснул упавшего укротителя и, почував кровь и победу, впился в него... Через несколько минут от Иоганна Эрбер остались только клочья мяса.

Арабелла видела это. Она стояла тут же, вне клетки, но спасти отца не могла.

Унаследовав зверинец, Арабелла переезжала с ним из города в город, оставаясь в России. Зверинец постепенно вымирал, новых зверей она не покупала: так и вышло, что ко времени моего рассказа, кроме семейной

клетки у нее почти ничего не осталось. Трагическая смерть отца ожесточила Арабеллу; и она уже чаще, чем нужно, прибегала к хлысту. Даже старик Робинзон не избег ее охлаждения, хотя не был виноват ни в чем.

В то время в семейной клетке находился великолепный атласский лев с черной гривой. Это был красавец в полном расцвете своей мощи. Но права он был угрюмого, злого и поддавался дрессировке с большим трудом.

Арабелле было уже лет тридцать. Среднего роста, сильно сложенная, с широкой грудью, черноглазая, с крашеными рыжими волосами, Арабелла производила довольно сильное впечатление на мужчин, особенно молодых. Ее крупные, сочные губы глядели заманчиво, выдающийся подбородок, высоко поднятая голова, смелый, даже слегка наглый взгляд говорили о характере твердом, решительном. Одевалась она вне представлений довольно неряшливо в белую шелковую венгерку с облезлыми шнурами; между ними змеилась чассовая цепочка, с одного конца которой свешивались львиные когти в золотой оправе. На валике рыжих волос лежала широкополая белая шляпа с лихо отогнутым полем, с парой прямых красных перьев. Короткая английская юбка, высокие желтые ботинки с пуговицами, хлыст в руке...

Я был еще очень юн и мне все это казалось чрезвычайно красивым. Пожалуй, я был даже немного влюблен в Арабеллу.

ПОЗНАКОМИЛСЯ я с ней в ресторане, в саду, находящемся недалеко от зверинца, во время обеда. Выхожу однажды на террасу при ресторане, вижу — сидит за отдельным столиком у балюстрады странно одетая дама. Нога по мужски закинута на ногу, одна рука, облокотившись на стол, поддерживает голову, другая подбоченилась. На столе остатки обеда, бутылка содовой, коньяк и хлыст с бриллиантами на набалдашнике.

Около дамы был выход в сад. Я этим воспользовался и, чтобы поближе рассмотреть ее, приблизился

к ступенькам, как бы намереваясь сойти вниз.

Дама откинулась спиной на баллюстраду и обхватила ее рукой. Ее черные блестящие глаза смерили меня с ног до головы, на алых губах появилась усмешка. От взмаха рукой шнуры на высоком, крепком бюсте потянулись. Она смотрела на меня так, точно мы были уже давно знакомы.

Я улыбнулся. Дама сейчас же заговорила:

— Я очень часто вижу вас в моем зверинце. Я—Арабелла. Садитесь.

Я представился и сел.

— Хотите коньяку?.. Эй, стакан!...

Пока я обедал, мы болтали. Затем гуляли в саду и расстались поздно вечером. С этого дня я все свободное время уделял Арабелле, другого романа у меня тогда не было, и она поощряла мои ухаживания.

Однажды я зашел в зверинец днем, когда там не было представления; Арабелла готовилась к репетиции; у нас зашел разговор о нравах и привычках зверей; между прочим Арабелла рассказала мне, что в каждом зверинце, среди зверей, у укротителя есть свой враг.

Заинтересовавшись, я спросил ее:

— Кто же ваш враг?

— А вот вы сейчас увидите, — ответила Арабелла и подошла к семейной клетке.

— Принц!.. Принц!.. Ну?.. Принц!..

Лев только повел ушами. Он лежал, положив голову на лапы, полузакрыв глаза. Гиена спала. Робинзон, сидя в углу, по обыкновению, качал головой, львица ходила вдоль решетки, шурясь от ее мелькания.

При звуках голоса Арабеллы Робинзон задергал носом, подошел к решетке и принялся лизать железный прут, львица, вытянув спину, повела хвостом; она с недоумением посмотрела на хозяйку, погом на меня.

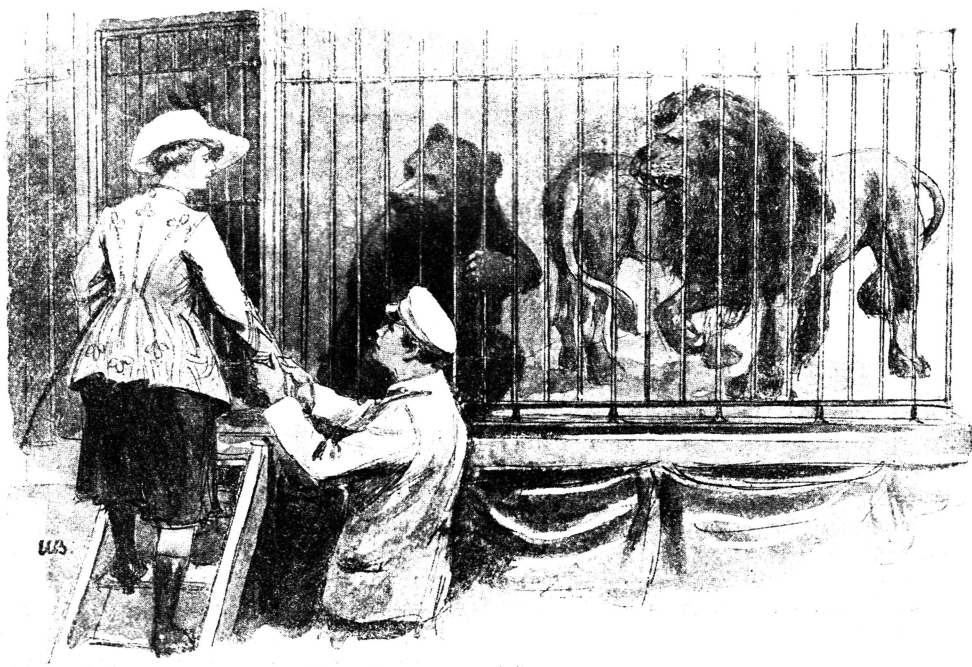
Один лев не проявил никакого участия. Но едва Арабелла дотронулась до железной кочерги, он вскочил и с оглушительным ревом оскалил зубы.

Арабелла рассмеялась.

— Теперь видите, кто мой приятель? О, он обожает меня! Правда, Принц?

Арабелла подняла кочергу. Привычно яростно хватил лапой по решетке и отскочил в глубину, продолжая фыркать и щегиниться.

Сердце у меня похолодело.

Страх за Арабеллу заставил меня схватить ее за руку...

— Неужели вы ходите к нему в клетку?

— Два раза в день. Для вас я сделаю исключение и войду в третий.

— Как? Когда?

— Сейчас.

Арабелла крикнула служителя и что-то сказала ему.

Служитель сейчас же подставил лесенку и отворил дверь в прихожую, из которой маленькая дверь вела уже непосредственно в клетку.

— Послушайте, ради бога, не делайте этого, — взмолился я. — Я приду лучше на представление... Смотрите, как он зол теперь!

Арабелла громко хохотала, показывая свои широкие крепкие зубы.

— Ах, какой вы пай-мальчик! Вы за меня боитесь? Вам будет жаль, если Принц меня скушает? А вот публика, наоборот, любит, чтобы звери были злы и кушали нас. Иначе какой же интерес смотреть представление? О, Принц отличный лев! Он наверно меня скушает когда-нибудь! Он мне делает прекрасные сборы! Без Принца я умерла бы с голода и перестала бы кушать дыплят! Ха-ха-ха!

Я видел, как лев волновался от этих приготовлений. Страх за веселую, молодую женщину, которая, по видимому, не замечала опасности или не хотела ее замечать, заставил меня схватить ее за руку.

— Ну, пожалуйста, не ходите теперь! Я не хочу быть причиной несчастия. Я предчувствую, понимаете? Я предчувствую катастрофу!

Она покосилась на льва.

— Принц, правда?

Тот фыркнул и оскалил зубы.

— Вот видите!

Арабелла сдвинула свои густые брови.

— Я иду не для вас, а для себя. Если бы Принц так не бранился, я бы его не тронула, но оставлять такую невежливость безнаказанной нельзя. Он в самом деле вообразит, что я боюсь его, а это может быть опасным впоследствии... Франц!

Служитель подал бич.

Арабелла вскочила в прихожую. Служитель захлопнул дверь. Через

секунду укротительница была уже в клетке.

Первым ей попался Робинзон. Медведь сейчас же встал на задние лапы и обнял Арабеллу, тыча своим носом в лицо. Но та оттолкнула его, погладила на ходу львицу и прямо подошла к Принцу.

Лев присел, размахивая лапой.

— Ложись! — крикнула Арабелла. — Ну? Ложись!

Энергичная, властная, она вдруг подняла бич и изо всей силы хлестнула Принца по дрожащей морде. Лев взревел, прыгнул в сторону... Новый удар бича опустился на его спину.

Я еле в силах был смотреть. Меня трясла лихорадка.

— Stock!

На окрик хозяйки служитель про тянул ей какой-то инструмент, в виде трезубца Нептуна. Едва Арабелла взяла его в руки, как лев вдруг прилег и повернулся на бок.

— О, зачем же быть таким упрямым? — говорила Арабелла, совсем подойдя к льву и усаживаясь на его переднюю лопатку. — Ну, поделуй меня! Вот, господин говорит, что ты меня скушаешь... Ну, скажи, что это неправда! О, мой Принц! Ну, скорей, скорей, Принц, ну?

С дрожащими усами и нервно шевеля хвостом, Принц поднял свою громадную голову и трепещущим языком лизнул Арабеллу по лицу. Его оскаленные зубы сверкали, из пенистой пасти вылетало сдержанное грохотание, как из жерла вулкана.

— Ну, вот так, вот так, мой милый! Не надо ссориться. Будем лучше друзьями. О, мой Принц, мой милый Принц!

Арабелла погрузила свои руки в его черную гриву и прижала морду к своей груди. Ее глаза лукаво косились в мою сторону, когда она целовала его в лоб, щеку, в толстые, как прутья, белые усы.

— Ну, теперь довольно. Adieu, Принц! Adieu!..

Лев сейчас же вскочил.

— Как тебе нравится моя новая шляпка, Принц? Хороша? Это ты мне заработал, понимаешь? — Арабелла вертелась перед зверем во все стороны. —

До свиданья, мой милый... Будь умным и не заставляй меня ходить к тебе по три раза в день... особенно в присутствии храбрых молодых людей...

Медведь опять ее обнял. Арабелла равнодушно хлопнула его по щеке, вырнула под лапу и через несколько мгновений была уже на лесенке.

— Фу! Какой вы нервный! — расхоталась она, глядя на мое лицо.

Она стояла передо мной, перекальвая шинильку в шляпе, слегка возбужденная, с покрасневшими щеками и острым запахом клетки, с львиными волосами на груди.

Если бы не слугитель, я, вероятно, последовал бы примеру Робинзона и заключил ее в объятия, но при слугителе я нашелся только спросить Арабеллу:

— Скажите, Принц действительно опасен?

— А вот попробуйте войти к нему.

— Я знаю, что меня он разорвет, но почему он вас не трогает?

— Скоро, скоро, погодите, и до меня доберется.

— Почему вы это знаете?

— Кому же знать? Я вижу. Если бы публика знала, она наполнила бы зверинец. А она все не верит, думая — нарочно... Дура!

Я вспомнил желтые глаза Принца, когда он смотрел вслед уходящей хозяйке. Этот мрачный огонь, этот взгляд, полный ненависти, поразил меня не меньше, чем грозное рычание.

— Вы знаете — и все-таки ходите к нему?

— Чего бы я стояла иначе? Вся надежда, что он загрызет меня не до смерти!

— Почему?

— Это мой секрет.

Открылся секрет очень скоро. Все свободные дни я посвящал Ара-

белле. Принц, попрежнему, буйствовал. Еще через барьеры и обручи он прыгал, но ложился с большим трудом.

КАК-ТО, перед началом представления в зверинце, я зашел в уборную к Арабелле.

Она сидела перед маленьким зеркалом в короткой синей юбке, в бархатном корсаже-декольте, с голыми, мускулистыми руками и прикалывала к груди медали. Лицо ее было бледно и серьезно.

— Голова болит, — нехотя ответила она на мой вопрос о здоровье; потом сердито отшвырнула ногой тамбурин, с которым танцевала в клетке. — Надоело мне все это! Чорт их побери!

— Кого?

— Да всех, все надоело, и звери, и люди!

— И я?

— Да, и вы тоже. Продам зверинец, не хочу больше. Открою пивную на родине или выйду замуж...

— Неужели вы могли бы всех своих зверей бросить?

Она задумалась.

— Ну, Робинзона оставлю, я с ним выросла, — как бы извинилась она за свою сентиментальность. — Который час?

— Восемь.

— О, пора.

Из мест для публики доносилось топканье ног и нетерпеливые аплодисменты. Лицо Арабеллы стало злобным.

— Сейчас, сейчас! Иду! Скоты поганные. Ну, до свиданья.

— А ведь мы после представления поедem за город?

— Не знаю, может быть...

— Как так, почему?

— Ах, не приставайте!

Она нетерпеливо повела плечом и пошла к клеткам. Я с недоумением последовал за ней.

С дрожащими усами и нервно шевеля хвостом, Принц поднял громадную голову и трепещущим языком лизнул Арабеллу.

Арабелла с такой уверенностью всегда покоряла Принца, что, признаваясь, я уже начинал думать, что их борьба в сущности не опасна, что так, значит, полагается.

Публики было порядочно. Арабелла с улыбкой кивнула ей головой. Представление началось. Сверх обыкновения, Принц не забился в угол, а стал метаться у решетки с таким видом, словно говорил: «Лучше пустите меня, а то я такого натворю!..»

Хлснув бичом и заставив его отойти в глубину, Арабелла начала по обыкновению с волка и гиены, потом проделала все штуки со львицей, потом... вместо того, чтобы перейти на упражнения с Принцем, подозвала Робинзона. Робинзон подошел на задних лапах. Его номер, как комический, обыкновенно бывал последним.

— «Неужели она пропустит сегодня Принца?» — подумал я и с усиленным беспокойством продолжал наблюдать.

Робинзон с удовольствием все показал: и как хорошенькие барышни гуляют, и как пьяный мужик валяется. Арабелла ласково потрепала его за ухом и посадила возле себя.

— Принц!

А! Вот начинается, начинается что-то страшное. И публика поняла это и притаила дыхание.

— Ну? Принц!

Тот, сидя в глубине клетки, отвернул свою громадную морду, как будто ничего не слышал. Арабелла села на пол и прислонилась спиной к Робинзону. Тот, вытягивая и морща губы, не замедлил внимательно обнюхать ее голову.

— Ну, Принц, поди сюда, поди! Будь умник!

Принц только уши прижал и показал зубы.

— Stock!

Служитель просунул презубец. Арабелла, как шпагу, вытянула его вперед... Никакого впечатления.

— Ein, zwei, drei!

Трезубец впился в мохнатую гриву. Лев взревел, шерсть его стала дыбом. Он подогнул лапу и яростно завертел хвостом. Вдруг Арабелла бросила трезубец... Краска гнева залила ее лицо.

С безумной отвагой она подошла вплотную к Принцу, схватила его за баки и с силой рванула к себе. Лев стал на дыбы. Огромная лапа мелькнула в воздухе, но Арабелла, как змея, ловко уклонилась от удара и со всего размаха ударила Принца кулаком в нос.

Тот попятился. Он был смущен. Это странное существо с голыми руками и грудью, мощное своей отвагой, гибкое, как пружина, с гневно горящими глазами—еще парализовало его волю.

В это мгновение гиена, всегда злобная, всегда противно ревущая от страха, подвернулась под ногу Арабеллы и старческим, бессильно беззубым ртом щипнула ее за икру. Арабелла обернулась, чтобы наказать дерзкое животное, и тут произошло то, чего все ждали, на что надеялись...

Принц прыгнул вперед. Его лапа опустилась на плечо Арабеллы — и та слетела на пол, как скошенная. В следующее мгновение лев напал на нее, его зубы бешено впивались в ее бедро, вырывая целые куски мяса, когти рвали бок и спину...

— Робинзон! — раздался задуманный крик.

Не успела публика охнуть, как картина переменялась. В свою очередь с страшным ревом Робинзон навалился на льва и смял его своими могучими лапами.

Этого Принц не ожидал. Он с недоумением и злобой поднял окровавленную морду, но Робинзон не дремал: — он загреб Принца в охапку и сдвинул с места. Оба гиганта сплелись в одном объятии.

Пришедший в себя служитель успел из прихожей протянуть Арабелле кочергу. Она была еще в сознании. Она схватила кочергу и через секунду была вытащена из клетки.

В публике началась паника. Все почему-то в глухом животном страхе бросилось к выходу, крича:

— Полицию! Доктора! Спасайтесь! Женщины и дети истерично рыдали.

Какая это была жалкая картина! До чего эта толпа, за минуту перед

тем жаждавшая крови, оказалась гнусно трусливой, пошлой, ничтожной — когда кровь, наконец, была ей показана!

Нести на руках окровавленный кусок мяса, бывший еще недавно молодой, красивой женщиной, оказалось невозможным. Арабеллу положили на песок и побежали за ковром.

Борьба в клетке велась между тем ожесточенно. Кто победит? Через несколько секунд стало ясно. Как ни отважен и силен был старый Робинзон, ему трудно было справиться с могучим молодым львом...

Оглушительный рев стоял в воздухе, клетка трещала, раскачиваясь на рессорах, как шлюпка в море.

Я схватил револьвер из рук побежавшего полицейского и направил его на Принца.

— Не стреляйте, не стреляйте в Принца! — раздался за моей спиной знакомый голос.

Я оглянулся. Это кричала Арабелла. Бледная, как снег, вся залитая красными полосами и пятнами, она приподнялась на локте и с искаженным от боли лицом смотрела на борьбу зверей. В ту же секунду силы ее оставили, и она упала навзничь.

— Брандсбойт! — крикнул кто-то.

Вытащили пожарный рукав. Струя воды влетела в клетку, но дерущиеся звери не обратили на нее никакого внимания.

Принц уже подмывал под себя Робинзона и с ожесточением рвал его кожу. Кровь, смешиваясь с водой, сбегала по наклонному полу целыми каскадами.

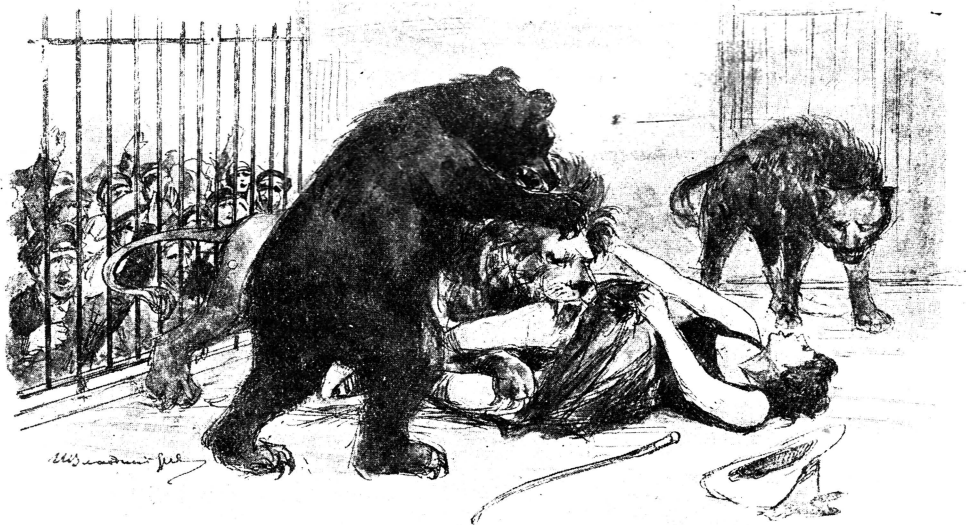
Один из служителей открыл сообщение с соседней клеткой, пустой. Другой схватил железный крюк, на конце которого была привязана тряпка, облитая керосином, поджег ее и сунул под самую морду Принца.

Тот оставил медведя. Рев затих. Уклоняясь от огня, лев был наконец оттиснут в соседнее помещение, куда давно уже забились остальные дрожащие звери. Перегородка задвинулась.

Робинзон попытался встать, но не мог. Он жалобно мычал, зажимая лапами особенно сильно пораненные места.

Служитель вошел к нему, стал на колени, осмотрел страшные раны и покачал головой. Затем он попросил полицейского передать ему револьвер. Тот передал. Дуло спряталось в ухе — и выстрел прервал мучения Робинзона навсегда.

Его морда близко склонилась к решетке, глаза были открыты. Их по-

Лев наел на Арабеллу, его зубы бешено впились в ее бедро, вырывая целые куски мяса... Тогда Робинзон со страшным ревом навалился на льва...

крывала какая-то влага... Вода или слезы?

Я смотрел на бельмо от удара бичом, на старые шрамы от трезубца, бороздившие щеки, на рваные, облезлые уши — и не помнил, что тут же, рядом, лежит прекрасная женщина, которой я увлекался, — умирающая, может быть, мертвая...

ЧЕРЕЗ три дня я увидел Арабеллу в больнице. Первые дни к ней не пускали. Арабелла была вся забинтована, в лихорадке, но в памяти. Увидев меня, преодолевая боль, она улыбнулась.

— Дождались?

Я махнул рукой.

— Безумная вы! Если вы знали, что он бросится в тот день, зачем было ходить?

Она сморщилась и спросила:

— Зверинец открыт?

— Нет.

— Как нет, почему?

— Не знаю.

— А Принц жив?

— Да, он совсем почти не пострадал.

— Идиоты! Собаки! Что же они думают?! Ведь теперь без всяких представлений должны быть полные сборы! Все захотят видеть Принца! Скажите им... Ах, собаки! Скажите им, чтобы сегодня же открыли... и выпустили афишу: «Знаменитый Принц, порвавший Арабеллу». Они знают как!..

Я по возможности старался успокоить Арабеллу, уверяя, что все будет исполнено:

— Хорошо, хорошо,—говорил я.— А бедный Робинзон...—начал я.

— Ну, что Робинзон, старый медведь... Он уже с трудом работал... Надо телеграфировать Гагенбеку — теперь вместо Принца пойдет Паша... Надо еще двухлетку подготовленного... Ах, сколько дела!..

Я посещал Арабеллу ежедневно. Медленно, но она поправлялась.

Зверинец действительно делал полные сборы — и это утешало больную. Она потребовала, чтобы с нее сняли фотографию в постели и вывесили на балагане, рядом с картиной, изображавшей сцену последней борьбы зверей. Местный невзрачный деко-

ратор добросовестно намалевал эту сцену, при чем Принц оказался величиной со слона.

Из Робинзона сделали чучело и тоже показывали, как особую редкость. Маленькая неловкость была только с глазами, но отверстия глаз были временно заложены красной фольгой.

Прошло два месяца... Мне надо было уезжать из этого города, в котором я жил временно... Я зашел проститься с Арабеллой. Она уже сидела в кресле, худая как скелет, с провалившимися глазами... Простилась равнодушно, как с чужим. Я тоже довольно равнодушно простился с ней.

Больше я с ней не встречался. Слышал, что окончательно поправилась и продолжала свою профессию, потом исчезла.

Из больницы я прошел в зверинец. Там было уже пустынно. Попрежнему кричали попугаи, дрались обезьяны. На месте Принца в семейной клетке сидел Паша. Это был, видимо, кроткий, равнодушный лев. Служитель не возлагал на него особенных надежд.

— Уж очень спокойный,—пояснял он,—как ни дразни — все мало от него страху. Публика не любит таких. Вот Принц — другое дело! О, Принц — это настоящий лев!

И служитель с гордостью посмотрел в ту сторону, где стояла клетка Принца.

Ради вящего эффекта, Принца выдвинули из общего ряда на особое центральное место в глубине зверинца и обвесили прутья кумачевыми занавесками.

Я подошел к клетке Принца. Он спокойно лежал положив голову на лапы и устремив глаза в противоположный конец зверинца, где был главный вход. Теперь он был ему виден. На меня он не обратил ни малейшего внимания, даже глаз не повернул, чтобы посмотреть, кто подошел.

— Принц!

Он зажмурил глаза, делая вид, что дремлет.

Рядом стоял Робинзон на задних лапах. Безобразная фольга красными

пятнами светилась в тех местах, где были когда-то глаза.

Я долго смотрел на это чучело, переживая все перипетии недавней трагедии, и думал:

— Что видело в своей жизни это прекрасное, благородное животное? Ничего! Ни одной радости! Оно не видало даже солнца, то сидя под парусиной балагана, то передвигаясь в клетке вагона. Бессмысленные мучения для забавы праздной толпы, краюха хлеба, вода — вот и все. Вся жизнь прошла в однообразном мо-

таньи головой за решеткой, в изображении пьяного мужика и хорошенькой барышни.

А там, по ту сторону железа—эти самодовольные червяки на длинных ногах, ради которых его и посадили. Ни одной искренней ласки! Изредка шлепок по щеке и то не ради его самого, а ради тех же червяков, чтобы показать им: «это хороший зверь!» И все-таки этот зверь, лишенный свободы, света, воздуха, природы, семьи—людей любил своим звериным сердцем более верным, чем человеческое.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ.

Задача № 31.

Не отчаивайтесь, читатель, если вам не удалось обойти все мосты по одному разу. Это не удалось даже самому великому Эйлеру, а он, наверно, был не худшим математиком, чем мы с вами. Эйлер однако установил следующие правила для того, чтобы заранее сказать, — можно ли обойти все мосты по одному разу. Обозначим отдельные местности, разделенные водой, (берега и острова) буквами А, В, С, D и напомним таблицу, где в первом столбце будут названия местностей, во втором числе мостов, соединяющихся с этой местностью, а в третьем столбце половины числа этих мостов, если они четные, и половины этих чисел, увеличенных на единицу, если они не четные. Затем складываем числа последнего столбца. Однократный полный обход мостов возможен только тогда, когда сумма эта равна числу мостов или больше его на единицу. Следует также заметить, что в первом случае (т. е. при равенстве суммы числу мостов) обход надо начинать с местностей, имеющих четное число мостов, а во втором случае—с местностей, где число мостов нечетное. Для Кенигсбергской задачи получим таблицу:

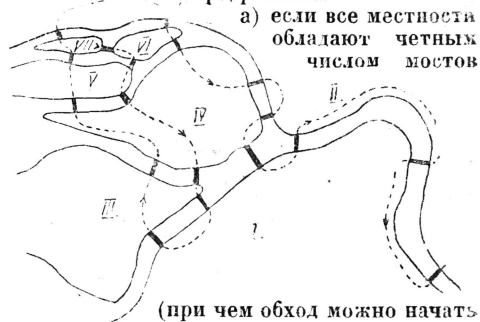
A	=	5	3
B	=	3	2
C	=	3	2
D	=	3	2
		9	

Так как число мостов 7, а 9 больше $7 + 1$, то задача не разрешима.

Задача № 32.

Составив таблицу (см. реш. 1-ой задачи), увидим, что сумма цифр третьего столбца равна 19, т. е. на единицу больше, чем число всех мостов. Значит—обход возможен. Один из таких возможных маршрутов показан на помещаемом рисунке. Ленинградские мосты позволяют еще более обобщить

закон Эйлера. Не прибегая к составлению таблиц, можно заранее сказать, что задача разрешима:

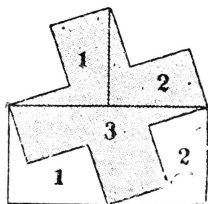
- а) если все местности обладают четным числом мостов (при чем обход можно начать откуда угодно);
б) когда местностей с нечетным числом мостов только две и когда обход начинается с одной из них и оканчивается на другой.

Задача № 33.

Сатин стоил 60 копеек за метр, полотно—90 копеек.

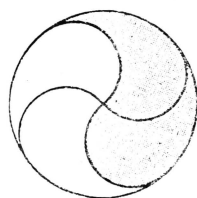
Задача № 34.

Эту фигуру можно разрезать так, как показано на рисунке.

Задача № 35.

Этого легко достичь, пересекая центр круга

такой же волнистой линией, которая делит его на темную и светлую часть.

Задача № 36.

Истинный адрес таков:
Ленинград.

Улица 3 июля

Дом — 85 (в «О» семь-десять-пять)
Кварт.—16 (шесть-над-цать)
Восторгову (в-«О»-сто-р-го-в «у»).

ЗАКОН ПРАВДЫ

Рассказ АДЕЛИ СЕНТ-ДЖОНС

Перевод Н. МОХНАЧЕВА

Иллюстрации Ч. МИТЧЕЛЯ

Четыре года назад, июньской ночью, под самое утро, Морис Грир телефонировал в полицию.

Из полиции явились тотчас же. Бенгало*), в котором жил Грир, они хорошо знали. Соседи не раз звонили по телефону в полицию, жалуюсь на мешавшие их сну шум и веселье в этом доме.

На длинной открытой веранде дома, окруженного маленькими прямыми пальмами, юккой и каменными дубами, шагая взад и вперед, полицейских ожидал Морис Грир.

Внутри дома они нашли Веронику Грир.

— Я... не дотрогивался ни до чего, — сказал Морис Грир деланно небрежным тоном.

Всем отлично была известна легкомысленная, веселая Вероника Грир. Многие знали ее, когда она еще была молодой Вероникой Таламантес, сиявшей яркой, чувственной красотой калифорнийской испанки.

В эту июньскую ночь Вероника лежала совсем тихо. Ее смуглое тело едва было прикрыто тонкой ночной рубашкой, а длинные черные волосы окутывали ее точио мантилья, какие, вероятно, носила ее бабушка. Она была убита выстрелом в сердце и, конечно, умирая, не знала, что ее шумная, безумная жизнь пришла к концу.

Рядом лежало ружье. Морис Грир объяснил, что всегда держал это ружье в доме. Он часто уходил по вечерам, а жена была очень нервная.

Как обычно, за трагедией следовали ужасные дни, безобразие и унижения которых всегда превyšают ужас самой трагедии.

Следователь и врач определили, что мистрис Грир была убита между двумя и тремя часами ночи.

Прислуга, помещение которой было на некотором расстоянии от дома, слышала после полуночи голоса. Сначала голоса были веселые, потом рассерженные. Но никто из слуг не мог сказать, чьи это были голоса. В бенгало часто бывало шумно, и прислуга не обратила внимания на этих ночных гостей. Слышали слуги также и звук, похожий на выстрел, но приняли это за лопнувшую на дороге автомобильную шину.

Мистер Грир отсутствовал в этот вечер. Он заявил, что телефонировал в полицию тотчас же по возвращении домой. Это было в десять минут пятого утра. Около одиннадцати часов он уехал из «Самарканда», где играл в бридж с кем-то из местных жителей.

Где провел он пять часов?

Происшествие взволновало всю Санта-Барбара. Никто не верил, что Морис Грир убил Веронику. Если бы он хотел ее убить, он сделал бы это давно. Для этого было достаточно поводов с самого первого месяца их свадьбы. Никто в Санта-Барбара не понимал, почему Морис женился на маленькой испанке. За него вышла бы любая девушка. Но он почему то выбрал именно Веронику Таламантес, на которой никогда бы не подумал жениться мужчина и менее значительный, чем Морис Грир. Но Морис был прежде всего рыцарь. Он считал невозможным осуждать или презирать женщину.

Однажды вечером Вероника Таламантес с горечью говорила о неудачно сложившейся жизни. И странное рыцарство в натуре Мориса заставило его встать на колени перед девушкой, которую осуждали все.

*) Так называются дома в английских колониях.

Еще до того, как Морис узнал, что жена обманывает его и лжет ему, — он уже понял, что рыцарство его было напрасно. Но, чтобы Морис убил последние лет совместной жизни

холщевыми занавесями. Даже огонь в камине горел спокойно и бесшумно.

Женщина не читала. За послед-

ни свою нелюбимую неверную жену — этому никто не хотел верить. Это было просто слишком глупо. Ведь каждый из них жил своей жизнью, не мешая друг другу.

Но юстиция желала знать, где провел мистер Грир ночь, в которую было совершено преступление. Отвечать же на этот вопрос мистер Грир категорически отказывался. И Морис Грир был обвинен в убийстве своей жены и приговорен к пожизненному заключению в стенах Сан-Квентина.

Тихая, уютная комната была точно отделена от всего мира коричневыми

Странное рыцарство в натуре Мориса заставило его сделать предложение девушке, которую осуждали все.

нее время она совсем перестала читать.

Мужчина не поднимал глаз от страницы спортивного журнала. Он читал или притворялся, что читает.

Его принципом было никогда не вмешиваться в дела других людей, особенно в дела женщин. А эта жен-

Мужчина с улыбкой отложил в сторону журнал. Он был почти красив, когда улыбался. Нежность улыбки смягчала резкие черты загорелого лица.

— Да, дорогая моя?

— Я не могу больше,—сказала Гретхен, отводя со лба локон волос, похожих на гриву львенка.

При звуках ее голоса мужчине стало не по себе. У Гретхен всегда был такой очаро-

ванная была его горячо любимой женой.

Вдруг она сказала:

— Берк!

Большой датский дог, лежавший у ее ног, вскочил, не спуская с нее глаз. Но она положила ему на спину сильную, маленькую руку.

вательный голос, низкий и яркий, с тысячью прелестных оттенков. Он и влюбился прежде всего в ее голос. В первый раз он услышал этот голос на площадке тенниса, за своей спиной. И он сейчас же сказал себе, что женщина с таким голосом должна обла-

дать всеми качествами, которые он искал в женщине. Он обернулся и в первый раз увидел ее бронзовую гриву волос, энергично выдающийся вперед подбородок и стройную фигуру в ярко-зеленом свитере и белой юбке.

Но сегодня ее голос хрипел, в нем был ужас, он обрывался потому, что Гретхен не хватало дыхания.

— Я не перенесу больше ни одной такой ночи,—торопливо, точно желая освободиться от слов, заговорила Гретхен.—Я не могу. Я сойду сума. Я сижу здесь вечер за вечером, только и думая об этом. Я задыхаюсь ночью, лежа в кровати. Говорю тебе, я сойду сума.

Берк Иннес встал. Он был очень высок ростом и сухошав. Ни одно движение не выдавало его мыслей и чувств.

— Я живу, как в тумане,—сгорстно продолжал срывающийся голос.—Но я думала, что умру, если скажу тебе правду. И я боялась, Берк, извешивать на твои плечи решение. Я думала, что лучше, чтобы ты не знал... Берк, ты знаешь, где был Морис Грир в ночь, когда жена его была убита? Ты хочешь знать?

Он повернулся к ней и взглянул ей прямо в глаза. Под слоем загара он был бледен. Гретхен встала. Лицо ее нервно подергивалось, но голос звучал злобно:

— Он был здесь со мной.

Датский дог глухо зарычал, потом заскулил. Гретхен толкнула его кончиком туфли и он покорно затих.

Мужчина и женщина стояли, глядя друг другу в лицо.

Морис Грир... Берк Иннес на мгновение увидел его перед собой, как живого. Эта прекрасная голова древнегреческого грека, темные смеющиеся глаза, нежный рот. И лицо его убитой жены с ее оттапливающей красотой, тяжелыми полузакрытыми веками, накрашенным ртом.

В тихой комнате, человеку, которому его жена сказала: «он был здесь, со мной» — медленно, мучительно стараясь понять, что значили эти слова. Наконец, Берк Иннес засунул руки глубоко в карманы серой домашней куртки и совершенно спокойно сказал жене:

— Так Морис Грир был здесь до четырех часов утра?

Гретхен кивнула головой. Грива волос спустилась ей на самые глаза и они казались темными и враждебными вместо того, чтобы быть умоляющими и полными слез.

— Да,—сказала она,—почти до четырех часов.

— Так он был здесь, когда убили его жену,—Берк делал страшное усилие, чтобы не потерять самообладания.—А где же... где же был я?

— Разве ты не помнишь? Ты уезжал тогда в Лос-Анджелос...

— Ах, да. И когда я был там, Морис Грир был...

Голос его оборвался от боли и стыда.

— Я не знал про вашу дружбу с Морисом...

— Мы не были друзьями. Никогда не были... Как это глупо!..

— Но что же тогда?

Он ждал ее ответа. Он не хотел осудить ее, не выслушав.

Гретхен нервно зажгла папиросу и сейчас же резким движением затушила ее в пепельнице.

Берк не спускал с нее глаз. Морис Грир,—думал он,—из всех мужчин—именно он. Изнеженный человек, которого можно одной рукой переломить надвое. Берк Иннес старался подавить в себе эту мысль, превращавшуюся в пламенное желание. Ведь, Морис Грир в тюрьме. Он в тюрьме потому, что молчит женщина, которая пользуется его молчанием.

— Я никогда не заставлю тебя понять,—в голосе женщины было отчаяние.—Я не умею говорить. Но я все-таки попробую объяснить. Только слушай меня, прошу тебя, слушай... Еще прежде, чем я узнала тебя, мы с Морисом... ах, ничего особенного. Только раз, на балу, он меня поцеловал. Больше ничего. Но он был единственный мужчина до тебя, который заставил меня почувствовать.. Да меня никто больше и не целовал. Я была не из тех девушек, которые позволяют себя целовать...

Голос изменил ей на мгновение, но она снова овладела собой.

— Так вот, когда Морис меня поцеловал, я испугалась, потому что

это было ново для меня и Морис мне не нравился. Я не спала потом всю ночь, вспоминала этот поцелуй и думала о том, что Морис мне не нравился. Потом пришел ты. И ты был моей любовью, моим мужчиной, для которого я была создана. Ты полюбил меня и началась моя настоящая жизнь. Все, что было раньше, — перестало существовать. Я не могу вспомнить о себе без тебя, Берк. Но когда поцелуешь такого человека, как Морис Грир, то на этом не кончается. Можно забыть про это, но это остается где-то внутри тебя. Когда мы встречались с ним, между нами точно была какая-то маленькая тайна. Я поняла это только теперь. Мы всегда улыбались друг другу, потому что знали про что-то неизъяснимое. И я никогда не хотела с ним танцевать.

В ту ночь... я долго сидела под гранатовыми деревьями. Ты знаешь, Берк, как там может быть дивно?

Дальше труднее рассказывать. Труднее... Я читала какие-то глупые стихи и еще более глупые, нехорошие рассказы. И мне пришла в голову глупая, глупая мысль, как это иногда бывает с женщинами. Я спрашивала себя: не потеряна ли для меня часть прелестей жизни и любви оттого, что я не любила многих? Я спрашивала себя, почему я прислушивалась всегда только к одной мелодии, когда было так много мелодий, если только женщина желала их слушать. Я почувствовала, — и это мой самый большой грех, — я почувствовала, что наша любовь скучная и будничная, потому что она дозволенная и спокойная. И мне показалось, что вся поэзия в мире умерла и я никогда не узнаю ее. И сердце мое болело так странно, так мучительно.

Он увидел меня сидящей под деревьями и остановил автомобиль у ограды. Перепрыгнул и очутился в саду. Я помню, что он был без шляпы и волосы его были такие гладкие и блестящие в свете луны. Он казался таким молодым и красивым... Он поцеловал там, в саду, мою руку.

Снова Берк Иннес услышал, как умирает от стыда этот знойный, срывающийся голос.

— Это было пошло. Пошло и постыдно. Но я забыла тогда, Берк, что я замужняя женщина. Я только вспомнила этот старый, оборванный поцелуй и опять была глупенькой девушкой.

Может быть и у других женщин, даже у таких счастливых, как я, бывают минуты, когда они в тоске говорят себе, что поэзия жизни прошла мимо них. И если в эту минуту, в эту коротенькую минуту, они очутятся в цветущем саду вместе с таким человеком, как Морис Грир, умеющим придавать поэтичность самому отвратительному...

Берк, в женщине, так же точно, как и в мужчине, сидит зверь. Он только крепче закован и у него меньше возможностей сорваться с цепи и наделать бед. Но женщины и меньше защищены против него, потому что они не знают, что он живет в них.

Когда он меня опять поцеловал... Я, вероятно, сошла с ума. Говорю тебе, что я сошла тогда с ума. Ведь, ты же знаешь! Я не пошла, легко доступная женщина. Вся моя жизнь говорит тебе это. Неужели же меня нужно судить за одну минуту безумия?!

Потом я его возненавидела. Я и теперь его ненавижу. Я могла бы убить его. Когда человек был пьян и, очнувшись, находит возле себя прощальную женщину, разве у него не просыпается ненависть и к себе, и к ней? Он, вероятно, тоже готов убить ее!

И вот я испытывала такое же чувство, когда провожала в ту ночь Мориса. Я ненавижу его. Я хотела бы, чтобы он сгнил в тюрьме. И в то же время меня преследует мысль, что он сидит в тюрьме из-за меня. Я так надеялась, что ты ничего не узнаешь... Но больше я молчать не могу.

— Так вы с ним не сговаривались молчать? — голос Берка звучал холодно.

Она увидела презрение в его глазах и мучительно покраснела.

— Я никогда больше не видела его, — крикнула она, — я надеюсь, что никогда больше не увижу его. Я вижу

по твоему лицу, что ты не можешь меня простить, но говорю тебе...

Она замолчала...

— Мне нужно обдумать все это, — спокойно произнес Берк. — Обдумай, и ты.

Дверь закрылась за ним не громко, но с ужасной решительностью.

Нам нужно решить что нам делать. Я должен уйти, пока мы не придумаем чего-нибудь.

Она бросилась к нему. В его глазах, в его загорелом лице было страдание. И утешить его она ничем не могла.

Он взглянул ей прямо в глаза. Гретхен встала. Голос ее звучал злобно...

— Он... ушел, — сказала Гретхен большому датскому догу, прижавшемуся к ее коленям.

велика. Прощали ведь жен других мужья!.. Но если она скажет всему миру о своем

В первый раз за последние годы думала она теперь о Морисе Грире без убийственной, жгучей ненависти. Он не выдал ее. Предпочел всю жизнь провести в тюрьме, чем сказать.

— Какая же я была слабовольная! — крикнула в тишину ночи Гретхен.

Вдруг новый страх заполз ей в сердце. А что будет, если она теперь все скажет! Может быть, со временем Берк и простит ее. Любовь его была

позоре, Берк навсегда отвернется от нее. Она знает его гордость. Если она затопчет его имя в грязь, если она станет героиней скандальной истории, она навсегда отрежет себя от него. Он никогда не простит женщину, имя которой будет соединено с именем Мориса Грира.

И все же вдруг родившееся внутри ее решение крепло и крепло.

Следователь округа провинции Санта-Барбара был несколько удивлен, когда его стенографистка вошла и сказала, что его немедленно желает видеть мистрис Берк Иннес.

Он, конечно, видал мистрис Берк Иннес и слышал о ней. Все в Санта-Барбара знали ее. Но он никогда не

встречался с ней и недоумевал, что за дело могло привести ее к нему в такой ранний утренний час.

Особа очень независимого и самоуверенного вида—в короткой белой юбке, оранжевой пушистой вязаной кофточке и задорной оранжевой шляпе, надвинутой на один глаз. Руки в белых перчатках, оканчивающихся широкими оранжевыми крагами, крепко сжимают плоскую, очень пеструю сумочку, и оранжевые чулки по мальчишески выглядят из-под короткой юбки.

Но, несмотря на элегантную самоуверенность посетительницы, у следователя создалось впечатление, что она не спала эту ночь и ни на минуту не закрыла мрачных синих глаз. И он понял, что яркая полоса рта—просто накрашенные серые губы.

Он поклонился и указал на стул. Но она не села. Она подошла к его письменному столу и стояла, опираясь на него одной рукой.

— Я хочу рассказать вам... — сказала она холодным, твердым голосом.

В этом простом кабинете следователь слышал много признаний. Он обычно доводил мужчин и женщин до признаний. Это было его специальностью.

— Морис Грир, — начала посетительница, и красивые полосы накрашенных губ еще резче выделились на бескровном лице, — Морис Грир был со мной в ту ночь, когда была убита его жена. Он был со мной от 12 ночи до 4 часов утра. Жена его была убита между двумя и тремя часами ночи. Он не убивал ее. Будьте добры приготовить нужные бумаги и я сделаю все, что мне полагается сделать.

Она отошла к окну и стояла, глядя на улицу. Следователь видел, что она так сильно дрожит, что ей приходится изо всех сил прислоняться к подоконнику.

Эта женщина в оранжевой шляпе, задорно надвинутой на один глаз, была похожа на человека, только что подписавшего себе смертный приговор.

Гретхен Иннес укладывала свои вещи в большой дорожный сундук.

Она машинально разглаживала руками складочку на ночной рубашке, когда вошла Эбби, старая служанка, на глазах которой Гретхен выросла.

— Это звонил по телефону мистер Иннес, мисс Гретхен.

Руки молодой женщины окаменели.

— Да... — слабо отозвалась она. Ей казалось, что громкий стук сердца заставляет дрожать ее голос.

— Он сказал, что ему нужно говорить с вами, — невозмутимо продолжала Эбби, — он только хочет, чтобы вы сейчас приехали прямо в Летний Клуб. Он сказал, чтобы вы непременно приехали.

Мистрис Иннес глубоко надвинула на глаза шляпу и запрятала под нее непослушную львиную гриву. Сердито хмурясь на дрожащие руки и разрывая оранжевые краги, натянула перчатки.

— Вы вернетесь к обеду мисс Гретхен? — спросила Эбби.

— Не знаю, Эбби, — ответила мистрис Берк Иннес, — я ничего не знаю, Эбби.

Но про себя она твердила:

— Видел ли он сегодня газеты? Видел ли он?

Летний Клуб был переполнен. Все, кто понимал или ничего не понимал в теннисе, собрались сегодня на состязание.

Когда одинокая женщина вышла из дверей клуба, прошла мимо площадки тенниса и вошла в свою ложу, все присутствующие на мгновение положительно онемели. Они с ужасом смотрели на эту особу в белом и в оранжевом, так небрежно усевшуюся с самым независимым видом. Ее острый маленький подбородок был поднят очень высоко, и она, казалось, не замечала сотен устремленных на нее глаз.

Никто не видел, что биение ее сердца положительно сотрясало все ее тело и что каждый раз, когда она вбирала воздух, ей казалось, что больше она уже не сможет вдохнуть. Минутное молчание толпы вдруг прервалось множеством голосов. Точно вырвались на волю свистящие и бурлящие воды.

Гретхен не замечала никого. Она думала:—Видел ли он газеты?

Матч кончился. С площадки, где он так блестяще играл, Берк Иннес направился прямо к жене и склонился над ее затянутой в перчатку рукой.

Потом Берк Иннес пошел с женой к автомобилю мимо вопросительно уставившейся на них публики.

Гретхен порывисто спросила:

— Что теперь будет с нами, Берк?

— Какая ты смешная!—улыбнулся ее муж.

— Ты видел... газеты?

— Конечно.

— И ты прощаешь меня, несмотря на то, что я все сказала следователю?

— Несмотря на это?—Берк с недоумением взглянул на нее.—Да разве ты думаешь, что я когда-нибудь простил бы твой обман, если бы ты не сделала этого?

— Ты хочешь сказать, что не простил бы меня, если бы я не доказала невинности Мориса?

Берк Иннес не смотрел на жену. Глаза его были устремлены на опасный поворот на дороге.

— Больше нечего было и прощать—сказал он.—Ни один мужчина не в состоянии судить о соблазнах и поражениях женщины, о ее победах над собой. Я не так туп, чтобы не понять этого. Каждый мужчина понял бы, если бы на время забыл свою мужскую гордость. Женщины и мужчины ничем не отличаются друг от друга. Они всего только существа человеческой породы. Я постарался поступить так, как поступила бы ты, если бы ошибся я. Я уверен, что каждое твоё слово правдиво и что любила ты всегда только меня. Но я не мог простить тебе, что ты молчала и что молчание это было причиной страданий другого человека. Вот почему я ушел от тебя вечером.

Гретхен сняла шляпу, чтобы лучше видеть мужа. Она тихо плакала.

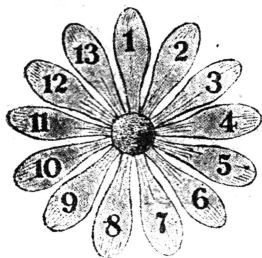
НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задача № 37.

Хороший ли вы счетчик? Вот портреты девяти бравых игроков в футбол, расположенные по возрасту. Каждый игрок, начиная с № 1, старше своего соседа на $\frac{1}{2}$ года. Сумма лет первых пяти игроков равна $\frac{1}{3}$ суммы возрастов последних пяти. Лучшему игроку—голкиперу—16 лет от роду. Сколько лет каждому игроку и где портрет голкипера? Если вы хорошо считаете, вы решите задачу в 8 мин. См. стр. 30.

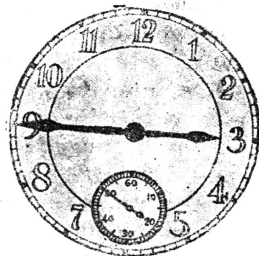
Задача № 38.

Хороший ли вы стратег? Перед вами двести ромашки с 13 лепестками. Вы предлагаете кому-нибудь по очереди выдергивать их. Вы говорите, что наверняка беретесь обыграть своего противника, заставив его вынуть последний лепесток, и выйдете из игры раньше его. Выдергивать можно по одному или по два лепестка, лежащих рядом. Как вы будете вести игру? На решение этой задачи достаточно 15 минут. См. стр. 30.

Задача № 39.

За городом случайно был обнаружен труп убитого человека. Одна из пуль попала в средину точных карманных часов, мгновенно остановив их ход и спав часовую и минутную стрелку в одну прямую линию. Ось их однако была сломана и обе соединенные стрелки свободно вращались, так что по их положению нельзя было определить, когда было совершено преступление. Можно было сказать только, что это случилось тогда, когда стрелки—часовая и минутная—стояли на одной прямой линии, и когда секундная стрелка показывала около 50 секунд. Покойный был известен, как очень аккуратный человек, всегда проверявший и ставивший свои часы ровно в 12 часов. Найдите, когда часы остановились? См. стр. 30.

Рассказ

Н. И. МУХАНОВА

Иллюстрации

С. М. МОЧАЛОВА

АТАВИСТИЧЕСКИЕ УКЛОНЫ БУССА

Масштабы — суть условная
мера вещей.

(Из старинного учебника
геометрии).

— Знаешь, Бусс, временами мне хочется вскрыть твою черепную коробку и полюбопытствовать, что за чертовщина творится у тебя в мозгу?

Тот, кого звали Буссом, невозмутимо потянулся к бутылке, налил себе старого портвейна и, медленно смакуя вино, ответил:

— Мне понятно ваше любопытство, профессор. Если бы это не было сопряжено с некоторыми неудобствами для меня, я с удовольствием лег бы под ваш скальпель. Во имя... науки, — пояснил он после пары более глубоких глотков.

Профессор дружески похлопал Бусса по плечу. Неожиданный приступ веселости мешал ему выговорить следующую фразу и он комично ерошил свои седые височки.

— Ты... ты... в конце концов, превосходный малый, Бусс! — наконец справился он с хохотом, ценою повышения голоса до высоченного фальцета. — Хотя и истребляешь неизменно много портвейна, — добавил старик с деланным отчаянием, спадая на октаву ниже.

— Свойство, вытекающее, надо полагать, также из особенностей строения моего мозга.

— Занятный экземпляр!... Клянусь нашим общим предком *pitescantropus* 'ом, занятный экземпляр!

Старый ученый снова залился добродушным, веселым смешком.

Разговор происходил в лаборатории профессора Эрстера, оборудованной ему, во внимание к его научным заслугам, правительством Союза. Деятельность старого ученого была довольно разносторонней. От изучения законов наследственности он переходил к исследованию органов внутренней секреции, от условных рефлексов к широким химическим опытам над живой и мертвой материей. Несмотря на свои 70 лет, он за последние годы обогатил науку целым рядом чрезвычайно ценных открытий и исследований в различных областях научной мысли. Последняя опубликованная им работа «От моллюска до *Homo Sapiens*'а» и послужила как раз темой предшествовавшей веселой беседы с Буссом.

Бусс — оригинал и парадоксалист, фантазер и мечтатель, — «мыслящий наизуворот», как в насмешку называл его старик, — считал себя почему-то учеником профессора и его прямым последователем. Он глубокомысленно уверял старого ученого, будто они оба идут к одной и той же цели, только различными путями. Кто скорее дойдет? По мнению Бусса, это являлось еще спорным вопросом.

Сейчас Бусс тянул свой портвейн, а профессор Эрстер насмешливо поглядывал на него через очки и лицо его лучилось от тысячи веселых морщин.

— Итак, вернемся к нашей беседе,— солидно предложил Бусс, когда бутылка наполовину опустела.

— Ого! Так тебе угодно свою болтовню считать беседой?— с легким подзадориванием спросил старик.

— Всенепременно.

— Ладно! Беседуй! А я займусь делом.— Профессор поплотнее усадил свои черепаховые очки на нос и зазвенел склянками.— Ты, надеюсь, извинишь меня?

— Вы мне не помешаете, дорогой метр. Итак, как я уже имел честь заявить, я считаю, что современная наука, во всей ее совокупности, стоит на ложном пути. Все наши кропотливые изыскания наводят смертельную скуку на человека с изощренным мыслительным аппаратом.

— Короче говоря, на тебя?— подмигнул сам себе старый профессор.

— Разумеется и на меня также,— Бусс сделал скромное лицо и отпил из стакана.— Что достоверного знает наука о процессе зарождения идей? Ничего. О функциях ганглий в работе мозга? Ничего. А как вы учтете влияние на живой организм чрезвычайно мощных, но совершенно неизвестных нам факторов мирового пространства? Один из этих факторов недавно открыл Милликен. А наука об этом до последнего момента даже ничего и не подозревала. А сколько таких факторов еще ждут своего открытия! Нет, это слишком сложно для человеческого мозга. Оказывается, гораздо удобнее иметь в запасе универсальный «фактор», уже не раз сослуживший мыслящему человечеству службу, когда нечем было крыть— старенького боженьку. Да впрочем, многие серьезные ученые так и поступают.

— Будто?— прищурился Эрстер.

— Не будто, а факт. Попробуйте-ка отрицать.

— Иду далее. Что наука знает о бесконечно малых и бесконечно больших величинах? Не более ребенка. Придумали электрическую теорию, а взять ее за рога не хватает способностей. И когда практика припирает их в безвыходный угол и выдвигает море противоречий, спецы по мысли-

тельной части делают виноватые лица и извиняются,— все, мол, относительно! Мелькала ли у когонибудь научно обоснованная мысль, что некоторые высокоодаренные существа способны одновременно существовать, как в мире бесконечно малых, так и в мире бесконечно больших величин? Кто возьмет на себя смелость отрицать, что вот я, например, Бусс, час тому назад не находился в обществе космических гигантов и мы не решали безуспешно те же самые проблемы, что решаем и в данную минуту? Позвольте, я даже, как будто, напоминаю, что к моему сапогу пристал какой-то жирный шарик, который я отколупнул зубочисткой и брезгливо отшвырнул в сторону. Не была-ли это ваша солнечная система, уважаемый профессор, и не переваривается ли она сейчас в желудке мопса, который бросился тогда за этим сомнительным лакомством?

Профессор соорудил комически серьезную мину:

— А что, дорогой Бусс, космические гиганты знакомы с употреблением портвейна?

— Безусловно, так же как и пигмеи, обитающие на одном из электронов водородного атома,—не моргнув ответил Бусс.—Кстати, дорогой профессор, вы мне подсунули пустую бутылку. Не найдется ли там у вас какой-либо жидкости, могущей способствовать жизненным процессам?

Бусс поднялся с кресла и направился к столу, сплошь заставленному какими-то разноцветными склянками. Профессор поспешно преградил ему дорогу.

— Слушай, Бусс. Ты должен дать мне слово, что никогда, ни при каких условиях, не прикоснешься к этому столу. Здесь нет жидкостей, которые могут тебя интересовать. Здесь реактивы, различные химические соединения, среди них есть такие, которые таят в себе источник огромных неприятностей для тебя и твоей любопытной философии. Таким образом, выгоднее быть от них подальше.

— Но бутылка пуста!

— Прекрасно. Если будешь павильной, так и быть, получишь другую.

Последняя-ка вот за этой лампочкой, чтобы она не вспыхнула. Сейчас я подбавлю тебе вдохновения.

Профессор Эрстер, захватив из рук Бусса бутылку, вышел. Бусс, оставшись один, покосился на запретный стол и подумал: «Хитрый старик, сам, наверное, потягивает вино получше». Чтобы скоротать время ожидания, Бусс подошел к окну. В сером ленинградском тумане, как фантомы, мельгали призрачные тени прохожих. Вечерело. Кое-где, на противоположной стороне площади, горели огни, лучась сквозь туманную мглу, точно далекие миры. Бусс задумался. Перед глазами промелькнули картины недалекого революционного прошлого города. Сколько видела эта площадь лиц и событий за двухсотлетнее свое существование! Где все это? Бусс отвернулся от окна. Лаборатория тонула в сумерках. На профессорском столике еле мерцала спиртовая лампочка, подогревая какой-то закрытый сосуд со сложной системой входящих и выводных стеклянных трубок.

Бусс подошел к столу и машинально вывернул фитиль у лампочки. Лампочка вспыхнула ярким голубоватым светом и угрожающе загудела. Хрустальный граненый графинчик вместимостью в пол-литра, с какой-то золотистой жидкостью, привлек внимание Бусса. Он открыл пробку. Пряный, раздражающий аромат столетнего, выдержанного портвейна остро зашекотал ноздри.

— Ишь, старый скряга, никогда не угостит хорошим вином—подумал Бусс.

Искушение было так велико, аромат так волнующ, а старик так долго не возвращался, что Бусс не выдержал, налил себе полстакана нектара и с невинным видом снова уселся в кресло.

Бусс сделал глоток из стакана и в упоении закрыл глаза. В этот момент спиртовая лампочка ослепительно вспыхнула, нагреваемый сосуд со звоном разлетелся вдребезги и лабораторию вмиг заволокло серым удушливым паром.

Бусс сделал попытку приподняться с кресла, но свинцовая тяжесть ско-

вала все члены. Удушливый пар распирал дыхательные пути, тяжелой лапой давил на воспаленные веки.

Бусс не терял сознания ни на минуту. В этом он мог поклясться чем хотите, если только клятва могла иметь хотя какое-нибудь значение в последовавшем затем вихре фантазмагорий. Все чувства бодрствовали. Контролирующий аппарат рассудка все время был начеку. Те элементы, которые отличают сон от яви или галлюцинацию от действительности, должны быть заранее исключены, как не имевшие места в переживаниях Бусса. Он только на время сознательно задержал дыхание, чтобы предохранить легкие от вторжения удушливого пара.

Когда он вздохнул в следующий раз, ничто не препятствовало дыханию. Он открыл глаза. Пар рассеялся. В комнате стоял тот же зимний предвечерний петербургский полусвет. Однако обстановка комнаты изменилась до неузнаваемости. Пол-литровый графинчик раздулся солидную бутыль, наполненную янтарной жидкостью. Сбоку, в открытом камине, весело потрескивали крупные березовые поленья. Углы комнаты в беспорядке были завалены явно негодным хламом, что делало комнату похожей на лавку старьевщика: огромный, ярко раскрашенный глобус, несколько больших банок с плавающими в них заспиртованными уродцами, огромные медные шандалы, скульптуры с отбитыми руками и ногами, похожий на токарный станок и наваленные на нем неуклюжие музейные пищади.

Неожиданно поленья в камине загрешили и на пол вывалилась большая дымящаяся головня.

— Что сие значит,—подумал Бусс, и мысль его, это он твердо помнит, относилась не к странности обстановки, на которую он смотрел, как на привычную, а именно к физическому закону, вытолкнувшему головню из камина. Он сделал попытку приподняться с кресла, с целью исправить беспорядок, причиненный головней, но за что-то зацепился и едва не упал. Что это? Шпоры! Огромные медные шпоры на его неуклюжих, рыжей кожи,

исполинских сапогах! Выпрямившись, Бусс заметил, что голова его едва не касается потолка этой невысокой комнаты и ему приходится смотреть на окружающие предметы как бы с высоты каких-то подмостков.

Бусс хотел нагнуться за головней, но в это мгновение откуда-то из за камина выскочило маленькое, смешное существо, какой-то гомункулюс, с лицом, точно вычищенным ваксой, в непомерно большом восточном тюрбане и широченных зеленых шароварах. Человек схватил головню, сунул ее обратно в камин и, показав два ряда сверкающих зубов, — что, по всей вероятности, должно было изображать улыбку, — юркнул обратно за камин.

Бусс сделал два шага и погрозил по направлению черного человека пальцем. Что-то вроде спиц быстро вращающегося велосипедного колеса привлекло внимание Бусса к каминной полке. Это нечто оказалось неуклюжими старомодными часами с «вечным» календарем, отмечающим фазы луны и знаки зодиака. Только странное дело: часовая и минутная стрелки, с молниеносной быстротой, вращались в обратном направлении, сливаясь в один сверкающий диск. Забавная луна, с лицом католического патера, то распухала, как шар, то съеживалась до едва заметного серпика. Получалось впечатление, будто патер ехидно подмигивает Буссу. Табличка, отмечающая года, показывала:

1712

Только сейчас Бусс обратил внимание на странное, перемежающееся освещение комнаты: как будто быстро—быстро колыхали яркие зарницы.

Бусс подошел к окну с мелким квадратным переплетом и распахнул обе половинки. За окном тянулся пустынный, запорошенный снегом плад. На сером фоне неба слабо рисовался контур низкорослых, частью недостроенных зданий. На пладу происходило учение солдат, одетых в какие-то опереточные кивера.

Из-за камина выскочило маленькое смешное существо с лицом, точно вычищенным ваксой, в большом тюрбане и широченных шароварах...

— Что за ерунда там происходит? Очевидно, кино-съемка, — подумал Бусс.

Не успел он сообразить, в чем дело, как солдаты взяли ружья на караул. Несколько карре застыли, как оловянные, в игрушечной неподвижности, и до слуха Бусса долетело что-то вроде хорового собачьего лая:

— А — вва — вва — ва!...

Буссу надоело ждать, когда вновь зашевелятся эти игрушечные марионетки. Он медленно вернулся к столу, наполнил янтарной жидкостью из объемистой бутылки какой-то замысловатый бутафорский кубок и не спеша опорожнил его.

Нежащая истома разлилась по всем членам, голова заметно закружилась. Бусс ощутил себя около камина на что-то мягкое, ласкающее приятным холодком.

— Пьян я или это штучки старого Эрстера? — лениво всплыло в мозгу. Бусс старался собраться с мыслями, чтобы ответить на поставленный себе вопрос

Приятная истома, охватившая Бусса, понемногу улетучивалась. По телу ползли морозные струйки. Мелкая дрожь неприятно расслабляла мышцы. Бусс уткнулся лицом во что-то шерстистое, вдыхая в себя частицы скры-

той там теплоты. Это было не плохо. Дрожь утихала, и Бусс начинал себя чувствовать покойно и удовлетворенно. Вдруг источник тепла вздрогнул, послышались какие-то всхлипывающие звуки, похожие на заглушенный плач ребенка.

Бусс насторожился. Все его существо охватила глухая тревога. Это ощущение являлось чем-то вроде шестого чувства и властно подчиняло себе все другие переживания.

Источник тепла глухо зарычал, сделав слабую попытку сбросить с себя голову Бусса. Бусс слегка приподнялся и открыл глаза. Огромный, лохматый, не то пес, не то волк жалобно заскулил и переполз на животе за спину Бусса.

Бусс, точно от толчка пружины, вскочил на ноги. Что-то больно ударило его по колену. Он схватился за колено рукой. На руке, прикрепленная к запястью широким сыромятным ремнем, болталась короткая, увесистая дубина. Вокруг, насколько хватал глаз, расстилась слегка всхолмленная ледяная пустыня. У ног Бусса, тревожно поскучивая и как бы ища защиты, терся большой пес с трусливо поджатым хвостом.

Из углубления в снегу Бусс вылез на более возвышенное место. Он заметил, что с головы до ног закутан в звериные шкуры шерстью наружу. Пес следовал за ним и ласково лизал ему руку, с опаской поглядывая вперед. Ободренный похлопыванием руки, он сделал большой скачек, затем низко пригнулся к оледенелому снегу и залаял свирепо и зло.

Бусс из-под руки осматривал линию горизонта, где ослепительно белая равнина сливалась с мутным, белесым небом. Какое-то еле-еле заметное, неопределенное пятно враскачку двигалось на них. Пес захлебывался от яростного лая. Бусс взвесил в руке дубину и принял оборонительную позу. Еще несколько секунд. Пятно остановилось в десяти шагах и зловеще вытянулось в вышину.

«Белый медведь!» Бусс инстинктивно попятился назад. Нежданный гость, на задних лапах, с глухим рычанием

двигался на Бусса, широко расставив передние, как будто для дружеских объятий.

Бусс обеими руками приподнял тяжелую палицу и приготовился к удару.

Шагах в трех от Бусса узкая острая мордочка зверя раскрылась, как будто расплылась в широкую улыбку, на височках зашевелились от ветра седые клочки шерсти... Бусс задержал готовую опуститься дубину.

— Да ведь это профессор Эрстер! — мелькнуло у него в голове. — Бросьте ваши дурацкие шутки, — хотел крикнуть Бусс и даже раскрыл рот, но было уже поздно. Пес упругим прыжком вскочил на зверя и мертвой хваткой вцепился ему в загривок.

Палица Бусса с размаха глубоко вошла в раскрытую пасть медведя. Раз-раз-раз — равномерно, с машинной отчетливостью опускалась страшная дубина. Белый снег вокруг расцвели алыми лучами крови. Еще момент — и зверь безмолвно осел под ноги Бусса. Пес с мордой, густо окрашенной в красное, победно и радостно залаял. Бусс, опираясь на дубину, поставил одну ногу на размочаленную голову зверя и снежную пустыню огласил торжествующий крик победителя:

— Э-о-э!

Уже несколько минут без перерыва Бусс слышал одно монотонное, надоедливое бормотание. Во всем существо было ощущение невыразимой скуки, полнейшего безразличия ко всему. Скоро ему стало казаться, будто это бормотание началось в незапамятные времена и никогда, никогда не кончится.

Бусс сделал нетерпеливое движение рукой. Бормотание прекратилось. Несмотря на воцарившуюся полнейшую тишину, Бусс чувствовал вокруг себя присутствие огромного скопища живых существ. Медленно, с видимым усилием, он приподнял веки глаз. Вокруг пронесся какой-то подавленный звук, похожий на отдаленный удар о скалы одинокой волны, или, как если бы миллионы человеческих грудей, долго и мучительно сдерживавших

дыхание, неожиданно с облегчением вздохнули.

Бусс широко раскрыл глаза и приподнялся на локотниках сиденья. Да, он сидел на чем-то, похожем на театральное кресло. Ему показалось сквозь полуопущенные веки, будто из-под его

Бусс задержал готовую опуститься дубину...

ног беззвучно выплеснулась огромная волна; волна прокатилась через лежащую перед ним площадь, разбилась о гигантские столбы, замыкавшие ее, и исчезла в тоннелях, наклонно выходящих на площадь. В следующее мгновение волна всколыхнулась снова и Бусс заметил, что это зыблемое море состоит из бесчисленного множества человеческих голов.

Живая масса беззвучно совершила коленоупреждение и снова поднялась.

Перед Буссом совсем не площадь, а бесконечный полукруглый зал, окаймленный тысячами блестящих колонн, поставленных слегка наклонно, сверху до низу обитых красноватым металлом, похожим на медь или бронзу.

Со своего места на возвышении Бусс видел шесть выходных галлерей, в конце которых голубели просветы не то неба, не то моря. С высоты зала спускался на цепях огромный золотой коршун с человеческим сердцем в когтях.

Бусс вспомнил, что все это, и зал, и галлерей, и море голов, и парящего над ними золотого коршуна он видел сотни раз, что все это ему давно надоело и в груди у него поднялось сосущее ощущение скуки. Откуда-то с боку снова послышалось гортанное бормотанье. Бусс повернул голову. Слева от него стоял человек в черно-оранжевом полосатом одеянии, с тиарой на голове, увенчанной таким же золотым коршуном. В когтях у коршуна искрился кровавым блеском огромный рубин в форме человеческого сердца.

— Что угодно будет ответить великому Омниарху, сыну лучезарного Энна, собравшимся здесь потомкам Посейдона? — спросил в заключение черно-оранжевый человек, дотронувшись рукой до рубина на своей тиаре. Толпа, взметнувшись, повторила движение.

— Чего вы от меня хотите? — устало спросил Бусс.

— Твоего решения в вопросе нашей жизни и смерти.

Бусс встретился глазами с говорившим и невольная улыбка скользнула по его лицу: перед ним стоял профессор Эрстер.

В ответ на улыбку Бусса в лице собеседника появилось выражение мучительной тревоги. Он снова дотронулся до рубина и дрогнувшим голосом спросил:

— Угодно-ли Омниарху, чтобы его верная тень повторила свои слова?

Бусс слегка наклонил голову.

Полосатый человек продолжал:

— Великий представитель жизнедавателя Аль-Лиа¹⁾ на земле, блюститель законов Посейдона, сын Энна, собирателя народов, восседающий на прародительском троне Атланта, под чьей божественной рукой благоденствуют тысячи племен, населяющих земли Азии и Европы, Атлантиды и Гиперборей и заатлантических материков Антиля и Адтлана! Преклони ухо твое к голосу твоих детей. Посейдона, а с ней и все земли Атлантиды взволнованы. Люди не могут ни трудиться, ни спать, ни принимать пищи. Скрытые силы земли ополчились на нас.

Когда все народы мира признали твою власть, о, сын Энна! — когда больше не осталось кого побеждать, когда коршун с пылающим сердцем в когтях, прообраз вечного Проме-

¹⁾ Аль-Лиа — солнце на языке Гуачи, являющимся ответвлением древне-берберского.

тея, — распростер свои крылья над всем сущим под лучами солнца, тогда темные силы, скрытые в недрах земли, загорелись ненавистью к благоденствующим под твоею эгидою народам.

Земля горит под нашими ногами. Цветущая Троада поглощена прожорливым морем. Земли Каридаи Тельхиль лежат в развалинах, смытые огненным дождем. Ученые жрецы и астрономы, кому известны все тайны

природы и движения небесных светил, знаками, выбитыми на орихалковых скрижалях, оповестили все население Атлантиды об участи, которая может ее постигнуть с часа на час. Расплавленные металлы сами выливаются из недр земли. Серебро и золото, медь и платина текут по горным ущельям и никому более не нужны. Атлантида и ее столица, город Посейдона, в конвульсиях содрогаются от подземных ударов.

Люди науки высчитали, что, если не медлить, то народы Атланта можно выселить до момента неизбежной катастрофы вглубь Азии и Гипербореи, менее подверженных опасности. Судов у нас достаточно, припасов также. Заатлантские земли Агглана ждет та же участь, только, быть может, несколько позднее.

О, великий сын Энна! Почва Атлантиды опускается медленно, но неуклонно. Угодно ли тебе спасти свой народ, сделав его народом изгнаником, народом Лабар-Энна, или все мы должны терпеливо ждать своей участи, чтобы перейти в царство прародителя нашего Посейдона? О, величайший Омниарх великого народа! Одного твоего слова достаточно, что бы миллионы твоих детей выполнили твою волю беспрекословно.

Говоривший обеими руками дотронулся до своей головы. Людское море вокруг всколыхнулось — каждый повторил жест оратора.

Бусс плавно вытянул обе руки перед собой.

Бусс сидел на троне... Слева стоял человек в черно-оранжевом одеянии, с тигровой на голове, верховный жрец Нептуна.

Стоявшая сзади стража подхватила трон с Омниархом, подняв его над головами. Толпа молчаливо расступилась и трон, мерно покачиваясь, медленно поплыл через людской поток к средней из выходных галлерей. Там, где кончается выход из храма, трон водрузили на бронзовом помосте.

Вокруг, насколько хватал глаз, концентрическими кругами расходились заключенные один в другой спокойные водные каналы, как гитантскими серебряными кольцами опоясывавшие центр острова. Широкие каналы были забиты десятками тысяч небольших парусных судов. Всюду, где только позволяло место, гнездились сплошные массы людей. Кровавое солнце погружалось в далекое море. На краю горизонта, как гигантские курильницы, дымились проснувшиеся вулканы. Остров дрожал мелкой дрожью, слышались подземные гулы, как отдаленные раскаты грозы.

Солнце погрузилось в море. Горизонт полыхал, освещенный багровыми факелами вулканов.

Омниарх молчал. Он безучастно скользил глазами перел собой. Ему было скучно. Миллионы людей, опустившиеся при его появлении на колени, затаив дыхание, терпеливо ждали последнего слова своего повелителя.

Солнце успело обежать всю землю и появиться с противоположной стороны из-за храма, а Омниарх все молчал, неподвижно смотря перед собою. Молчали и миллионы коленопреклоненных людей.

Подземная гроза надвигалась. Солнце окутали черные дымные тучи. Молнии раздирали серую мглу неба. А Омниарх молчал. Наконец, он поднял руку и трижды взмахнул ею перед собой.

Жрец в черно-оранжевом, бледный, как полотно, принял от телохранителя золотой рупор и четко бросил в миллионную массу:

— Воля Омниарха! Дети Посейдона должны остаться верными земле своего отца!

И, покрывая своим гулом подземные взрывы, миллионы людей повторили слова жреца:

— Дети Посейдона должны остаться верными земле своего отца!

Скучающий Омниарх перевел глаза на полосатого человека. Тот снова бросил в пространство через рупор:

— Да исполнится воля Омниарха!

И миллион-голосовое эхо перекинуло на соседние острова четыре речковых слова: — Да исполнится воля Омниарха!

Солнце утратило свой блеск. Дымные тучи нагнетались к земле. Во чреве земли титаны катили гудящие металлические шары. Молнии плели огненные кружева над распростершимися ниц миллионами людей. Вулканы пылали и клекотали, как гигантские горны.

Атлантида медленно опускалась в волны океана.

Когда сзади обрушился с грохотом храм Посейдона, Омниарх даже не обернулся. Ему было невыносимо скучно...

Ощущение скуки как-то незаметно сменилось ощущением животной тревоги. Бусс дрожал мелкой собачьей дрожью, ляская, против воли, зубами. В голове странно все перемешалось. Вместо привычных мыслей, смыкающихся в стройную цепь построений, в мозг вспыхивали отдельные проблески отрывочных картин мрачно-тревожного характера. Как будто молния на момент вырывала из мрака клочки жизни. То ему казалось, будто его на части разрывают какие-то дикий звери, то он стремглав летел куда-то в бездну, задевая телом за острые шипы. Неожиданные приступы голода против воли рождали в гортани нечленораздельные, жалкие взвизгивания. Мозг одновременно и отдыхал, и в то же время как-то необычно бодрствовал, заставляя все существо быть на-чеку.

Где-то вблизи послышался сухой треск и то, на чем сидел Бусс, зашаталось. Бусс, как ему показалось, задними руками и еще каким-то придатком цепко ухватился за сиденье и быстро раскрыл глаза.

Сердце задрожало в мучительном стремлении выскочить наружу. Насколько хватало до чрезвычайности

обостренное зрение, тянулся стройный, высокий лес. Бусс сидел на вершине одного из деревьев, ухватившись четырьмя руками и хвостом за ветви. Внизу какое-то чудовище, похожее на слона, обвив дерево хоботом, раскачивало его, стараясь сбросить Бусса вниз. Бусс завыл и начал забрасывать чудовище ветками и шишками с дерева.

Когда дерево, поддаваясь усилиям зверя, показало на поверхность земли часть корней, Бусс раскочался на ветке и с ловкостью (чуть не подумал — с ловкостью обезьяны), — с ловкостью птицы перелетел на соседнее метелкообразное дерево, усеянное крупными орехами. Сердце Бусса заплясало от радости, отвечая на ловкость и подвижность тела.

Повиснув на дереве, Бусс начал бомбардировать слона орехами, испуская воинственные вопли. Скоро неуклюжее животное обратилось в позорное бегство, и Бусс, в припадке спортивного задора, гнался за ним, перепрыгивая с ветки на ветку и сопровождая трусливого врага насмешливыми, хрюкающими выкриками.

Когда эта забава надоела, и Бусс вдоволь натешился сознанием своей безнаказанности и превосходства, он позволил утомленному врагу скрыться в чаще, а сам, ухватившись хвостом за ветку, затянул торжественную песнь:

— У-у-у-у!

Когда Бусс почувствовал острый голод, он прекратил песню. С мяуканьем озираясь по сторонам, он искал, чем удовлетворить надоедливый аппетит. Дерево, на котором росли вкусные орехи (а что они вкусны, Бусс знал это по опыту), осталось где-то позади, откуда началась погоня за слоном. Вернуться назад Буссу и в голову не приходило. Он заскулил, стараясь заглушить все усиливающиеся зовы желудка. Не тут-то было! Острый аппетит понемногу переходил в невыносимую физическую муку.

Внизу, на полянке, кудрявилась знакомая трава. Бусс радостно завизжал и с опаской спустился вниз. Работая всеми четырьмя руками, Бусс в минуту надергал целую охапку дикой

моркови и с быстротой кошки вновь очутился на дереве. Мурлыкая тихую песенку, он молниеносно уничтожал морковь, скусывая лишь сочные корешки. Когда голод был утолен, Бусс занялся швырянием оставшихся овощей в проходившего внизу кабана. После этого он выбрал ветку удобнее и, полузакрыв глаза, погрузился в блаженную протрацию.

Самый приятный и самый раздражающий из всех знакомых Буссу запахов зашекетал его ноздри. Он открыл глаза. На соседнем дереве сидел подобный ему экземпляр, только несколько меньших размеров. Бусс перекинулся на это дерево и ласково потянулся рукой к хвосту соседки. Та, кокетливо вильнув хвостом, перескочила сразу через два дерева и показала оттуда Буссу язык. В следующий момент Бусс сидел около, однако лукавое создание покачивалось уже в другом месте. Увлекательная погоня продолжалась до тех пор, пока между Буссом и прекрасной незнакомкой не очутилось третье существо. На соседней ветке, преграждая Буссу путь, сидел огромный самец и, с рычаньем скаля клыки, пронизывал Бусса налитыми кровью глазами.

Бусс сразу забыл о незнакомке, готовясь дать отпор. Силы явно были не равны. Неожиданно появившийся самец принадлежал к другой породе. Его острые клыки выдавались дюйма на три вперед и прикосновение их к шкуре Бусса грозило непоправимыми бедами. Двое мужчин некоторое время сидели друг против друга и свирепо перекорялись.

На щеках противника развевались седые клоchy шерсти, и эти-то клоchy больше всего привлекали внимание Бусса. В них он видел что-то давно забытое, но вместе с тем хорошо знакомое и мистически жуткое. Неожиданно тупой мозг Бусса пронизал выплывший откуда-то забытый образ:

— Профессор Эрстер!

В следующее мгновение из уст Бусса вырвались два коротких привлекающих призыва, которые на обезьяньем языке должны были означать: — Здорово, старина!

Но должно быть незнакомец не понимал универсального обезьяньего эсперанто. С диким воем он прыгнул прямо на плечи Бусса и стал давить его своею тяжестью. Бусс заскулил и вцепился клыками в заднюю руку противника.

— Несчастный, ты с ума сошел!..

Бусс еще глубже вонзил клыки, не открывая сжатых от страха глаз.

— Бусс! Бусс! Приди в себя!.. Это я... я, Эрстер!..

Бусс медленно разжал зубы и с ужасом поднял глаза. У самого его лица тряслись седые бачки профессора Эрстера. Бусс вскочил на ноги и метнулся в сторону.

— Что с тобой, дружище? В своем ли ты уме? Что ты здесь делаешь? Зачем трогал этот графин?..

Бусс, с трудом приходя в себя, tutto озирался по сторонам.

Знакомая лаборатория профессора Эрстера. Вечереет. На столе горит свеча. Старый ученый, держа в левой руке граненый графинчик, свободной рукой потирает левую пониже локтя.

— Извольте видеть, прокусил до крови, — негодуяше говорит профессор, — это... это чорт знает, что такое!.. Это проявление крайнего атавизма, любезнейший!..

— Атавизма? — как эхо повторяет Бусс.

— Да, атавизма. Кто же из культурных людей позволит себе кусаться, когда у него из рук стараются высвободить склянку с ядовитой жидкостью. Что ты с ней делаешь?

— Выпил... одну рюмку... думал портвейн!..

Старик всплеснул в ужасе руками.

— Сейчас же прими вот эти капли, чтобы тебя вытошнило. Какой там к чорту портвейн! Да и вина ты у меня больше не получишь ни рюмки. Это, милый мой, типичный алкоголизм... Это... это... чорт знает, что это!..

Бусс послушно выпил поданную ему профессором рюмку какой-то противной смеси, поморщился и спросил:

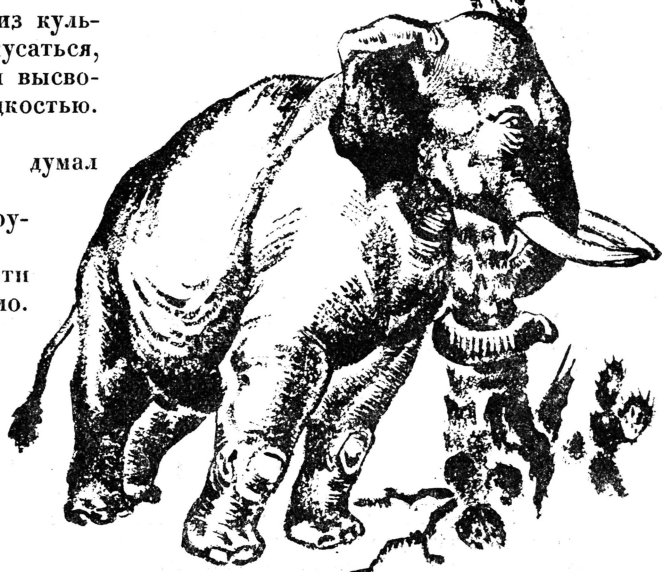

— Куда это вы запропали настолько времени?

— Сколько времени? И пяти минут не прошло, как ты развивал здесь свои дурацкие теории.

— Дурацкие?..

Бусс хотел развиться монологом в защиту своих положений, но подкативший к горлу

Бусс сидел на вершине дерева, ухватившись руками и хвостом за ветви. Слон, обвив дерево хоботом, раскачивал его.

противный комок чего-то не дал ему говорить, и он быстро направился к двери.

Однако, на пороге Бусс остановился и, сдерживая тошноту, проговорил:

— И все же вы со всей ва-

шей наукой... ничего не знаете...

— О чем?

— О том, для кого существует всякая наука... о человеке...

Бусс зажал рот рукой и быстро захлопнул за собой дверь.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ.

Задача № 37.

Самому младшему—15 лет, старшему—17. Портрет лучшего 16-ти летнего игрока—слева, в нижнем ряду.

Задача № 38.

Обозначим лепестки номерами, как показано на рисунке. Предположим, что ваш противник отрывает № 1, вы отрываете № 7 и № 8, лежащие против № 1 и делающие цветок на две одинаковых части (между 1 и 7—остается 5 лепестков, и столько же между 8 и 1). Если он отрывает № 1 и № 2, вы отрываете опять таки противоположный им № 8, и тем так же делите цветок на две одинаковых части. После этого вы повторяете «игру» противника, но в противоположной половине: если он, напр., срывает слева один лепесток, вы срываете один справа, если он срывает справа два лепестка, вы делаете то же в левой части. В результате—сорвать последний лепесток—выпадает на долю вашего противника.

Задача № 39.

Итак, обе большие стрелки при заводе стояли вместе в 12 часов и секундная

стрелка стояла на 60. Минутная стрелка движется в 12 раз быстрее часовой, удаляясь от нее в каждую минуту времени на $1\frac{1}{12}$ минуты по циферблату. Стрелки совпадут через $60:\frac{11}{12}$ минут или через 65 мин., 27 и $\frac{3}{11}$ сек. За половину этого времени—в 12 часов 32 мин., 43 $\frac{7}{11}$ сек., стрелки будут стоять одна против другой по прямой линии. Такое противостояние будет регулярно повторяться через 1 час, 5 мин., 27 $\frac{3}{11}$ сек.—т. е.

В 2 ч.	43 м.	$38\frac{2}{11}$
„ 3 ч.	49 м.	$5\frac{8}{11}$
„ 4 ч.	54 м.	$32\frac{8}{11}$
„ 6 ч.	ровно.	
„ 7 ч.	5 м.	$27\frac{3}{11}$
„ 8 ч.	10 м.	$54\frac{6}{11}$
„ 9 ч.	16 м.	$21\frac{9}{11}$
„ 10 ч.	21 м.	$49\frac{1}{11}$
„ 11 ч.	27 м.	$46\frac{4}{11}$

Таким образом, судя по тому, что секундная стрелка стояла на 50 секундах, мы можем утверждать, что часы стали около 10 ч. 22 м. вечера.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Г-ну Калантарову (Тифлис). — В задаче № 11, из суммы 9 первых чисел нельзя составить число 99, так как эта сумма будет равна 45. Сумму эту можно составить из 8 чисел в разных комбинациях. Попробуйте из этих же 9 цифр составить наибольшую сумму, при условии, что число цифр в каждом слагаемом было бы не более двух.

Филька Бесштантный Рак

Рассказ Н. КОМАРОВА. Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

Мороз подбирался к 20°, а время — к двенадцати. Филька, по кличке Бесштантный Рак, почувствовал это сейчас же, как только был изгнан из вестибюля театра, где он, притулившись за калорифером, часа полтора наслаждался теплом и уютом.

Бритый, толстомордый швейцар, с лицом цвета апельсиновой корки, долго тыкал шваброй в кучи лохмотьев, пока Фильке не удалось нащупать головой дверь и выкатиться к подъезду.

— Хулиганы! Житья от вас не стало! — услышал он напутственное приветствие.

Оскорбленное человеческое достоинство требовало реабилитации. Филька просунул голову в дверь и раскатисто зыкнул:

— Эй, ты! Свиначий хрящ! Не лайся, а то я те попорчу громкоговоритель-то!

Чья-то новая рука сгребла Фильку за шиворот и брезгливо отбросила в снег. Мальчик минут пять поругался перед закрытой дверью, потом наугад побрел по проспекту.

Город жил лихорадочно и бодро. Не особенно торопливые обычно пешеходы заметно прибавили прыти. Трамваи, с заснеженными бельмами вместо окон, гудели, как исполинские шмели и оглушительно перезванивались без видимой необходимости. На перекрестке дымился костер. Длинновязый мильтон с головой, похожей на красный перец, деловито ворочал горящие поленья. Тут же толпилась

какая-то праздная публика. Филька, на приличном расстоянии, с наслаждением потянул в себя едкий, тепловатый дымок, однако, вплотную подойти поостерегся.

Лохмотья плохо держались на плечах, ноги ломило от холода, зубы начинали выколачивать музыкальную дробь.

«Сколько теперь градусов? — подумал Филька. — Пятьдесят, али может и все сто?»

Чтобы согреться, он игривым галопом перебежал несколько раз через улицу, ловко лавируя между шныряющими трамваями и авто. Наметанный глаз поймал на панели корзину с грушами и шагающую около торговку. Под ложечкой сразу заняло — с утра не ел — и Филька бочком придвинулся к корзине. Баба в валенках, напоминающих небольшие броненосцы, маневрировала четыре шага вправо, четыре — влево. Момент — и пара груш скрылась в лохмотьях. Фокусник взглянул в заиндевелое лицо бабы:

— Эй, чушка, товар проспится!..
Проглотил груши и стал решать дилемму, где устроиться на ночлег? Дело в том, что насиженное гнездышко под вокзалом 3-го класса улыбнулось; пока Филька утром промышлял себе на рынке завтрак, лазейка оказалась наглухо заколоченной. Все усилия отодрать плотно пригнанные доски не привели ни к чему. «Добро—вылез во-время, а то подох бы там, как крыса»,—утешил себя мальчик.

День прошел в экскурсиях по пивным, церквям и кино. Сейчас то, что было под лохмотьями, властно требовало отдыха. Воспоминание о потерянном рае под гулким полом пассажирского зала навевало грусть.

На ночлежку нет денег, на улице замерзнешь.

Что делать?

Со стороны автора было бы непростительной сентиментальностью утверждать, будто его герой слишком глубоко задумывался над своим положением. Во-первых—привычка, во-вторых—бывало и хуже, а в-третьих и последних—бессмыслица заглядывать вперед, когда в настоящем с языка еще не улетучился сладко-ароматный вкус подмороженной груши.

Брошенный прохожим солидный окурок совсем подбодрил энергию Фильки. Он свернул с проспекта и пошел

колесить в поисках случая.

Двенадцати еще нет. Подъезды пока открыты.

В некоторых бур-

жуйских домах на парадных хоть парься. Только бы схорониться было где.

Блестящая медная дощечка привлекла внимание Фильки:

ДОКТОР ГУСС.

Филька вузов не проходил, но по печатному разбирал не хуже студента.

«Ишь, ты,—гусь... И каких только прозваний не бывает»,—подумал мальчик.—«Нельзя ли погреться около этого гуся?..»

Проскользнул на лестницу. Высоко маячит электрическая лампочка в проволочном чехле. В десятке ступеней—площадка. Темновато. Справа и слева по квартире. Края дверей обиты полосками листового железа.

«Кренко живут. От налетчиков»,—мигом сообразил Филька.

Под лестницей—дверка; разбитое окно заколочено досками,—была швейцарская. Дверка загнутым гвоздиком придерживается. Отогнул гвоздь, потянул за ручку—отворилась.

Хлам какой-то навален, — не то мешки, не то половики. Дальше—березовые дрова аккуратно сложены. Вот тебе и квартира! Живи—не хочу. Филька даже хрюкнул от удовольствия. Зарылся в мешке, прикрыл дверку и стал дуть в очоленевшие руки.

Только немного согрелся и поплыл куда-то в пространство — пушечный выстрел, — внизу захлопнули тяжелую дверь. Кто-то долго звенел ключем, стараясь попасть в замочную скважину.

«Парадную запирают», — догадался Филька.

Не успело замолкнуть эхо — рядом открылась дверь, кто-то хрипло пролаял:

— Даша! Ключ от дров!

— Не заперто! — откуда-то из глубины отозвался женский голос.

— Опять не заперто? Сколько раз долбить! Все дрова растащат! — злобно лаял хрипун. Филька насторожился, слегка выпростал голову из-под мешков, ждал. Дверка открылась. На пороге — громоздкий рыжий дядя, мордорот — во! — на носорога похож. Почесывает волосатую грудь под расстегнутым жилетом и близоруко щурит узкие глазки поверх Филькиной головы.

Мальчик замер.

Рыжий повернул голову, снова забрежал:

— Тащи замок! Запереть надо!

— Захвати дровец... Счас отыщу, — заливалась где-то женщина.

Ворча и ругаясь, мужчина полез через мешки:

— Навалили всякой дряни... Чорт ногу сломит...

В нерешительности затоптался на месте. Филька храбро выдержал тяжесть шести-пудового тела, хотя ему и хотелось кричать от боли: одно из копыт носорога долго топталось на его руке.

— «Запрут, что буду делать? Засыпался», — мучительно подумал мальчик.

Неожиданно свет на лестнице погас. Носорог, начавший было набирать дров, вновь захрюкал:

— Вот, лешие!.. Во время!.. Даша! Свечку!..

Филька ловко использовал момент: выскочил из под мешков и хотел юркнуть вверх по

лестнице. В неплотно прикрытую дверь носороговой берлоги падает полоска света: в коридоре много рухляди — шкафы, корзины, вешалка с платьем. Вкусно тянет чем-то жареным.

Гениальные мысли, чтобы там ни говорили, приходят внезапно, если только голова посажена нормально. Рыжий не выругался и двух раз, а Филька уже сидел в коридоре за шкафом и оттирал отдаленную руку.

Уют занятого уголка вполне компенсировал пережитую тревогу и боль в руке: хотя щель и узковата, однако ноги с большим удобством можно просунуть под шкаф, а спина сладко млеет от теплоты стенки, где, кажется, проходит дымоход.

Филька похвалил жильцов за похвальную привычку топить печи на ночь.

Мимо, шаркая туфлями, проплыла толстая, бесформенная женщина с зажженной свечой, — как видно, носорогова подруга. Через минуту собственник этого нескладного сооружения, груженный дровами, проследовал по коридору налево, а само сооружение, поставив свечу на пол, долго, со звоном и грохотом, налаживало какую-то необычайно сложную систему запоров на двери.

Филька не без удовольствия созерцал ее боченкообразные икры в полосатых чулках. «Что будет, если пощекотать эти штуки?»—Озоровато подумал он и чуть не фыркнул от смеха.

Наконец, полосатые чулки ушли и Филька остался один.

«Устроился что надо. Тепло. Печи топят поди каждый день. Картошкой жареной будто пахнет. Люблю жареную картошку. Улягутся — надо на кухне пошарить».

За дверью напротив тренькало пианино, высокий женский голос разухабисто напевал:

«Цыпленок жареный, цыпленок пареный,
Пошел по Невскому гулять»...

«Веселая какая»,—подумал Филька закрывая глаза,—должно из «этих»...

Изредка хлопали дверями, кто-то выходил в корридор, гремели самоварной трубой, зажигали и тушили свет поблизости. Филька давно перестал обращать внимание на эти пустяки,—он чутко спал, нежась в обстановке редкого комфорта.

Пронзительный звонок над самым ухом заставил Фильку привскочить на месте.

«Что за чорт?»

— «Цыпленок жареный»... Из двери напротив выпорхнула молоденькая блондинка в кружевном капоте нараспашку и, повернув выключатель, направилась прямо к Фильке.

«Засыпался»,—с ужасом подумал мальчик и сжался в комок.

Цыпленок жареный, почти задевая капотом филькины лохмотья, остановился около, пошарил на стенке и, подпрыгивая ножкой, заголосил:

— Алло!.. Да, это я... Вы, Пал Палыч? Ах, не шутите... И не стыдно

вам... Что делаю? Спать укладываюсь... Ну, конечно, одна!.. Вот бесстыдник... У, противный!.. Не смейте звонить по ночам... Вот простужусь и умру... Ну, разумеется, я почти голая... Рассказывайте, только поскорее...

«Этот... как его? Телефон»,—сообразил Филька.

Надо перебраться куда поглубже.

Блондика долго еще взвизгивала, кокетливо пожевываясь и жеманничая перед Филькой, который совсем перестал дышать.

— «Халда... Хотя бы закрылась одеялом, чи что...»

А важно пахнет... думал мальчик, от нечего делать изучая строение «цыпленка».

Наконец, девица, потушив свет, упорхнула, а Филька осторожно выполз из беспокойного угла и ошупью пошел вдоль шкафа. Размеры шкафа показали ему немногим меньше дровяного сарайчика. Одна половинка двери заперта, другая — отсутствует вовсе. Внутри приятно шелестят мягкие домашние платья. Внизу какие-то картонки. Подумав, Филька углубился в чашу дамских туалетов. Помещение еще удобнее, чем за шкафом. Слегка согнувшись, можно лечь. Филька пришел к заключению, что больших удобств вряд ли кто вправе требовать от жизни.

«Устроился на ять»,—подумал он, засыпая.

Филька проснулся от царившей вокруг могильной тишины и неприятного ощущения тепла, насыщенного женскими духами.

Вспотел. Неизбалованное теплом тело немилосердно чесалось. Поскреб себе под мышками.

«Бельишко бы сменить... Рубах, поди, нету тут»...

Обнюхал развешенные кругом, пахнущие духами платья, ошупал картонки. Сбросил оттаявшие в тепле рваные опорки, вытер ноги чем-то мягким и ласковым. Вытряхнул содержимое двух-трех картонок. Что-то с рукавами. — За подштанники сойдет. Напялил на тонкие ножки — коротковато. А это? Никак чулки? Длинные какие. Ну ничего, загнуть можно.

«Какие приятные, должно—паутинка. А это замест рубахи»...

Обрядился с головы до ног. Натянул сверху остатки своих штанов. Лохмотья пальтишка в шкафу оставил. Высунул голову наружу, прислушался. Тихо, как в могиле.

«Дрыхнут»...

Попробовал сообразить, что дальше делать? Прежде всего пошамать, а там—видно будет. Чиркнул спичку и, мягко ступая по полу шелковыми чулками, отправился на разведку.

Раз, два, три... шесть дверей... Две маленьких.

Заглянул в первую—уборная. Повернул выключатель. Полюбовался на красную полировку. За другой дверью—мраморная ванна, холодом несет. А вот и кухня: понюхал в приоткрытую дверь—пахнет съестным. Хотел войти—вдруг мысль: «А если кухарка спит?» Не дыша, долго стоял в дверях, прислушивался. Наконец, осмелел, чиркнул спичку—никого. На плите два зеленых уголька горят. Попятился назад. Угольки поднялись кверху... Кот, да черный какой! Подошел поближе, погладил. Кот выгнул спину и замурыкал.

Отыскал огарок свечки, зажег, в уголке за дверью на полу поставил, полез в духовку—пусто. На полке котлетки в котелке, крышкой прикрыты. Присел на плитку, сам пошамал, кота накормил.

Молоко в кринке—давно не пробовал молочка. Кисель клюквенный—даешь кисель! Между окнами половинку рулета высмотрел. Достал, покрошил ножечком, пожевал ветчины.

Благодаря! Сидеть на плите—теплынь. Кот около трется, мурлычит. Надо будет окорочек с собой прихватить.

Где-то часы захрипели. Прислушался—пять пробили. Скоро рассветет. Рано-ли поднимаются? Часика через два надо смыться по черному. К этому времени ворота дворники открывают. Никто и не узнает, что в квартире новый жилец ночевал.

Жилец без жилплощади.

Где-то, кто-то хрипло закашлялся—затяжным генеральским кашлем. Что-то грохнуло... Щелкнула дверь... Тяжелые шаги,—половицы гнутся...

Филька метнулся в угол, задуд свечу, притаился, трясется ни жив, ни мертв.

«Пропал. Сейчас накроют. Убьют на месте!..

За каким дьяволом в квартиру затесался?»..

Шаги остановились около, по ту сторону двери. Вчерашний носорог хрипит:

— Анафемы!.. Целыми ночами электричество жгут... А ты — плати!.. Черти!..

Сопя и задевая за косяки, носорог полез в уборную. Филька вспомнил—это он зажег, когда полировкой любовался.

«Царица небесная... Пронеси... буду осторожней!!!» Подумал и сам себя язвительно поймал:

«А! Царица небесная!.. Видно подошло к гузну узлом! А то таки бога нет!.. У, шкет сдюнявый!..

Сам себя выругал и, пользуясь потемками, украдкой перекрестился,—как мамка когда-то учила. Когда? А кто его знает, может быть пять лет прошло, а может и больше,—без календаря живет.

Носорог долго шумел в уборной, наконец, ушел досыпать, и все утихло.

Чтобы скоротать время, Филька обревизовал все полки и горшки. Пожевал сухих макарон, хотя есть не хотелось,—нашел гороху—набрал в карман, послонялся по корридору,

прислушиваясь у дверей к дыханию спящих.

Светало. Слабый свет пробивался в корридор через оконца над дверьми комнат. На вешалке висело несколько пальто, около валялась целая груда калош. Филька мысленно прикинул, какое одеяние ему будет более к лицу. Облюбовал высочейшие белые дамские ботинки, примерил,—сразу стал выше на целую голову. Показалось занятым. Засмеялся. С улицы донесся звук скребков,—дворники чистили панель. Прогромыхал грузовик, сотрясая весь дом. Город просыпался.

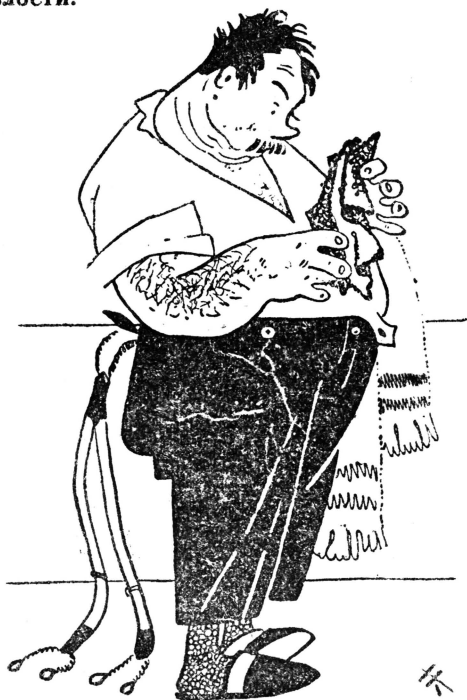
«Ворота, наверно, открыты»,—учел Филька и начал готовиться к отлету.

На парадной—целая машина из запоров, что и как—ни в жизнь не разобраться.

Деранем по черному!

Облачился в коротенькое, по широченное пальтецо, — второпях не сообразил, что дамское. Забрал белые ботинки под мышки, шмыгнул на кухню... И обомлел...

Удар в самое сердце! На двери, перекрещенной железной накладкой, висит огромный замок. Висит и ехидно поблескивает новенькой никелировкой. Филька чуть не разревелся от злости.

Сломать? Да разве такого чорта сломаешь!

Пошарил глазами по стенам, ища ключ. Не тут-то было. Не иначе, как носорог под подушкой у себя держит.

Под самым потолком—нары. Только сейчас Филька обратил на них внимание. Вроде полатей, на железных болтах к потолку привинчены. Силошь заставлены разным хламом: корзинки, ящики, погнутые буржуйки.

Как хороший полководец, в момент составил новый план действий.

Пальто и боты отнес на место, захватил свое барахлишко и, рискуя сломать шею, полез на верхотурку. Пыли—на палец. Тем лучше, значит, сюда никогда не заглядывают. Очистил себе уголок, огородился баррикадой из рухляди, обосновался, как на долгое жительство. Совсем рассветало. Посмеялся над своим одеянием: из прорех штанов выглядывают кружевные воланы, а вместо рубахи—кремовая бабская кофточка с розовыми лентами надета,—и грудь голая.

Первым вылез из своей берлоги носорог. Долго полоскался под краном, шмыгая носом и отхаркиваясь. Вытерся мохнатым полотенцем. Поднял с полу потерянную Филькой мокрую, грязную портянку, долго и внимательно разглядывал ее у окна,—как будто загадочные письма разбирал.

Появилась его половина в полосатых чулках.

— Что это?—повернул к ней взлохмаченную рыжую голову.

Женщина напряженно осмотрела портянку и в испуге покачала головой.

— Откуда эта мерзость?

— Кот, наверно, откуда-нибудь вытащил.

— Чорт тебя знает, везде у тебя грязь. Сколько раз говорил, чтобы хлам с полатей на чердак выкидать.

У Фильки снова защемило под ложечкой.

Носороги поставили самовар и скрылись из кухни.

«Смыться бы скорее», — тоскливо думал Филька.

Неслышными шагами появилась необычайно высокая женщина, сухая

и тонкая, как жердь, с постным выражением бескровного лица. Женщина перекрестилась на иконку в углу и полезла на полку за котелком с котлетами. Дальнейшее похоже на бешено прокрученную кино-картину. По крайней мере, Филька впоследствии лишь с огромным напряжением внимания мог восстановить стремительно развернувшийся ход событий.

Как от укола иглы, тощая женщина неожиданно завyla, завизжала и, воинственно размахивая пустым котелком, открыла шлюзы своего красноречия:

— Дармоеды! Шаромыжники! Богохульники оканные! Все котлеты слопали, мазурики! А фарш—сорок копеек подкило!.. Чтоб гвоздями обернулось у вас в животе мое трудовое добро. Мышьяку в другой раз подсыплю, али булавок натычу — кушайте на здоровье, жулье замореное!..

— Что за нарушение порядка? Да в моей квартире? Да в неурочное время? — выпрыгнул вдруг разъяренный носорог.

— Знаю я!.. Твои это штуки, рыжая обезьяна! — визжала тощая женщина. — Окромя вас некому! Известные воры и мошенники! Паразиты трудящихся масс... Чем живете? Нашей трудовой кровушкой питаетесь!..

— Заткнись! — рычал носорог. — Какое вы имеете такое полное право

оскорблять равноправных граждан? Милицию сюда!..

— Наплевала я в твои котлетки, моща смертенская! — захлебывались тут же полосатые чулки. — Сама слопала, хочешь другие заработать! На-ка, выкуси вот это!..

Дверь закупорили полусонные обитатели: два совершенно одинаковых вихрастых молодых человека, девица с вытаращенными глазами, — не вчерашняя блондинка, а потемнее. Вокруг боевой группы прыгал на деревяшке какой-то инвалид в заячьей шапке и красных подтяжках, — повидимому, сожитель постной женщины.

Злополучный котелок с звоном отлетел в угол. Тощая и толстая женщины с артистической ухваткой вцепились друг другу в космы. Носорог, упираясь в плиту ногами, тянул тощую женщину за юбку, пока юбка не осталась у него в руках, в виде трофея. Инвалид, громко ёкая селезенкой, дубасил кого попало. Девица с вытаращенными глазами в истерике билась на плите; один из близнецов отливал ее прямо из-под крана, другой,

стоя на табурете, с воодушевлением вошел:

— Гражд—да—не!.. Граждане! Со—зна—тель—нее!.. Кто-то надсади-сто дергал звонок черного хода, — ему так и не открыли, все были по горло заняты. Звонил телефон. Звонили на парадной.

Фильке вначале было весело, — руки у самого ходили ходуном, однако по мере разворачивания баталии, мальчик

струхнул, особенно, когда через час, примерно, времени, воюющие выдохлись и в кухне каким-то непонятным путем появился домуправ с портфелем и новенькой рулеткой под мышкой.

«И это только из-за котлеток», — думал Филька, почесывая вихры. — «Что же будет, когда увидят выпитое молоко, слизанный кисель и обглоданный рулет? Беда! Кости друг дружке переломают!..»

Стычка как внезапно разгорелась, также внезапно и потухла. Домуправ, солидный мужчина, мягко урезонив своих подданных, взывая к их культурности и сознательности.

— Что это вы, граждане? Что за битва русских с кабардинцами? Не современно. В какое время живем-то, вспомните! Теперь глазами больше, исподтишка действуют, а вы — на-те-ка! — Гвалт на весь дом! Не современно...

Уговоры ли подействовали или опротивела война, только граждане один за другим покидали поле сражения. Слышалось хлопанье входной двери, — начинался мирный трудовой день.

На кухне остались домуправ и женщина в полосатых чулках. Она, сидя на табурете, одной рукой придерживала на жирной груди располосованную в ленты кофточку, с другой —

сдувала запутавшиеся ключья чужих волос и, всхлипывая мягко, жаловалась:

— И в чем у ней эта звериная злость держится? Ведь моща мошей! Котлеты, вишь, у ней съели... Да я грехом считаю на кастрюльки-то ее взглянуть. Этакая язва сибирская! За квартиру семь месяцев не платит со своим безногим хахалем. А выселить — не имеешь права. Вот и живи да майся.

— Ничего, потерпите Дарья Марковна, — авось! — загадочно успокаивал управдом.

— Одноногий — то коканном ведь промышляет... Я доподлинно знаю... А еще пудрой Коти...

— Ничего, ничего... Мы его припудрим, потерпите...

— Помог бы бог!

— Бог, это — опиум, и вряд ли вам поможет, а на меня можете надежду питать... Ну-ка, выпустите меня по черному, квартиры тут обмерить надо. А главное — потерпите...

Дарья Марковна достала из кармана ключ и стала отпирать висячий замок.

У Фильки от радости сердце за-плясало.

— Крепко живете, — пошутил управдом.

— На ночь запираемся. Сам-то налетчиков очень боится. А что у нас взять? Как есть голь перекатная.

Управдом ушел.

— Даша, закрой, — заглянул в кухню одетый носорог. — К обеду буду. На рынок пойдешь?

— Да надо бы...

— Не долго шляйся. Как раз разгромят. Все разошлись. Одна Марья Павловна дома. Вот спит! И буза наша не разбудила.

Проводив супруга, толстая женщина вернулась, прибрала следы боя, захватила ковровый мешок и скрылась. Было слышно, как щелкнул замок на парадной.

Филька некоторое время сидел на ярах и весело хихикал от предвкушения свободы, поглядывая на ставший безвредным висячий замок. Потом сбросил на пол свое тряпье и лозко спрыгнул сам. Без всякой

опаски пробежал по корридору, пробуя двери. Все двери оказались запертыми, за исключением двери «цыпленка». Филька приоткрыл ее. На постели, разметавшись, сладко спала вчерашняя телефонная блондинка. Рядом на столике лежала пачка папирос и дешевая брошка. Филька полюбовался на спящую, сунул в карман папиросы, а брошкой скрепил на своей груди кремовую кофточку. Подмигнув спящей, он вышел в корридор. На вешалке одиноко болталось дамское пальто,—то самое, которое ночью так понравилось Фильке. Около валялись брошенные им белые боты. Минуту Филька соображал, одеть или не одеть пальто?

«Пальто-то бабское... И боты тоже. Засынешься, не выходя со двора, как пить дать! А ну их к богу в рай!..»

Он торопливо облачился в свои лохмотья и слегка приоткрыл дверь на черный ход. Никого. Спустившись несколько ступеней, мальчик что-то вспомнил и остановился. Потом быстро вернулся в кухню, забрал остат-

ки рулета, завернув их в свою же портянку, и незаметно вышел на улицу. Мороз спадал. Филька шел, держа рулет под мышкой, и весело смеялся внутренним клокочущим смехом.

Чему?

Он себе живо представил новый грандиозный бой на кухне, когда собственник рулета обнаружит его пропажу.

На углу вертелись две знакомых беспризорных девочки. Филька хотело поделиться с ними ветчиной, но одна из них, заметив мальчика, показала ему язык и затанула обидную песенку:

«Бесштаный рак,
Полезай в овrag,
Там кошку дерут,
Тебе ножку дадут»...

Филька притворился, будто не обращает внимания на озорницу и хочет пройти мимо. Поровнявшись с девочонками, он ловко дал одной из них подножку. Та ткнулась носом в снег и захныкала. Филька, степенно шагая, направился дальше.

Из таежной жизни

Рассказ ПАВЛА БЕЛЕЦКОГО

Иллюстрации И. А. ВЛАДИМИРОВА

I.

Сомнения больше не было: бурят Хонхолдой, — брат Базара, товарищ гунгуса Кульбая и трех русских золотоискателей—предательски скрылся... Но суть не в нем, а в лошади, которая при подобных обстоятельствах могла служить пищей и, следовательно, средством спасения... А теперь выхода нет: почти голые, мокрые, без огня, без крошки провизии, под открытым небом и в десяти днях пути людей... Что тут придумаешь?

Обескураженные лица потерпевших, неожиданный крах золотоискателей, действительно, не выражали ни тени надежды. Как только собрались они вместе после постигшего их несчастья, выслушали заключение Кульбая, — этого неизменного консультанта по вопросам таежного быта, — относительно Хонхолды и его лошади, — так и свесили головы. Даже словами не обменялись: до того положение казалось всем одинаково понятным...

Впрочем, сам двадцатилетний Кульбай, которому не было знакомо чувство безнадежности, не торопился примкнуть к умозаключениям товарищей. Дикаря, выросшего среди вечных опасностей таежной жизни, всякие затруднения только побуждали к изобретательности. А тут еще, на его счастье, уделела его кремневка с тремя зарядами, и громадный охотничий нож

его—при нем, на поясе. Можно пока и не унывать.

— Сделать надо огонь, а потом смотреть!—неожиданно предложил он товарищам.

— А спички где? Огниво где? — иронически-злобно отозвался глава отряда, рыжий верзила Захар, типичный «чалдон», акклиматизировавшийся в тайге и выдавший виды.

Эти первые подсчеты катастрофы должны были прозвучать последним и окончательным приговором для группы людей, возвращенных капризным случаем в первобытные условия жизни, но дикаря они даже развеселили. Он не без гордости и с осанкой полубога бросил белым товарищам:

— Когда надо—дерево огонь дает, только долго, а мы можем скоро брать!..

С заметной вспышкой изумленного любопытства, все, кроме бурята, взглянули на него.

Кульбай наломал ветвей ерника (легко воспламеняющаяся кустарная береза), приготовил сушняка и добыл из-под камней сухого мха. Когда устроенная, таким образом, основа для костра была готова, он оторвал от мокрой рубахи лоскут, натер его порошком и воспламенил при помощи кремня и спички своего ножа.

Через четверть часа пламя огромными языками лизало холодный воз-

дух, а продрогшие, полунагие люди, как около божества, сплотились вокруг. И они, действительно, в этот момент, как древние люди, чувствовали сокровенную сущность огня, и не только через тепло, но и через свет его, чувствовали, как согревается тело и обновляется настроение. Почему они так вдруг и безнадежно упали духом? Ведь вода в речке может спасти и они извлекут со дна заветный выюк с провизией и инструментами. Золотой ключ, привлкший их, отсюда уже близко, и они могут еще взять то, за чем шли... А все-таки жаль, что не предусмотрели! Во время половодья, после сильного дождя, рисковать переправой не следовало бы. Но опять-таки думали, что принятых мер достаточно будет для успеха. Плот соорудили двухрядный и сами вооружились шестами. Как тут не надеяться было перемахнуть до другого берега каких-нибудь пять сажен? Но это бешеное течение, что так сразу рвануло, как только отчалили; а потом этот проклятый утес, неожиданно вынырнувший из воды за кривуном! Впору было самим спастись вплавь, благо раздеты были, а разбившегося плота никто в суматохе и не видел. Не видели больше и Хонхолдо, плывшего на привязанной к

плоту лошади. Только потом Кульбай, собирая зацепившуюся за прибрежные кусты одежду, нашел его следы на берегу и свою кремневку, взятую им для переправы.

— Если бы были лошади, — глухо и сокрушенно отозвался Захар, — то было бы еще полбеда. С мясом можно было бы не то что выбраться из тайги, а еще и поработать...

— Коня кушать — да мало-мало ладно! — подхватил реплику больше всех потерявшийся Базар. — Шорт Хонхолдошка!.. Боялся голод и бежал один...

Высушив собранную одежду и распределив ее коровну между всеми, чтобы прикрыть наготу, компания занялась заготовкой дров на ночь. Спать легли на площадке, под вековыми соснами, окруженные пламенем четырех огромных костров, но уснули не сразу, мучимые представлением о предварительном ужине и долгом чаепитии с трубками, за беседой...

Восходящее солнце застало всех уже на ногах. Вода в речке за ночь спала четверти на две, день обещал быть ясным, а Кульбай из выдолбленной плиты сланца соорудил посуду для кипячения воды и набрал листьев известного ему чаеподобного кустарника. Черпак не трудно было

Ликование было бесконечное. Ели мясо...

сделать при наличии хорошего ножа, поэтому чаепитие было обещено. Мало того, Кульбай предложил командировать его на охоту, что сулило уже нечто совершенно сущест-венное.

Может быть дело и исправится...— мелькала у всех ободряющая мысль.

Часы текли. Не ели уже больше суток и вновь вернувшееся пессимистическое настроение от возможной гибели провизии и инструментов перешло и на предприятие Кульбая... Какой здесь зверь? В этой части тайги и орошены никогда не промы-шляют ничего, кроме соболя... Вот уже сколько времени, как он ушел, а выстрела не слышно. Голод же чувствуется все сильнее. Ведь не мало их брата пропадает в тайге от голод-ной смерти!..

Все сидели молча вокруг ярко пы-лавшего костра и только веселое по-трескивание дров нарушало немую и гнетущую тишину глубокой тайги. И огонь уже более не веселил...

Под влиянием мысли об ужасах угрожающего голода, они избегали даже смотреть друг на друга... Бе-жать? Но куда? Тайга безбрежна, как море. Да и надолго ли хватит сил?..

Вдруг в горах грянул выстрел. Гу-локое эхо подхватило его и далеко раз-несло по тайге. Это мог быть тор-жественный салют грядущему насы-щению!..

Мгновенно вскочили они с мест с сверкающими счастьем глазами, как будто пуля товарища-охотника не могла впиться в каменную грудь мертвого утеса вместо живого мяса! Но скептицизму здесь не было места. Через минуту все бежали на выстрел. В этот самый момент, верстах в двух от стана, на горе, между глыб седого утеса, стоял Кульбай с дымя-щимся ружьем. Пристально и востор-женно смотрел он, как по обрыву противоположной горы, отделенной от него узким ущельем долины, ка-тилась окровавленная каборга, судо-рожно корчась и цепляясь за выступы камней... Никогда до этого молодой тунгус не переживал такого восторга и гордости, какие охватили его те-перь...

Через час он уже шествовал к месту стоянки, как герой-триумфа-тор, во главе торжественной пр де-ссии тащивших каборгу товарищей, и рассказывал, сколько времени он вы-слеживал осторожное животное, как преследовал, крадись ползком за уте-сами, и, наконец, застрелил.

Ликование было бесконечное; на время забыт был даже злополучный вьюк, а по прибытии на место нача-лось настоящее пиршество. Ободать и выпотрошить убитое животное для такой усердной компании было делом всего нескольких минут, а через чет-верть часа долго бездействовавшие челюсти работали уже без остановки. Кульбай, как герой события, получил лучший кусок — печенку, и, едва согретую на огне, терзал ее острыми зубами. Другие ели мясо — кто под-жаренным на вертеле, кто запечен-ным на углях. Это предоставлялось терпению каждого.

Неожиданное и обильное насыще-ние, закончившееся чаепитием, на-столько благотворно отразилось на самочувствии компании, что послы-шались даже шутки и остроты по по-волу их сокрушения о будущем, когда есть ружье и хороший охотник. Да и вода с каждым часом спадает и светлеет, так что завтра же станет возможным достать вьюк. Не разделял общего увлечения только Кульбай, но ничего не высказывал.

Легли спать после одного чаепития, с намерением уснуть скоро и крепко. Костры разложили, не жалея дров, да и ночь была теплая, что радовало всех; между тем теплота эта оказа-лась предательской. С полуночи восточный ветерок стал нагонять тучи на ясное небо, а перед светом оно обложилось ими сплошь и засея-благодатным весенним дождем, оро-шавшим молодую зелень. Разом отле-тели розовые надежды, навеванные удачей Кульбая и быстрым падением воды в речке. Дождь был не грозо-вой и обещал затянуться...

Положение становилось серьезным. Новая прибыль воды грозила похоронить вьюк навсегда. Во всяком слу-чае, сидеть здесь в надежде на его извлечение было бы верхом не разумия.

Не ожидая дня, решено было сейчас же слегка подкрепиться и отправиться в путь. Мясо, не исключая кишек и очищенной от шерсти кожи, было испечено на месте, и товарищи, прикрываясь остатками мокрой одежды, не мешкая зашагали назад. Об оставшемся золоте теперь уже никто не думал...

II.

Дождь шел весь день с небольшими перерывами, и путники, промерзшие и голодные, остановились на первый ночлег верст за тридцать от кладбища своих надежд. Дорогу выбирали напрямик, через хребты, и шли девственной целиной тайги, почти не отдыхая. Одежда на некоторых представляла теперь одни лохмотья, а лица осунулись у всех. По счастью дождь к вечеру перестал и шалаша можно было не делать. Сейчас же добыли огня по способу Кульбая и развели костер. Тепло и жалкие крохи пищи опять слегка подбодрили голодных и измученных людей. Ведь, остатками мяса они могли продержаться, хотя с трудом, еще дня два, а за это время должен же Кульбай,—такой хороший охотник!—добыть что-нибудь? Два заряда у него еще есть... Да и идут они теперь уже в «жилых местах», к людям...

Спали все, как убитые, и проснулись на заре с волчьим аппетитом, но удовольствоваться пришлось несколькими золотниками мяса да куском печеной кожи.

Направились и отсюда по возможности «прямоком», полагаясь на отличное знание местности Кульбаем. Но за этот день прошли едва верст двадцать, да и то некоторые в пути уже отставали. Ни звери, ни птицы по дороге не встречались. Прыгал только по веткам над головами любопытный пересмешник, да дятел гулко стучал по коре засохших стволов, буди жуткую тишину густого и темного леса.

На остановке, при дележе порций, вышла крупная неприятность. Обнаружена была пропажа части мяса. Драгоценный сверток несли в дороге

по очереди, и кто совершил кражу—доказать никто не мог. Может быть, причастен к делу и не один... Решено было весь запас пищи поделить и роздать на руки. Это грозило более нетерпеливым прекращением питания с следующего же дня, но иного выхода не было.

Прошло еще целых три дня. Отошли за это время едва верст тридцать, и добычи охотнику, как по колдовству, никакой не попадалось. Мясани кусочка не оставалось, а некоторые были без пищи уже два дня... Продолжать путь было невозможно. Решили устроить дневку и предоставить Кульбаю поохотиться на свободе. Но и отдых этот не принес теперь никакого подкрепления. Напротив, он подвел печальные итоги. Истощение быстро овладевало всеми и все до неузнаваемости изменилось. Кожа потемнела и лица обострились. У одних появилась отечность, а у других под глазами легли зеленые пятна. Апатичный взор временами загорался острым, хищным огоньком. Однако, способности ходить, никто из этих закаленных невзгодами физической жизни людей не потерял, хотя дрова для костра таскали уже не все.

Кульбай весь день бродил по окрестностям, стараясь застрелить хотя бы каркающего над тайгой ворона, но тот не садился на деревья. Зверья решительно никакого не попадалось. Для самого Кульбая, впрочем, экскурсии эти были не бесполезны: он находил кое-каких козляков и в растертом виде ел их. Попалося ему раз в дупле совиное гнездо с яйцами, но подкрепить товарищей он не мог.

Ночь для всех прошла в тяжелом полузабытии, но без сна. Утром, несмотря на усиливающуюся слабость, все согласилось отойти, сколько удастся, вперед, так как местность, по мнению Кульбая, начала уже меняться и скоро должен быть всякий зверь. Особенно легко будет застрелить ночью изюбря или лося на солонцах. Но, главное, должны быть кишящие птицей озера и там можно будет отъестся наверняка, даже и без помощи ружья.

Однако, этому расчету не удалось оправдаться. После двух-трехчасовой ходьбы большинство запротестовало. Пришлось остановиться и ждать случайного спасения. И притом ждать, а не готовиться к смерти.

Бродячая тайга полна легенд и волшебных сказок. Каждый таежник знает много случаев чудесного спасения голодавших. В одном из случаев заблудившимся золотоискателям явился неземной складки старик и вывел их из дебрей. В другом — к неудачным охотникам подошел лось с тем, чтобы они убили его и съели его мясо. Почему бы и теперь не случиться чему-нибудь подобному? Ведь, даже так бывает, что летящий орел роняет из когтей козулю-детеныша как раз около того, кто ждет пищи...

Разводить костер охотников уже больше не нашлось. Все предпочитали лежать и проявляли жизнедеятельность только при жевании древесной коры, молодых ветвей или травы.

Есть, есть! — только и думали все.

Кульбай работал за всех, всех пытался обольстить, как поэт; он не только передавал слышанные им, но и сам пытался сочинять чудесные сказки.

— Хорошо делать — хорошо будет! — закончил свои утешения чистосердечный дикарь.

Голодные люди охотно теперь верили, что чудеса бывают и что сами они не лишены права на чудо, способное спасти им жизнь. Только бы выбраться к людям!

Минул еще тяжелый день. Чуда не проявлялось. Товарищи совсем перестали смотреть друг на друга. Стало заметно проявление подозрительности и чисто животной осторожности. Русские держались теперь отдельной группой, бурят проводил время в безмолвной молитве бурхану и духам тайги, лежа на спине и перебирая одеревяневшими пальцами уцелевшие четки, а Кульбай одиноко сидел в стороне, еще ожидая чего-то, может быть, чуда...

Но жизнь текла по обычным законам природы. Час за часом тянулся с томительной медленностью, а движение времени отмечалось лишь на-

растаннем голодной злобы звереющих людей. Ведь пища, в сущности, у них есть на крайний случай. Они теперь ясно чувствуют это и только это...

III.

Снова ночь спустилась над тайгой, снова на бархате неба залскрились звезды. Кругом глубокая тишина и молчание. Кучка умирающих людей совершенно слилась с окружающей тайгой. Но вот, под влиянием ли цепи дум или мук голода, рыжий Захар не вытерпел гнетущего безмолвия и обрушился беспричинными ругательствами на неизвестных виновников.

— Дьяволы окайнные! Бросили в речке провизию, а теперь околевай через них!

Но ему никто не ответил. Это еще больше озлобило недовольного. Он хотел еще сильнее выругаться, но потом вдруг остановился, охваченный внезапной решимостью поднялся на ноги и, сверкая желтыми белками глаз, обратился ко всем с предложением:

— Вот что, паря! — раздался его злой и настойчивый голос. — Все равно пропадать, так лучше одному, а не всем!.. Бросим жребий!..

Что это значило — всем было понятно.

— Подождем немного, — ответил было один.

— А ждать чего? — еще яростнее крикнул Захар, но тут же, как бы удовлетворив наиболее острое желание, уже спокойно добавил:

— С этим-то можно и повременить до завтра, а только жребий кинем, чтобы знатье было... кому... Как вы?

Никто не возразил. Если в душе кто и не дал согласия, то все равно должен был молчать, так как артельный дух мало имел теперь человеческого. После такого решения все вскочили со своих мест. Немедленно срубили длинный шест и стали мериться: чей верх? Верх вышел Кульбай. Он мгновенно выхватил свой нож и уже замахнулся над собою, но стоявший около него русский удержал его руку.

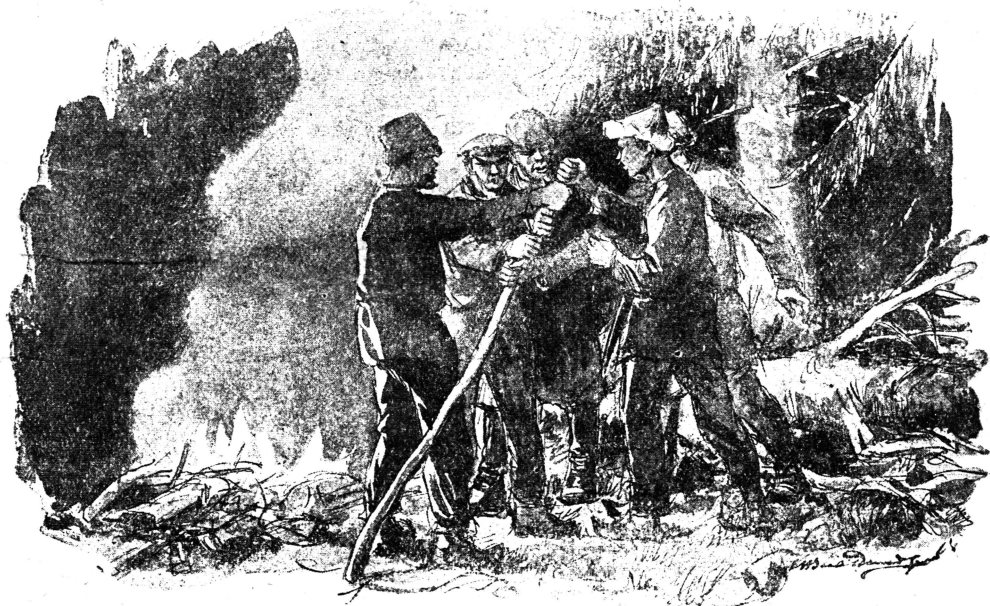
— Не спеши... не умираем еще совсем... может за ночь что будет,—заметил он, поддержанный буртом.

Остальные молчали. Это были наиболее озверевшие... Глаза их бежали, как у рыси, а у края губ пузырями сбивалась белая пена, сбегающая по волосам бород.

Мучительную ночь провел Кульбай, обреченный на мясо. И зачем он изменил обычаю отцов, зачем пустился в такое предприятие, как до-

комый с добычей золота. Соблазнился и он, Кульбай, ради Аванди, а теперь... На утро Кульбай решил покончить со своими муками: отсрочки, если и будут предлагать, не брать, и к обеду дать товарищам пищу.

Когда солнце вышло из-за хребта и розовый свет его заиграл на молодых побегах зелени, Кульбай был уже готов. Он отошел в сторону от товарищей, к руслу речки, в долине которой, на склоне горы, они стояли. Там он лег на мох среди мелкого

Стали мериться: чей верх? Верх вышел Кульбая.

быча золота? Ведь не страсть к обогащению влекла его. Ему надо было добыть средства на калым для получения милой подруги, его Аванди. На несчастье, она дочь зажиточного человека и получить ее дешево нельзя: обидно для достоинства отца... Целый год копил уже Кульбай этот калым, а тут как раз зашли в улус к ним эти трое золотоискателей купить провизии. Они сказали, что идут на верное место и согласны взять спутников. Предложением их соблазнился Хонхолдой, предложивший под выюк свою лошадь, и брат его Базар, зна-

кустарника и положил рядом свой охотничий нож.

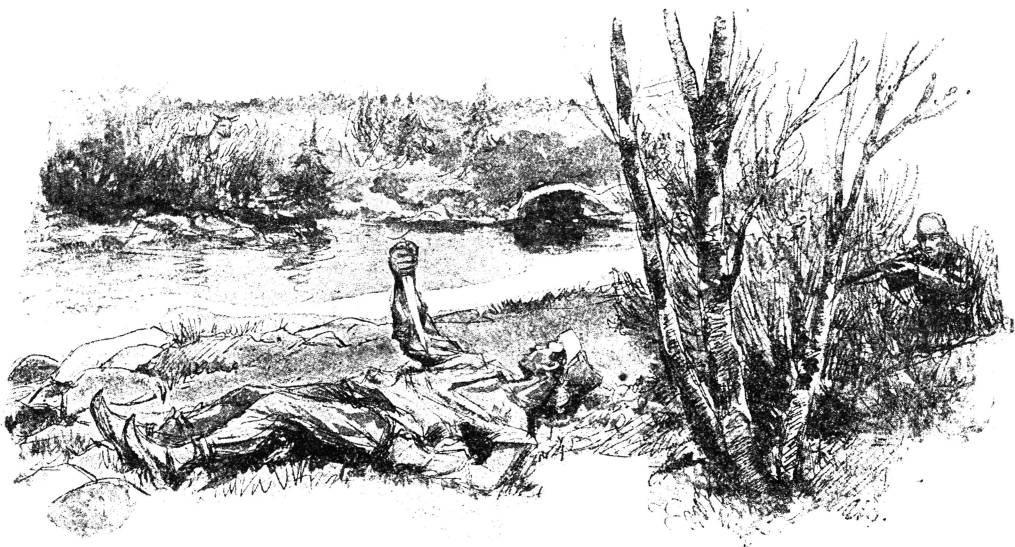
Он пришел сюда с готовностью без колебаний принести себя в жертву, но теперь, когда минута эта настала, ему почему-то вдруг стало ужасно жалко своей молодой жизни. Он вспомнил Аванди, старуху мать, сестер, свою юрту, которая должна лишиться хозяина, и сердце его крепко, крепко сжалось. Затем он представил себе, как его молодое, сильное и теперь еще тело, чужие голодные люди станут распластывать его же ножом, нетерпеливо отделяя мясо от костей,

жарить в огне его внутренности, сердце... может быть, станут пить его кровь... Ему стало до боли жутко и страшно. Ведь, это сейчас, через пять минут, даже раньше. Они ждут уже... Нет, нет, он не может, не хочет! Но он все-таки должен умереть или все равно умрет со всеми... Тогда его сердце, глаза съедят черви, а может быть звери или птицы. Всем надо пищу... Кости его звери растащут по тайге. Это так, да, но это не то!..

Уходя он сказал товарищам, что крикнет, когда надо будет идти к нему. Его уже никто больше не отговаривал, и все теперь нетерпеливо ждали его голоса, как вороны призывного крика на пададь. Этот голос, ведь, призовет их к жизни, извлечет из поглотившей наполовину могилы и даст жуткую сладость насыщения!..

Но прошел час, другой, а Кульбай все лежал и думал. Не раз уже брал он в руку нож, прикладывал его к обнаженной груди, против трепещущего сердца, и снова клал рядом с собою. Если бы теперь кто-нибудь приблизился к нему с целью потропить, он сумел бы защититься!... Но к нему никто не шел, никто не нарушал течения его мыслей, и он ле-

жал, уставившись поблекшими глазами в ясное небо. Если бы он повернулся в сторону и тщательно всмотрелся в кусты, то увидел бы против себя, шагах в десяти, пару острых, воспаленно бегающих глаз. Они жадно и давно уже следили за каждым его движением. Увидел бы клочки рыжей шерсти на мертвенно-бледном человеческом лице, и дуло собственной кремневки. Но он смотрел только в небо и видел только создаваемые его воображением обрывы и картины. Наконец, мысль Кульбая стала уставать от бесплодных поисков выхода и озлобление стало охватывать его сильнее и сильнее. В припадке гнева он легко мог решиться на то, на что не хватало решимости в минуты размышления. Еще один приступ, и он уже твердым, решительным движением хватает нож, заносит его над собою, отворачивает голову в сторону и... вооруженная рука его бесильно, как парализованная, падает, а из глаз горячие слезы скатываются одна за другой... С противоположного берега речки, из кустов ерника, пылливо смотрят на него милые, кроткие глаза ручного оленя-подростка. Кульбай плачет теперь, как ребенок, хотя

Кульбай, готовый умереть, заносит нож над собою. За Кульбаем следит пара острых, бегающих глаз...

не знает еще наверное, сон это или действительность?

Но это была прекрасная действительность. Через минуту он услышал уже гулкий звон боталов, подвязываемых орочами своим оленям.

Быстро, едва владея собой, вскочил он на ноги и каким-то диким, самому ему неизвестным голосом, закричал:

— Эй!.. Здесь люди голодают!.. —

Звон боталов замолк. Он повторил окрик и через минуту услышал, как медный гул усилился и стал расти. Это был колокольный звон воскресения из мертвых. Он был спасен...

В детском нетерпении, Кульбай бросился к товарищам, но те также

знали уже, в чем дело, и теперь не решились взглянуть ему в глаза. А он готов был всех обнимать и всем кричать о своем счастье...

Когда подошедшими орочами была раскинута юрта, и голодная компания пила настоящий горячий чай с оленьим молоком, орочны рассказали, что послал их на помощь к ним вернувшийся верховой бурят, который тоже был очень плох от голода. И вот они шли теперь разыскивать их и нашли...

Ни о ночной жеребьевке, ни об утреннем приготовлении к страшному пиру людоедов—никто не обмолвился ни словом перед чистою жертвой человеческого сердца...

РАСЧЕТ ИЛИ СЧАСТЬЕ?

Рассказ Д. МАК-КЕЙЛЯ

Перевод К. ПАРФЕНОВОЙ

Иллюстрации Д. ВИЛЬКИНСОНА.

Войдя на железнодорожную платформу, я с ужасом увидел, что кондуктор махнул зеленым флагом и дал свисток. Носильщика моего нигде не было видно. Что тут делать? Я был в ужаснейшем положении. Вскочить ли на поезд и явиться в Лондоне на парадный обед весьма богатого дядюшки в поношенном дорожном костюме, или подождать носильщика и следующего поезда? Но тогда я опоздал бы и вызвал неудовольствие старого дядюшки.

Мои колебания разрешил вид медленно двинувшегося поезда. Развивавшаяся им постепенно скорость подействовала на меня, как соблазн, перед которым я не мог устоять. Я схватился за первый попавшийся поручень и более или менее грациозно вскочил на подножку вагона. Захлопнув за собою дверь, я высунулся в окно и приготовился крикнуть носильщику, как поступить с моими вещами.

Но сделать этого мне не пришлось. Каким-то таинственным путем, известным только многолетним железнодорожным служащим, носильщик вдруг точно вынырнул из-под колес двигавшегося поезда и мчался наравне с моим окном. Один за другим побросал он в окно чемодан, саквояж и связку фазанов, которых я вез в подарок дядюшке. Носильщик бежал все быстрее и быстрее возле моего окна и, наконец, там, где кончалась платформа, мне удалось сунуть ему в мозолистую руку монету. Впоследствии оказалось, что монета эта была, по всему вероятию, полпенни ¹⁾.

Я повернулся, толкнул ногой чемодан под диван, уложил остальные

пожитки на сетку и тут впервые заметил, что купе мое не пустое. В отдаленном углу сидел мужчина с очень красным лицом и короткой бородой. На нем было толстое, потертое дорожное пальто старого спортивного фасона, а на голове красовалась шляпа, представлявшая нечто среднее между цилиндром и котелком. На коленях моего спутника лежал номер газеты, известной главным образом из-за выигрышей, дающихся читателям.

У меня нет обыкновения заговаривать с дорожными спутниками. Я сделал исключение только однажды, когда мой компаньон по купе как-то раз под утро стал натягивать мои брюки. Но бывает, что и самые сдержанные люди под влиянием сильного волнения прерывают молчание, которое является их второй натурой. Я только что пережил в высшей степени тревожный момент и не удивительно, если я забылся и воскликнул:

— Вот так счастье, чорт возьми!

Я сейчас же раскаялся, что слова эти слетели с моих губ. Мое бесхитрое выражение удовольствия имело совершенно неожиданное действие на человека в углу.

— Счастье! — громко повторил он. — Ничего подобного в мире не существует. Нет ни счастья, ни несчастья, ни большого, ни маленького счастья. Если бы вы не принимали на веру слова легкомысленных людей и подумали бы над этим, вы бы знали, что определенное действие влечет за собою неизменный результат. Если результат неожиданный, то, значит, действие было неправильное. Вот и все.

— Совершенно верно, — согласился я немного нервно.

¹⁾ 1/4 копейки.

— И все же, — продолжал он, — даже в двадцатом веке и, несмотря на доказательства того, что прогресс может быть достигнут только внимательнейшим изучением связи между действием и результатом действия, несмотря на все это, в умы так въелась вера древних, первобытных времен человечества, в счастье, в добрых и злых духов, что, не взирая на все ваше хваленое образование, вы приписываете факт, что вам удалось понасть на поезд, какой-то таинствен-

— Что ж, — ответил я с подобием смешка, — может быть, в ваших словах и есть доля правды. Только для обыкновенного, ограниченного ума не так-то легко находить эту связь между причиной и следствием.

— Почему же нет? — риторическим тоном спросил мой спутник. — К сожалению, люди науки, подходящие к своей работе правильным путем, изучая одновременно и причину, и следствие, вне своих лабораторий и кабинетов поражают детской беспомощ-

Носильщик мчался наравне с моим окном...

ной силе, которую называете счастьем. Брр... — закончил он и брезгливо отряхнулся.

— Позвольте вам сказать, сэр, — заметил я довольно холодно, — что ваше убеждение в том, что я верю в каких-то духов, ни на чем не основано.

Образованием же своим я никогда ни перед кем не хвастался.

— Я ждал, что мои слова будут вам неприятны, — сказал человек в углу. — Люди обыкновенно воспринимают все неожиданное для них, как личное оскорбление. Но вы слишком умный человек, чтобы оставаться и дальше таким неблагоприятным.

ностью и неумением сосредоточиться. И, все-таки, пусть я буду гласом вопиющего в пустыне, но я заявляю, что науку эту можно было бы с успехом применять во всех жизненных делах и даже в развлечениях.

— Я думаю, — начал я, — что вы не идете до включения в ваш закон игровых столов в Монте-Карло? Или вы это считаете недостаточно пригодным объектом для ваших научных наблюдений?

— Напротив, — ответил человек в углу, — я со значительным успехом применял свою теорию в Монте-Карло. Но система моя не имеет ни-

чего общего с цифрами или сериями номеров. Она, вернее, построена на психологии.

— О! — воскликнул я недоверчиво.

— Прежде всего, — спокойно продолжал он, — чтобы выиграть в рулетку, надо не нуждаться в деньгах. Статистика показала, что большие суммы всегда выигрывают миллионеры, а не те отчаявшиеся люди, которые бросаются в игру, как в воду.

— Но, ведь, это происходит просто от того, что миллионер может рисковать большим капиталом, перебил я его.

— Вовсе нет, — возразил он. — Так думают только люди поверхностные. Если бы это было так, то в Монте-Карло всегда выигрывали бы миллионеры и игорному дому пришлось бы закрыться. Прежде, чем сорвать банк, и миллионеру приходится выполнить много условий. Но возьмем более простой случай. Вы, конечно, слышали про так называемую Калькуттскую лотерею?

— Разумеется, слышал, — уже с некоторым нетерпением ответил я.

— Быть может вам покажется невероятным, — продолжал мой спутник, — что, применив мою систему, я прошлым летом взял первый выигрыш в этой лотерее?

Я начинал подозревать, что из-за моей торопливости на вокзале я очутился в купе с сумасшедшим. Но все же я не мог оставить без возражений такую явную ложь.

— Да, меня это очень удивило бы, — сказал я. — Мне кажется, вы забываете, что прошлым летом первый выигрыш в этой лотерее пал на слепого стенографиста, служившего в конторе по продаже земельных участков в Сауспорте, я даже видел во всех вечерних газетах его портрет.

Мой спутник в ответ вытащил из глубины своего одеяния потертую записную книжку. Раскрыв ее, он вынул небольшой кусок бумаги и протянул его мне.

— Не эту ли фотографию вы видели в газетах? — спросил он.

— Я взял листок и внимательно всмотрелся в него. Эти темные очки, этот необычайно высокий ворот-

ник... — да, все это было мне знакомо. Без сомнения, это был выигравший в лотерею слепой стенографист. Я вопросительно взглянул на незнакомца.

— Подождите, — сказал он, — теперь смотрите!

Скорее, чем это поддается описанию, он снял свою странную шляпу, вынул из кармана и надел синие очки, высоко поднял воротник пальто, чтобы скрыть бороду, и заговорил с грубоватым ланкаширским выговором:

— Что скажете, молодой человек?

Я ничего не мог сказать. Поведение моего спутника было для меня совершенно необъяснимо.

Он уже снял очки, надел шляпу и опустил воротник пальто.

— Ну, что же, верите вы теперь в причину и следствие? — спросил он своим обыкновенным голосом.

Верил я или не верил, но, во всяком случае, горел желанием узнать дальше, как мой оригинальный знакомый ухитрился получить первый выигрыш в Калькуттскую лотерею.

— Скажите же мне, — попросил я его, — что все это значит?

Он добродушно засмеялся.

— Что ж, я не имею ничего против того, чтобы рассказать вам этот случай. Быть может, вы извлечете из моего рассказа пользу для себя.

Он помолчал минуту и затем начал свой рассказ.

— Я только что сказал вам, что, по сравнению с выигрышем в Монте-Карло, выигрыш в большой лотерее — дело простое. Работаете вдали от шумных игорных зал и их нервной атмосферы. А что еще важнее, — статистика показала, что люди, выигрывающие в эту лотерею, принадлежат к сравнительно небольшому, говорящему по-английски классу. В Монако мой метод подсказал мне, что я должен взять на себя роль австрийского эрцгерцога. Я же не знал другого языка, кроме родного, и, принимая во внимание неутомимость тайной полиции в Монте-Карло, мои приготовления были бы так продолжительны и затруднительны, что сделали бы большую брешь в окончательной прибыли.

Здесь же мне всего только нужно было изучить вариант своего же родного языка и не было нужды тратить огромные суммы на поддержание своего эрцгерцогского достоинства. По наведенным мною справкам, я узнал, что в Калькуттскую лотерею выигрывали обыкновенно люди со скромным положением в жизни. Так, за последние годы, первый выигрыш пал на калеку—девушку, служившую на манчестерской хлопчатобумажной бирже, на сироту—ученика одной фирмы предпринимателей в Бристоле, на младшего офицера судна, рейсирующего между Ливерпулем и Португалией, и на эпилептика—комиссионера Лондонского банка. Двое из этих людей жили в Ланкашире и почти все страдали более или менее серьезными физическими недостатками. Не останавливаясь на подробностях, я могу добавить, что процент этот оставался почти неизменным, как бы я далеко ни углублялся в своих изысканиях.

Вы, конечно, скажете, что все это результат слепого случая. Такого же мнения будет и большинство, не исключая этих близоруких игрушек судьбы, которые сами не знают истинной причины своего успеха. Но я знаю больше, чем они. Во всем этом я видел непреклонный закон, неизменный процесс. Я и поставил себе целью изучить ближе этот закон...

Боюсь, что мне не хватит времени, чтобы изложить вам, как я свел все эти отдельные случаи к одной окончательной формуле, как я снял слой незначительных подробностей, чтобы увидеть скрытый под ними логический порядок. Вы меня поэтому извините, если я пропущу в своем рассказе те три-четыре месяца, которые я провел в усердных математических выкладках для того, чтобы потом не могло быть ошибок в результате моих трудов. Вы должны будете удовлетвориться тем, что после долгих и тщательных изысканий я пришел к безошибочному заключению, что ближайший первый выигрыш в Калькуттской лотерее падет на слепого стенографиста, который будет

Верите вы теперь в причину и следствие? — спросил мой спутник.

служить в конторе по продаже земельной собственности в городе Сауспорте.

Может быть, другой человек, сделав это открытие, постарался бы найти такого индивидуума, подружиться с ним и купить вместе с ним билет в лотерею. Но зачем мне было идти на такой риск? Зачем мне было делить с кем-то деньги, которые я, при некотором усилии, мог сам выиграть? Нет, если выигрыш должен пасть на слепого стенографиста, то этим слепым стенографистом буду я!

И я стал им. Я забросил все свои дела, купил пару синих очков и стал усердно изучать стенографию и обязанности агента по продаже земельных участков. Не так уже трудно овладеть стенографической машиной Брейля, когда единственной болезнью глаз являются синие очки. Что же касается обязанностей агента, то нужно только научиться быть грубым.

Окончив учение, я не сразу поехал в Сауспорт, а провел сначала несколько месяцев в Болтоне, усваивая ланкаширский выговор. Тут я купил и тот билет, который должен был дать мне состояние. Я помню, меня забавляло то, что сумма цифр на этом билете составляла тринадцать.

Многие называли бы билет «несчастливым», но я знал лучше...

За два месяца до того, как мои усилия должны были увенчаться торжеством, я приехал в Сауспорт и поступил в контору Баглей и Олдершау. Не удивляйтесь, что я так скоро устроился. Это объясняется очень просто. Я заявил мистеру Олдершау, что поступлю на половинное жалование, буду работать в субботу до вечера и не нуждаюсь в перерыве на завтрак.

Результат был тот, что мистер Олдершау сейчас же рассчитал одного из своих служащих, — бедного человека с восемью детьми, — и взял вместо него меня.

Сознаться вам, мне пришлось так работать, что я был уже в полуобморочном состоянии, когда настало воскресенье. Но это было для меня на последнем плане. Через два месяца я получу свой выигрыш и исчезну в пространстве.

И так шли утомительные часы. Каждый день, в восемь часов утра, я уже сидел на своем месте и часто уходил домой не раньше восьми часов вечера. Ах, жители Сауспорта не подозревали, что эта сгорбленная фигура, ползущая по вечерам домой, станет скоро известной всему городу.

— Через месяц, — говорил я себе, — через три недели, через две недели... Разве эта мысль не делает даже холодную баранину вкусной?

Оставалось десять дней. Потом неделя. Я был счастлив, что могу носить синие очки, скрывавшие блеск моих глаз. Я едва сдерживался, чтобы не петь в конторе.

Но накануне розыгрыша на меня свалился ужасный удар. Мистер Олдершау позвал меня к себе в кабинет и совершенно неожиданно сообщил мне:

— Я слышал очень забавную вещь. Очень забавную.

— Да, сэр? — почтительно сказал я.

— Кросслей только что взял нового служащего, — продолжал мистер Олдершау. Кросслей был также владельцем конторы по продаже земельной собственности. Только его контора находилась на другом конце го-

рода. — Но что смешнее всего, это — что служащий такой же слепой, как вы. — Тут бессердечный старик громко расхохотался.

— Служащий? — переспросил я, весь дрожа. — Но он, ведь, не стенограф?

— Вот это-то и забавно, что Кросслей купил ему такую же маленькую машинку, как у вас, и тот стал учиться писать на ней.

Я был поражен. После всех моих трудов, после этой противоестественной жизни в течение нескольких месяцев, получить в последний момент такое известие! Это было слишком.

И все-таки я отдавал себе отчет в том, что, если непоколебимые законы, управляющие Калькуттской лоттереей, решили, что в этом году выиграет слепой стенограф в Сауспорте, то этот стенограф должен был существовать на самом деле, помимо моих хитроумных попыток перевоплотиться в такого стенографа.

Весь остаток дня и всю ночь я провел в размышлениях, как бы в этот последний час мне избавиться от неожиданного соперника. Когда утренний свет стал вползать через занавески моей неуютной спальни, мой измученный мозг, наконец, нашел разрешение вопроса.

Я одел свое лучшее платье, сделал пробор с другой стороны и вышел из дому сейчас же после завтрака. На пустынной улице, за выступом дома, я снял синие очки и прилепил себе черные ушки. Подозвав таксомотор, я сразу же поехал на частную квартиру мистера Кросслея. К счастью, я увидел его в саду перед домом.

— С добрым утром, — сказал я с самым лучшим столичным выговором. — Надеюсь, вы извините, что я врываюсь к вам в день вашего отдыха. Но мне нужно было повидать вас по одному делу, а я сегодня же уезжаю на автомобиле в Лондон.

Я увидел, как засверкали глаза мистера Кросслея. По небрежно брошенной мною фразе он сразу понял, что я человек состоятельный.

— Пожалуйста, пожалуйста, — любезно сказал он, — чем скорее дело сделано, тем лучше. Чем могу служить, мистер?..

Р...,—ответил я, называя фамилию известных финансистов.

Глаза мистера Кросслея снова вспыхнули и засверкали.

— Я смотрел тот дом за церковью Св. Августина...—я знал, что дом этот был козырем всего дела мистера Кросслей. — У меня не совсем определенные планы, в виду того, что я скоро еду в Америку, но если бы можно было устроить опцион на подходящих условиях, конечно...

— О, конечно, конечно, — сказал мистер Кросслей.

— Скажем тогда, — на шесть недель,—продолжал я.—Если вы можете теперь же приготовить необходимое соглашение, я передам вам в качестве обеспечения банкнот на сумму в пятьсот фунтов стерлингов.

Это превышало всю сумму стоимости продававшегося дома, но я мог себе позволить быть щедрым.

— Может быть, вы зайдете ко мне,—оживился мистер Кросслей. Но я перебил его.

— Хочу поставить только одно условие, — сказал я. — Я уже делал подобное предложение мистерам Баглей и Олдершау, но потом должен был взять его обратно. Дело в том, что я увидел в их конторе слепого стенографа и, — назовите это, если хотите, суеверием, — но присутствие этих несчастных людей действует на меня совершенно особенным образом. Я обратил на это внимание мистера Олдершау, но он, кажется, считает этого служащего незаменимым. Поэтому, естественно, что я предпочел обратиться со своим предложением в другое место.

Каковы бы ни были чувства, испытываемые в это время мистером Кросслеем, он скрыл их с большим успехом. Как я и предвидел, его скупость и беззастенчивость богача сразу же очистили мне дорогу.

— Надеюсь,—сказал я со смехом,—что в вашей конторе не имеется ничего подобного?

— О, конечно, нет, мистер Р...,—ответил тоже со смехом мистер Кросслей. И я знал, что судьба моего соперника решена.

— Так войдемте и покончим с делом,—сказал я. Для своего большого спокойствия я прибавил. — Может быть я загляну к вам в контору на днях, еще до моего отъезда.

И, любезно раскланиваясь друг с другом, мы прошли в роскошную, но отвратительного стиля виллу мистера Кросслея.

В это мгновение мой дорожный спутник вдруг оборвал свою речь. Следуя за его взглядом, я увидел, что предместья Лондона, по которым шел сейчас поезд, совершенно исчезали в одном из тех туманов, которые так обычны зимой в окрестностях Лондона. В то время, как я отметил в своей голове это явление, тормоза издали свистящий звук и поезд остановился.

Я взглянул на своего спутника. Он смотрел на часы.

— Надеюсь, что мы не опоздаем,—пробормотал он.

Я вдруг вспомнил, что его рассказ остался недоконченным.

— Так ваше свидание с мистером Кросслеем закончилось удачно?

— А?—спросил мой спутник.—Да, да, вполне. Кросслей отказал слепому стенографу и я ценою пятисот фунтов снова стал единственным человеком, которому предстояло взять в Калькуттскую лотерею первый выигрыш. Но, вы видите, что я его заслужил.

— А как же ваш соперник — стенограф? — спросил я. — И служащий с восемью детьми? Вы поделились с ними вашим выигрышем?

— Конечно, нет, — огрезал он. — Они получили по заслугам, как получает каждый человек, не задумывающийся над причиной и следствием.

Сказать, что я был возмущен его жестоким эгоизмом, это — выразиться слишком мягко. И я невольно торжествовал, видя сейчас его нетерпение и волнение.

— Я думаю, — многозначительно произнес я, — что, несмотря на все сказанное вами, вы убедитесь, что вам не повезло, если поезд не двинется скоро с места.

— Что? — привскочил он. — Вовсе нет! Если вы думаете, что какой то

туман может нарушить мои планы, вы очень ошибаетесь. Я не даром принял такое провинциальное обличье, я должен быть во что бы то ни стало в четыре часа на Флит Стрит.

— Все равно, — поддразнивал я его, — вам не посчастливилось бы, если бы поезд опоздал.

— Раз навсегда, — яростно накинулся он на меня, — говорю вам, что не существует никакого счастья или несчастья. Если через минуту поезд не двинется, я выйду и пойду пешком. Назовите меня, как хотите, если я не буду через три четверти часа в конторе на Флит Стрит.

Он взялся за ручку двери.

— Послушайте, идиот вы этакий! — воскликнул я. — Садитесь сейчас же на место.

— Через полминуты... — начал он, открывая дверь...

— Сядьте! — крикнул я.

— Это покажет вам, — спокойно ответил он, — есть ли на свете счастье и несчастье.

Все, следовавшее затем, произошло с молниеносной быстротой. Когда я протянул руку, чтобы схватить его за рукав, паровоз резко свистнул и вагоны толчком двинулись уже с места. Мгновение я думал, что держу его. С криком не то страха, не то

удивления, он выскользнул из моих рук. Одна рука моего спутника поднялась, чтобы ухватиться за что-нибудь, мимо моего носа пролетело что-то темное и мягкое, и в следующее мгновение я смотрел через пустую дверь в непроницаемую гущу тумана. Моего странного спутника не было ни видно, ни слышно. Он исчез бесследно.

Я решил, что божество, называемое людьми счастьем, отомстило за себя. Я усердно следил за всеми газетами, навел на железной дороге справки через начальника линии. Но в предместьях Лондона не находилось трупа раздавленного поездом человека. Нет, спутник мой, очевидно, не погиб. Он, вероятно, во-время добрался до Флит Стрит и я также не сомневаюсь, что и на этот раз он заполучил тот выигрыш, за которым охотился.

Вот мне — так не повезло! Стараюсь удержаться за что-нибудь, мой спутник схватил и утащил за собой моих фазанов. Дядя никогда не простил мне моего невнимания, когда я явился к нему с пустыми руками. Со временем, с грустью я был свидетелем того, как все его достояние перешло к моей младшей сестре.

Мой спутник был прав. Нет причины без неизбежного следствия.

А. М. Фрей принадлежит к группе немногочисленных современных юмористов Германии, которые направляют свой сатирический талант против косной пошлости буржуазного общества, опутанного глупейшими предрассудками, „приличиями“ и условностями.

Доводя свои юмористические рассказы до сатиры, чаще до гротеска, Фрей строит „смешное“ преимущественно на комических положениях, в какие он ставит свои персонажи, вдруг попадающие в циклон самых неожиданных приключений, вызванных глупостью собственной, или банальностью обстановки, общественными „приличиями“ и т. п.

Один из острых гротесков этого писателя, приводимый ниже, знакомит нашего читателя с манерой и приемами юмора современной немецкой школы сатириков.

Гротеск А. М. ФРЕЙ

Перевод Р. Ф. КУМЭ

Иллюстрации В. Г. КАЛЯГИНА и Н. Г. СУВОРОВА.

Главной причиной невероятных событий этого вечера, который с полным основанием может быть назван жутким, было дурацкое поведение поэта Носа.

Нос был приглашен профессором Барабановым на чашку чая в субботу, 26-го ноября, в половине девятого вечера. Когда пришел час собираться в гости, на поэта напали сомнения: на сегодня ли в самом деле он приглашен на чай? Он стал искать пригласительное письмо сначала на столе под бумагами, затем в корзине под столом, при этих раскопках загнал себе в палец брошенное в корзину перо и разозлился. Письма в корзине не было. Яростно стал он тогда перебирать рукописи, перерыл газеты и журналы за целый месяц, встряхивал книги, искал под диваном и за печкой, где

нашел давно утерянную гребенку, затем перерыл грязное и чистое белье, пошарил за картинами и за зеркалом и даже рылся на печке, где и обнаружил скорюченную от жара щетку. Эта находка объяснила ему постоянный запах паленым во время топки. Но письма не было и на печке. Тогда он поставил дыбом пружинные сиденья кресел — ведь бумажка легко может проскользнуть в щель! — обтер руками все шатуны под подоконниками и превратил комнату в хаос непроходимых нагромождений, так что к двери можно было пробраться лишь с большим трудом.

В состоянии крайнего раздражения вышел из дома тайне рассчитывая, что только холодная изморозь ночи прояснит его мозг... Уж не пятницу ли он приглашен? — но в таком случае он опоздал на

целый день... или нет... ну, конечно, на воскресенье... Ведь приглашают на вечер, а в праздник или под праздник это так легко спутать! Ну, да... на воскресенье... вечером. Но тогда он на целый день раньше срока собрался... И... надо вернуться.

Нос остановился и хотел уж пуститься в обратный путь, когда ему пришло в голову, что обычно все-таки приглашают на вечер под воскресенье, значит в субботу. Это, пожалуй, правильнее будет... Значит, надо идти дальше. Но шаг его стал нерешительным. «Я все-таки позондирую почву», — подумал он. «Пошупаю, понюхаю... и тогда уже определится, куда мне деваться этой ночью».

Несмотря на все задержки, он пришел во время к дому профессора. Пробило половину девятого, когда он входил в тихую улицу, на которой жили Барабановы. Ни души кругом.

— Что же это гости не собираются? — подумал Нос, — очевидно, я все-таки не в тот день угораздил. Но надо удостовериться... Погуляю-ка я с полчаса и потом поднимусь. Если вообще будут гости, то к тому времени они соберутся.

С часами в руках бросился он на более людные улицы, заглядывая на циферблат каждый раз, когда свет проезжающего трамвая давал ему возможность различить стрелки.

Ровно в девять он вновь стоял перед домом профессора и хотел уже вступить в парадную, когда ему загородила дорогу какая-то женская фигура.

— Чижики, — сказала она.

Нос отскочил. «Это, вероятно, пароль», подумал он, — может быть я приглашен на тайное совещание... И он спокойно ответил в тон.

— ...чижики, где ты был? На...

— Нет, — ответила фигура, — вы меня не поняли, это моя фамилия Чижики... Я медичка, студентка, и хочу вас спросить, не приглашены ли и вы сегодня к профессору Барабанову?

— Не приглашен ли... сегодня... и я?.. — удивился Нос.

— Видите ли, — продолжала студентка, — кажется я не приглашена и, вместе с тем, как будто и приглашена... А может быть я ослышалась по теле-

фону. Ведь всегда половины не поймешь из разговора по телефону. Я здесь уже давно и все время стояла у той темной стены напротив, отыскивая свет в окнах четвертого этажа. Но там темно. Я видела, как вы уж однажды подходили к двери, но, кажется, не отважились подняться наверх... Удержала нелепая нерешительность, как и меня?

— Н-нет, я был наверху, — соврал Нос, обиженный подозрением в отсутствии мужества.

— И?...

— Никого не было дома, — продолжал он врать, — но я, вероятно, слишком рано пришел... Чай что ли не поспел, или мне не хотели открыть...

Про себя же он подумал: Как будто мы и приглашены. Этот Чижики все-таки вливает в меня некоторую бодрость. Она, повидимому очень восприимчива и стала колебаться лишь под влиянием моих сомнений... Но... с другой стороны, ее колебания могут быть доказательством и того, что мы не званы...

— Давайте поднимемся и позволим, — предложила она.

Ее предложение поэту не понравилось, т. к. могло обнаружиться, что он ей наврал, и поэтому он ответил:

— Вот что я предлагаю, барышня: я один подымусь и попытаюсь еще раз. Во-первых, вы будете избавлены от бесполезного подъема в 4-й этаж. Затем, если меня впустят и обнаружится, что на сегодня никто не приглашен, то и Барабановым, и нам как-то удобнее, что отказано будет одному, а не двум сразу гостям... А с другой стороны, если я через минуту не вернусь, следуйте смело за мной...

Чижики согласилась и Нос стал подниматься на четвертый этаж. Осторожно подобрался он к двери, прочитал на дощечке фамилию, — правильно «Барабанов» — и стал прислушиваться. Мертвая тишина. В его поэтическом мозгу «приглашение на вечер» связывалось со звоном стаканов и громкими ликующими голосами... Хотя бы и просто чай был обещан гостям... Но в квартире было все тихо. Что делать?

Он осторожно отодвинул пальцем резко заскрипевшую дощечку почтового ящика и заглянул в щелку: полная тьма в прихожей. Дома нет или спят. Измученный сомнениями, он потерял счет времени в этот бесконечно долгий вечер и вообразил, что весь город спит уже в 9 часов.

— Как бы то ни было, надо удирать, это ясно,—подумал Нос и отпустил за щелку ящика, которая с треском хлопнула.—О, господи! Неужели я кого-нибудь разбудил?! Живо, живо обратно! — и он бесшумно скатился по перилам вниз.

В столовой же квартиры сидели супруги Барабановы и в величайшем напряжении ожидали звонка гостей. Вдруг раздалось резкое щелканье почтового ящика.

— Это кто-то опустил письмо с отказом притти,—сказал профессор, вскочил и пошел в прихожую.

Ему стало жутко, когда он ничего не нашел в ящике. Вернувшись в комнату с растерянным видом, он сказал слабым голосом—Ничего!... Может быть воры... взломщики... караулят у наших дверей... Взломы в нашем квартале вообще участились... Я лучше закрою дверь на все запоры, раз никто не желает приходить. Странно, что даже доктор Точка, который 20 минут тому назад обещал по телефону притти, не является... Это очень загадочное явление...

И, сам не зная почему,—может быть, чтобы не напугать воров, профессор быстро побежал в прихожую, повернул осторожно ключ в замке дважды и залепил плотным пластырем дощечку на щели почтового ящика.

Тем временем Нос долетел до конца лестницы и сообщил Чижик:

— Все тихо и надо идти домой.

Но когда они повернулись к выходу, они столкнулись с высокой блондин-

Четверо нерешительных гостей
 совещаются...

кой, остановившейся в нерешительности при виде Носа, почтительно снявшего шляпу.

— Сударыня,—сказал он,—если вы хотите подняться к профессору Барабанову, то не теряйте зря сил, там или никого дома нет, или все уже спит. Впрочем, Нос — представился он, надевал шляпу.

— И Чижик,—добавил он, делая жест в сторону медички.—Неудачные визитеры Барабановых.

— Лотта Винер,—представилась дама,

склоняя слегка голову, сияющую копной золотых волос.—Но это странно, я тоже приглашена и опоздала потому лишь, что забыла.

— Эге, забыла! — подумал Нос.— Тут какая-то таинственная сила препятствует нашему сбору сегодня вечером... Забыла эта женщина, производящая впечатление далеко не забывчивой, вернее — производящая незабываемое впечатление!.. И громко добавил:

— Вы, сударыня, не только забыли, но просто спутали. Мы все приглашены не на субботу, а на воскресенье вечером... Я вам все это сейчас объясню по дороге... так... Он как-то страшился резонанса лестницы и говорил тихо, боясь нарушить загадочность этого дома.

Когда все устремились к выходу, вошел новый гость, доктор Точка, который убежденно заявил, что, конечно же, все приглашены... Еще не дальше, как 20 минут назад он говорил по телефону с Барабановым, который спрашивал, почему-де он не идет... Приглашения же по почте он, правда, не получил, но кто ее знает, эту почту... Во всяком случае он убежден в своем приглашении на сегодня.

— Конечно, вы не приглашены,—уверенно сказал Нос, которому стало страшно при мысли, что теперь то

его ложь обнаружится. — Вы ведь не получили письма, не видели и почерка Барабанова, этого Барабанова. Почему вы знаете, что не другой Барабанов говорил с вами сейчас по телефону?

— Глупости, — сказал доктор.

Но Нос настаивал:

— А что, если вам звонил Баранов, или Бабанов... У вас нет таких знакомых?

Доктор стоял в замешательстве.

— Н-нет, но я знаю некоего... Баданова.

— Ну, вот видите! Это он и был. Ясно! — торжествовал Нос. — И вовсе это не глупости, о нет!...

— Что же делать? — спросила Лотта Винер, которой стало холодно.

Пока четверо нерешительных гостей совещаются, автор воспользуется моментом, чтобы дать разъяснения об именах присутствующих, чтобы не возникло еще большей путаницы, чем она уже получилась в результате трезвого изложения достойных сожаления событий. Там, в квартире, — профессор Барабанов. Он несправедливо нес свое имя, так как никогда не имел никакого отношения к барабану. Если бы он не был профессором в университете, а учителем сельской школы, можно было бы его заподозрить в том, что он отбивает дробь на штанах своих учеников. Но, сколько нам известно, он этого не делал на своих лекциях. Поэтому он ненавидел свое имя, как нечто бессмысленно ему навязанное.

Далее обратимся к человеку, имя которого было «Точка». Человек с таким именем неизбежно должен быть маленьким и толстеньким. А вот доктор Точка был скорее высок ростом и строен, так что с большим основанием мог бы называться доктор Тире. Но, честное слово, его звали Точка в этой правдивой истории. Изменить этого никак нельзя.

Госпожа Лотта Винер — можно сказать, буквально страдала от своего имени, ибо в ней решительно ничего не было жарко «венерического», скорей она напоминала северного эльфа, украшенного густой белокурой волной волос, и от нее веяло нежной прохладой.

Чирик — это вообще не имя, и да будет стыдно всякому, кого это начальное слово дурацкой песенки введет в заблуждение. По этому имени не следует составлять себе и представления о его носителнице, павшей жертвой немилосердных требований государства регистрировать людей по фамилиям. Таких жертв вообще много.

Единственный, кто свое глупое имя носил с полным основанием, был поэт Нос. Помимо того, что у него, конечно, был свой нос, это имя ему подходило потому, что во всей его фигуре самым выдающимся местом был именно Нос. На его длинном лице выступал он, как толстая белая ленточка между черными сонными глазками.

После долгого совещания собравшиеся приняли, несмотря на настоятельные протесты Носа, проект доктора Точки, заключавшийся в том, чтобы всем вместе еще раз подняться по возможности бесшумно и осмотреть хотя бы снаружи квартиру профессора.

— Может быть там совершенно преступление — прошептал доктор Точка. — Газеты сообщают, что взломы участились в северных кварталах города. Так как Барабанов все-таки звонил мне по телефону, я заключаю, что он должен быть дома, если, конечно, ктонибудь иной под видом Барабанова не имел намерения завлечь меня в ловушку...

— Но ведь вам звонил некий Баданов! — Это Нос сделал последнюю попытку отговорить доктора Точку.

Но тот не обратил внимания на эту попытку дерзкой подмены имени.

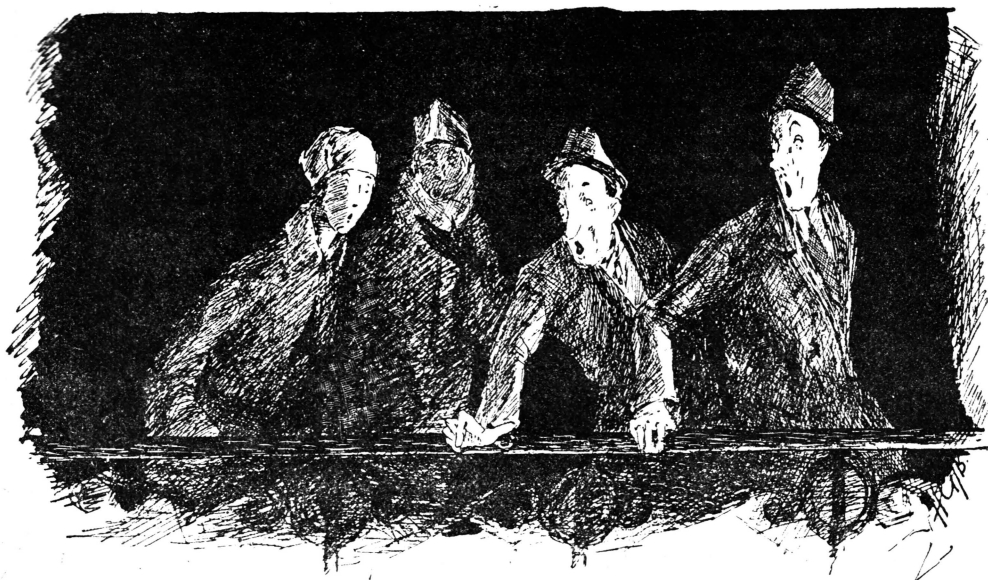
—... ловушку, — продолжал он, — с тем, чтобы в мое отсутствие проникнуть в мою квартиру.

— Да, да! — соглашалась с ужасом Лотта Винер и ее дрожь была вызвана не только холодом.

— Во всяком случае необходимо все выяснить, — заключил доктор Точка.

Раз нельзя уже было изменить решение, Нос открыл шествие, чтобы хоть этим скрыть свою роль в деле.

— Но надо принять во внимание, — шептал доктор, когда все гуськом подымались по лестнице, — что Бара-

Ботинки проскользнули в пролет и шлепнулись вниз с шумом взорвавшейся бомбы. Все застыли в ужасе.

бановы никогда не зовут гостей меньше, чем 30 человек зараз. Это они делают с целью скрыть размеры своей квартиры. Таким образом, наверху должно уже находиться десятка два человек, шум движения которых мы во всяком случае услышим.

В то же время, там, наверху, в квартире, хозяйка говорила:

— И как раз сегодня должно было быть так уютно, когда мы пригласили лишь очень немногих.

Тем временем часы пробили десять. Крадущиеся по лестнице и сдерживающие дыхание заговорщики дошли до третьего этажа, когда дворник, шлепая туфлями и гремя ключами, вошел внизу на парадную, защелкнул дверь и погасил свет на лестнице. Мертвая чернота окутала гостей, которым теперь было отрезано отступление.

— Остается позвонить, — сказала Лотта Винер с облегчением. Она уж не думала больше об опасностях и мечтала только о теплой печке.

— Боже сохрани! Ни за что! — простонал Нос.

— Но как же мы отсюда выберемся? Завтра в 8 я должна быть на занятиях, — возразила прилежная студентка Чижик, которая совсем не чувствовала приключенческой прелести этой ночи, не испытывала романтики темной лестницы. Днем она резала трупы в анатомичке, но ночью не желала бы встретиться с покойниками Барабанова.

Наконец все столпились у дверей квартиры профессора. В темноте они невольно насккивали друг на друга, извинялись, делали поклоны и при этом непрерывно сталкивались лбами, вновь шумно отскакивали и вновь извинялись...

Ботинки Носа невыносимо скрипели. Со всех концов ему все время шипели — пст! А Лотта зловеющим шопотом просила не шуметь. Тогда он решил незаметно снять их совсем, чтоб смягчить гнев товарищей по несчастью, если они — по выяснении всего —

нападут на него, как на главного виновника приключений.

— Это хорошо, что мы находимся в темноте, — поучал доктор Точка, — ведь если есть хоть малейший свет в квартире, мы его увидим через щелку. Надо заглянуть в прихожую. Он попытался отодвинуть дощечку почтового ящика, но она, конечно, не поддавалась.

Смутившись на мгновение, доктор отступил от двери, чтоб обдумать дальнейшее. Он наткнулся при этом на ботинки Носа, поставленные у перил лестницы. Один тотчас же проскочил в пролет и шлепнулся вниз с шумом взорвавшейся бомбы. Все вздрогнули и застыли в ужасе от непредвиденного несчастья. В квартире же профессор Барабанов, измученный нервным ожиданием, сказал жене:

— Кажется, стреляют внизу, в парадной... Вероятно поймали взломщиков...

Стоящие перед квартирой услышали, как внизу открылась какая-то дверь, полоска тусклого света блеснула и чей-то глухой голос рявкнул:

— Кто это там швыряется сапогами?

Застывшие от ужаса наверху молчали. Тогда чей-то женский голос сказал визгливо:

— Тут только один, муженек, но все равно бери его, по нынешним временам и один сапог находка.

Дверь внизу с грохотом закрылась и мертвая тишина охватила вновь весь дом.

Нос же понял, что безвозвратно лишился одного ботинка. Горько вздыхая, думал он о холодной улице и дальней дороге домой. Чтоб найти другой ботинок и спрятать его понадежней, он хотел чиркнуть спичку, но доктор, обдумывавший свой стратегический план, строжайше запретил ему это. Однако, все живо стали сочувствовать поэту и занялись его судьбой до начала решительных действий.

Практическая девица Чижик посоветовала ему снять жилетку и обернуть ею ногу. Нос стал послушно раздеваться. Он повесил на перила сюртук, который вдруг с шумом по-

лета большой летучей мыши зашуршал по перилам и мягким шлепком упал вниз. Это были жуткие звуки и шумы для столпившихся внизу заговорщиков.

Нос в отчаянии хотел было ринуться вниз за сюртуком, но доктор его удержал резким движением.

— Сюртук мы потом подберем, одевайтесь! Надо действовать! — прохрипел он.

Нос обернул ногу жилеткой, надевал крючков из шинлек, которыми снабдила его Лотта, сколом ими на ноге концы, облачился вновь в пальто и надел шляпу. Доктор начал излагать шопотом свой план.

— Только что, при свете, мелькнувшем снизу, я заметил, что над дверью квартиры имеется решетчатое окно. Так как щелка почтового ящика не действует, мы можем заглянуть через это верхнее окошко.

Приготовления прошли в полной тишине, так что профессор и его жена и не почувствовали, что перед их дверью бесшумно, но настойчиво, копошатся люди. Он оперся ученым лбом на руку и сказал с улыбкой:

— В конце концов, мы никого не приглашали и все это — мираж. Я не пойму только одного: приглашены четверо и не один не явился. Что если мне только кажется, что я Барабанов, а на самом деле и этого нет? Хуже того, я вообще не существую, следовательно нет и никаких приглашенных... Жуткий вечер! Но нет, нет, нет!.. Cogito, ergo — sum (Я мыслю, значит, существую).

— Однако, часто ты думаешь глупости, — съязвила жена, — если бы ты из всего, что думаешь, хотел делать практические выводы, ты не раз был бы в дурацком положении.

Оба были раздосадованы неудавшейся вечеринкой.

— Надо допросить еще раз Бертю, — сказал Барабанов и позвонил прислуге, возившуюся у соседней печки...

— Бертю, — начал он, — вы, может быть, забыли сообщить нам, что в наше отсутствие кто-нибудь из гостей сообщал о невозможности притти?

Подумав долго, девушка робко призналась:

— Я забыла...
— Ага, ну,—и?..
— Я забыла, забыла ли я об этом...
— Это твое влияние: она начинает философствовать! — сказала профессорша с насмешкой.

Профессор же сказал сердито:

— Вы, Берта, невнимательное и глупое создание!

Девушка выпучила глаза и ответила взвизгнув:

— Я... я... не создание, нет!.. Этого никто еще не смел обо мне сказать... О, ооо! — И она с плачем прошла через прихожую в кухню.

Доктор же Точка прошептал там, на лестнице:

— Слышите, всхлипывание... как будто стоны... крадутся... в квартире кто-то есть... спрашивается только: кто?.. Конечно, там не все в порядке.

От ужаса у порга дрожали все кости в теле. Тем не менее он был готов исполнить свою роль при предстоящих наблюдениях.

Высокая, стройная и легкая Лотта должна была встать ему на плечи и заглянуть в окно. В тишине ночи бесшумно была проделана эта акробатика. Шаря руками вдоль стены, нащупала Лотта железные решетки окна и уцепилась за них.

— Что вы видите? — шопотом спросил ее доктор.

Ответа не последовало...

Как часто мужчина не выдерживает нежной грации женщины и падает ее жертвой! Этот печальный случай произошел и с поргом. Он упал. Шумное падение тела вызвало резкий всполох супругов в квартире. Профессорша закричала, Берта в кухне дико завывала.

Лотта Винер, уцепившись руками за решетку, качалась в темноте площадки. Остальные, панически напуганные криками из квартиры, бросились, спотыкаясь вниз по лестнице.

Берта, охваченная страхом, но подстрекаемая любопытством, метнулась в прихожую, зажгла свет и открыла дверь. Она отскочила в ужасе перед двумя качающимися и судорожно корчившимися в воздухе женскими но-

Берта отскочила в ужасе перед двумя качающимися и судорожно корчившимися в воздухе женскими ножками...

ками. Резко захлопнув дверь, она повернула ключ в замке и упала на колени перед подоспевшими супругами, умоляя никогда в жизни не открывать этой двери, перед которой кто-то повесился.

Она обнаруживала признаки явного помешательства, пыталась проглотить вынутый из двери ключ и профессору пришлось вступить с ней в единоборство.

В это время доктор Точка, сбежавший уже до второго этажа, обнаружил отсутствие Лотты. Ее никак нельзя было оставить висеть там, и он вернулся, скача через ступеньки наверх, схватил плачущую и дрожащую даму и на руках унес почти лишившуюся чувств жертву разведки. Он слышал за дверями квартиры профессора борьбу его с Бертой за ключ, слышал шопот борющихся, стук в дверь и возню.

В это время Нос был уже внизу, в крошечной тьме налетел, думая только о своем спасении, на дверь, и по-

скользнулся перед ней. Он схватился за какой-то крюк, который под тяжестью его тела отскочил.

Чижик нащупала задвижку, которую и отодвинула. Оба навалились на дверь, она поддалась и все очутились на улице.

Подоспел и доктор с Логтой на руках.

Когда все слегка передохнули, они занялись портом, который стонал, жалуюсь, что его ноги замерзли.

Ведь один ботинок остался наверху, его сюртук лежал где-то внизу лестницы. Ему посоветовали надеть на другую ногу по крайней мере свою шляпу, которую можно галстуком привязать у щиколотки. Он послушно стал обувать ногу шляпой, но, когда он вытащил галстук, его воротничек соскочил, покатился кольцом через улицу и скользнул через решетку в канал. Гармония костюма была и без того уж совсем нарушена, так что потеря воротничка никого ни огорчила.

Сокрушаться о воротничке вообще было некогда, так как необходимо было выяснить, что предпринять в отношении таинственных событий в квартире Барабановых.

Профессор окончил тем временем борьбу с Бертой и вырвал у ней ключ из глотки вместе с искусственной челюстью. Открыв дверь, он однако не нашел повешенного, которого надеялся еще спасти. Вместо него он с ужасом обнаружил ботинок и убедился, что кто-то здесь все таки был. Злодеи могли быть еще на лестнице и скрываться в холодном шкафчике для провизии. Поэтому необходимо забаррикадировать его немедленно же и бежать за полицией. Он приказал жене и укрощенной прислуге прислониться крепко спинами к двери шкафчика, так, чтобы даже кошка не могла выпрыгнуть оттуда, и ждать его возвращения с полицейскими. Затем он бросился, как был, вниз по лестнице.

Стоявшие на улице перед домом гости услышали быстрое отсчитывание ступенек чьими-то торопливыми ногами.

— Прячьтесь!—приказал доктор, и все бросились под арку ворот и спря-

тались в ее тени. Оттуда они увидели, как вылетел из двери Барабанов, точно его кто выплюнул.

Этот милый человек, которого все так любили, без шапки, с развевающимися полами сюртука, помчался по холоду ночи.

Доктор Точка понял, что нужны самые спешные меры, и в секунду создал новый план действий. Он схватил поэта за плечи, толкнул его в направление удалявшегося профессора и приказал следовать за ним по пятам.

— Мчитесь за профессором! Ему будет нужна ваша помощь. Мы же пока покараулим наверху!—закричал он.

Это было, конечно, неудачное распоряжение, но Нос ему беспрекословно подчинился, чувствуя свою вину в этой истории.

Он побежал, перебирая с трудом ногами, из которых одна была обернута жилеткой, другая обута в шляпу. В беге он не был силен, однако, скакал изо всех сил вслед за развевающимися полами профессорского сюртука. Барабанов скользнул за угол и остановился, чтоб сообразить, в каком направлении искать ближайшую полицейскую часть. Нос с криком наскочил на него из-за угла. Конечно, профессору не могло притти в голову, что это существо без галстука и шляпы, с тряпичными комками вместо ног,—его друг, поэт Нос. Достаточно было того, что это подозрительное видение выскочило из улицы, где стоял его дом и где должны быть взломщики, чтобы профессор бросился без оглядки бежать вперед.

Нос тоже помчался. С одной ноги размоталась жилетка и осталась где-то на тротуаре, с другой—соскочила шляпа и Нос в одних носках мог прибавить ходу.

Скосив глаза, профессор заметил преследователя и стал развивать все пары. Где же, где полицейская часть? Он не знал этого, ища глазами вдоль улицы красный фонарь¹⁾.

В это время доктор Точка выдрал из соседнего забора для себя и для

¹⁾ В Мюнхене у полицейских частей висят красные фонари.

своих спутниц три здоровенных дубины, вооружившись которыми они решили идти в квартиру профессора.

— Может быть придется спасать умирающих,— сказала медичка,—этого не надо забывать... И дамы решили идти за доктором.

Лестница была попрежнему темная. Сидевшие, прижавшись спинами к шкафчику, женщины услышали шаги крадущихся по лестнице людей, и потому, что шли молча, не гремя оружием, они поняли, что это не профессор с полицейскими. Они в ужасе прилипли спинами к двери, стараясь остаться незамеченными, и молили небо о миновании опасности. Квартира была открыта, свет из комнат падал на площадку и несчастные надеялись, что подкрадывающиеся субъекты соблазнятся открытой дверью и возможностью свободно грабить пустую квартиру и не заметят испуганных женщин.

Так и случилось. На глазах профессорши и Берты три сутулых фигуры, вооруженные колющими, подошли к двери, постояли сперва как бы в нерешительности, но потом сразу же исчезли в квартире. Однако, профессорша оказалась мужественной и предусмотрительной женщиной. Она припрятала ключ, с боем отнятый профессором у Берты, и теперь, сорвавшись со своего места у шкапчика, тихонько подобралась, как кошка, к собственной квартире, сунула ключ в замочную скважину, бесшумно, как ложку в рисовую кашу и—трах!—захлопнула дверь, повернула ключ дважды и... сидите воры в ловушке! Пойманы!..

Предполагаемые воры чуть не упали от ужаса навзничь. Доктору даже показалось, что где-то произошел взрыв. Затем он осторожно убедился, что их заперли.

— Теперь нам ничего не остается как ждать,—сказал он, качая головой.

— По крайней мере здесь тепло,—вздыхнула Лотта.

— Да и принасено кое-что покушать,—сказал доктор и схватил бутерброд с колбасой.—Очевидно, все-таки нас ждали. Вот расставлены приборы—шесть: как раз четверых и ожидали. Все в комнатах прибрано, нет только хозяев и мы заперты...

Женщины в ужасе прилипли спинами к двери шкапчика...

Но никаких следов налета—никого, все на месте... Знаете, этот порядок после всего того, что произошло, весьма жуток. Привидениями пахнет здесь... Где взять сил, чтобы преодолеть эти сомнения? Не даром был слух в городе, что наш профессор Барабанов от философии через оккультизм вступил на путь черной магии... Нет, сегодня я уж не смеюсь над этим слухом... Жутко!..

Чирик, как естественничка, заставила себя насмешливо фыркнуть, но и ей было не по себе. Нежная же Лотта Винер стала умолять доктора:

— Перестаньте, доктор, говорить ужасы. Я только что стала согреться, а теперь опять сердце похолодело.

— Я хочу приготовить чай. Горячий чай нас подбодрит,—сказала медичка и отправилась в кухню.

Доктор почувствовал волчий аппетит, подсчитал бутерброды и пирожные, чтобы вычислить, сколько придется на долю каждого, а Лотта пристроилась к печке.

Другие же члены этого общества чувствовали себя далеко не так хорошо, как эти. Профессорша и Берта стояли, стуча зубами, на темной площадке и прислушивались ко всякому шороху, стараясь в нем угадать возвращение сбежавшего профессора. Он же совершал свой жуткий пробег через темную ноябрьскую ночь. И за ним на определенном расстоянии неся Нос, вопя от времени до времени: «Бар-р-р-аб-ббанов!» Ему не хватало воздуха и из этого слова получалось одно жуткое «ррр-а-аа»; что врывалось в уши профессора душу содрогающим криком. Дома мелькали мимо... Вдруг профессор с неописуемым восторгом заметил вдали огонек красного фонаря... Ураганом ворвался он в полицейский участок, который, однако, выглядел подозрительно странно и был полон не полицейских чинов, а каких-то любезных девиц, профессия которых так их вышколила, что они даже этого полуодурелого странного гостя встретили ласковыми улыбками. Они свободно разгуливали под пыльными пальмами и сообщили профессору, что он прибыл в «Оазис» — уютный винный погребок...

Прежде чем ему удалось спастись от своего настойчивого преследователя за искусственным тропическим растением, ворвался и поэт, сея ужас и смещение своим видом, растерзанный и в одних носках. Позобного не видали ко всему успевшие привыкнуть баядерки и рассыпались с визгом по углам. Нос же, собрав последние силки, сказал:

— Дорогой профессор, остановитесь же на секунду, прежде чем нестись дальше!... — и он сам упал тяжело на стул. Профессор тоже бесильно опустился напротив него и тут только узнал, правда, протерев предварительно очки, своего друга. Баядерки же были склонны усмотреть остроумную шутку в способе появления двух удивительных гостей. Они схватили карту вин, подскочили к друзьям и хором спросили:

— Какого вина прикажут подать господа?

Профессор рассердился на тысячу глупостей, которые натворил поэт,

тут же в них ему покаявшийся, но простил его, видя в нем единственную родственную душу в этом странном кабачке... С помощью разочарованных девиц они установили местность, куда загнала их дикая ночная скачка, и извозчику было поручено найти путь к родным пенатам.

Жертвы этого жуткого вечера сидели в пролетке, не то от холода, не то от радости свизания тесно прижавшись друг к другу. Профессор прикрывал полами своего сюртука озябшего друга, который пытливо глядел по обе стороны дороги, отыскивая глазами остатки своей жилетки и шляпы. Но найти их не удалось.

Криком радости был встречен профессор женою и Бертой по случаю благополучного возвращения. Тут же перед дверью квартиры последовал краткий рассказ о событиях, во время которого поэт любовно ощупывал уцелевший в единственном экземпляре ботинок. Наконец, профессор открыл дверь своей квартиры. При вступлении в нее пришлось, конечно, обменяться на секунду недоверчивыми взглядами, но все тотчас же приняло вид непринужденного гостеприимства — с опозданием на несколько часов.

Поэту дали воротник и черный галстук профессора и он залез кончиками пальцев в туфельки хозяйки.

Доктор Точка был несколько опечален, так как с несомненностью выяснилось, что он ошибся в распределении и расчете буттербродов и пирожных. Помочь этому злу было трудно, так как доктор уже успел уничтожить одну треть провизии. Видя его отчаяние, Лотта нежно его подбодрила:

— Кто висел на железных прутьях решетки, оценит прелести жизни и без помощи пирожных, пусть моя доля останется за вами.

Профессор загадочно улыбался событиям этой ночи и сказал жене:

— Видишь, я прав: я мыслю, значит — я существую...

Она же, вскинув кверху острый носик, ответила:

— Положим, не без сомнений...

ТАЙНОЕ УБЕЖИЩЕ

Очерк из жизни слонов ПОЛЯ АННИКСТЕРА в переработке Н. НИКОЛАЕВА

Иллюстрации С. ТРЕСИЛИАН

Уже во второй раз за этот день из далеких джунглей доносился пронзительный трубный звук, издаваемый слонами. В животном мире нет зву-

ков, более поражающих человеческий слух, чем эти крики стад диких слонов. Смысл их всегда оставался тайной для людей.

Резким толчком поднялось из воды тело слона. Точно из грязи рождалась гора.

Звуки эти беспокоили Эль-Робо и мешали ему наслаждаться грязевой ванной. Эль-Робо сам был слоном и поэтому понимал, что значат эти крики: стадо слонов в джунглях приветствует силу и отвагу молодости. Таинственный инстинкт слона говорил ему, что сейчас происходит церемония в честь молодого слона, нового признанного предводителя стада.

Эль-Робо был хорошо известен от реки Замбези и до малоисследованных областей на севере. Его боялись и ненавидели все: и люди, и звери.

В ранней юности он был изгнан из родного стада за злобный характер. С тех пор Эль-Робо прожил восемьдесят лет, но нрав его не исправился. Одиночество и невольный аскетизм еще больше озлобили его натуру и в его маленьких красных глазах всегда сверкал зловещий огонек. Он ненавидел не только людей, но и себе подобных. Больше же всего он ненавидел молодость, отважную и дерзкую молодость. Не мало молодых жизней погубил он в самом расцвете, и ненависть его все росла по мере того, как сам он старился.

Резким толчком поднялось из воды огромное туловище изгнанника. Точно из грязи рождалась гора. Эль-Робо был отпрыском вымирающей расы слонов, близко подходившей к мамонту, давно исчезнувшему с Земли.

Свинные глазки Эль-Робо горели злобным огнем. Он поднял хобот и над дремлющими джунглями раздался громкий вызов. Мгновение Эль-Робо ждал, весь дрожа от напряжения, покачивая огромными ушами. Потом из-за гор раздался ответ. Точно целый дом, сорванный ветром с места, помчался Эль-Робо вперед. Топот его ног напоминал раскаты грома.

Самая быстрая лошадь не угналась бы за Эль-Робо. Как снежный обвал, скатывался он в долины, ломая перед собой большие деревья и растоптывая кустарники.

Стадо поджидало Эль-Робо. Оно перестало пастись и выстроилось в боевой круг. Вперед выдвинулся предводитель—молодой, тридцатилетний слон.

Началось самое страшное зрелище в природе—мерились силой два вла-

стителя джунглей. Земля дрожала под топотом их ног.

Не один час продолжался бой. Сначала стадо спокойно следило за поединком. Но чем ожесточеннее была эта битва, тем взволнованнее становились и следившие за ней слоны. Старые слоны раскачивались взад и вперед, размахивали хоботами и били ногами о землю, точно опьянение боя входило в их кровь.

Прошло и два, три часа, но успеха не достигла еще ни одна из борющихся сторон. Старый бродяга испробовал все свои приемы и не щадил сил. Молодой слон вдруг выказал доблесть, которой уже раньше завоевывал свое место в стаде. Он совершенно неожиданно удвоил силу нападения и, застигнутый врасплох, Эль-Робо потерял равновесие и повалился на землю. Серой волной накатило на борющихся стадо. Молодой предводитель слонов победил силой своей неутомимой молодости.

А когда над джунглями спустился мрак, в чаще их, тяжело дыша и кашляя, скрылся побежденный Эль-Робо, оставляя молодого слона трубить в ночи о своей победе.

Раны Эль-Робо были глубоки и серьезные, и он медленно плелся, прихрамывая. Час спустя, стоя в глубокой, сырой ложине, старый слон понял, что раны эти смертельны. Его инстинкт безошибочно подсказывал ему это.

И этот же инстинкт повлек его к месту отдохновения, избранному веку тому назад мудрейшими из его племени. Эта потребность найти тайное убежище, ревниво охраняемое от людей и других зверей, была так же сокровенна и неодолима, как движение планет или перелет птиц. Вот почему ни один охотник почти никогда не находит костей диких слонов, умерших естественной смертью. Нужно особенную удачу, чтобы открыть эти тайные кладбища. Они—всегда в самых уединенных и неприступных местах.

Эль-Робо не размышлял об этом. Просто явилась потребность найти себе место последнего успокоения. Он не знал, где это место смерти,

но таинственный инстинкт подсказывал ему. Ведомый этим инстинктом, он направился к югу, к диким гористым областям Килиманджаро.

Случилось так, что не одни только уши Эль-Робо уловили события, волновавшие за последние два дня стадо диких слонов. В своем лагере, в расстоянии мили вниз по реке, к крикам слонов с интересом прислушивался и Нейль Мак-Куэшчион, охотник за слонами и член Британского Синдиката Слоновой Кости. Он уже

животные собираются и точно долго и ритмично танцуют. Но было нечто, чего Мак-Куэшчион не видел и ради чего он и проводил долгие месяцы в джунглях.

Накануне один из проводников донес Мак-Куэшчиону, что вдоль по реке видны следы гигантского слона. Охотник сейчас же вооружился сильным полевым биноклем и стал наблюдать за огромным животным.

Не один час продолжался поединок, и чем ожесточеннее была борьба, тем взволнованнее становились следившие за нею слоны.

две недели бродил в этой местности в сопровождении шести туземцев, отыскивая следы слонов. Он не был простым охотником за слонами. Ему в свое время удалось наблюдать за нравами слонов, за своеобразными законами их битв, за тем, как они наказывали провинившихся в своей среде, и за странными церемониями, когда в известные периоды года эти

С величайшими предосторожностями он залез на дерево, ярдах в ста от места битвы. Ближе он не мог подойти, не спугнув всего стада. Мак-Куэшчион сидел на дереве до тех пор, пока не наступила ночь и не раздался трубный крик победителя.

Этого момента и ждал охотник, но теперь мрак являлся ему помехой. Он слышал, как рассеялось по лесу дикое

стадо. Ночь проглотила огромных зверей и все следы их деяний. Исчез и раненый бродяга.

С первыми дневными лучами охотник отправился по следам Эль-Робо. Эти

следы вели его прямо на юг и становились все более и более кровавыми. Заметил он и другое: Эль-Робо не останавливался для того, чтобы пить или есть. Волнение Мак-Куэш-

чиона возрастало. Ни убийственная жара полдня, ни безводная пустынная местность, тянувшаяся до малоисследованных южных гор, не удерживали его.

Он только удивлялся одному: почему мог стремиться слон в эту безводную местность, лишенную всякой растительности? Единственным ответом могло быть, что слон искал последнего прибежища. Мак-Куэшчиону, очевидно, представлялся редкий случай и он ни за что не упустил бы его теперь.

День уже клонился к вечеру, а Мак-Куэшчион углублялся все дальше и дальше в дикую, пустынную область. Везде, куда достигал глаз, громоздились скалы; колючие кустарники точно угрожали всем, кто осмелился бы проникнуть в их владения. А следы раненого слона вели все дальше к югу, к далеким подножьям гор Килиманджаро.

Мак-Куэшчион не обращал внимания на то, что запасы пищи в его сумке истощались и что пустела фляжка с водой. Ни за что в мире не вернулся бы он теперь назад.

Он вскарабкался по кочковатому склону кратера вулкана, поднимавшегося над окрестностью. Угасли последние дневные лучи. Он внимательно всматривался вокруг, но местность была ему совершенно незнакома. Во все стороны открывался один и тот же дикий, пустынный вид. Потом Мак-Куэшчион разглядел, что вулкан, на котором он находился, был частью хребта, тянувшегося к юго-западу. В давно прошедшие времена, Земля отряхнулась от векового сна и подняла цепь гор, протянувшуюся на десяток миль.

Молодая луна выглянула из-за восточных склонов и залила все кругом белесоватым светом. Мак-Куэшчион не мог идти дальше. Глаза его были сухи и горели, тело было совершенно разбито. Выпив весь остаток воды, он упал на землю и лежал, как выбившееся из сил животное. Сам не зная как, он уснул и проспал до утра.

Солнце разбудило его и, подкрепившись остатками пищи, он снова пошел по следу Эль-Робо, ведущему

теперь вдоль по линии вулканических гор.

Дорога по горам была опасна и обманчива. С одной из вершин путешественник увидел целое гнездо кратеров или ущелий сгранной, необычной формации. Им не было конца, они расходились радиусами от подножия горы и разделялись стенами вулканических скал.

Мак-Куэшчион скатился вниз по склону одной из скал и этим начал свои изыскания. Он поднялся, разбитый и окровавленный, у входа в какую-то пещеру. Казалось, что пещера эта ведет в самое сердце горы. Мак-Куэшчион решил исследовать ее и осторожно вошел внутрь, но не мог пройти далеко, пока не зажег факела.

Казалось, что самое сердце горы сгнило, такой был здесь тяжелый воздух. Но следы слона на земле и на стенах пещеры звали Мак-Куэшчиона все дальше и дальше. Что привело слона в такое место?

Вдруг тропа круто завернула и Мак-Куэшчион скоро очутился всего футов на сто выше ущелья, которое он прежде видел с вершины вулкана. Опасная тропинка вела вниз и, бросив на землю факел, исследователь с волнением направился по этому пути. Было ясно видно, что тропинка была протоптана слонами. Спустившись в ущелье, Мак-Куэшчион каким-то инстинктом понял, что местность эта никогда не посещалась людьми и очень редко животными. Забытое, мертвое место!

Ущелье было так узко, что солнце редко заглядывало сюда. Контуры окружающих скал были странны и точно враждебны. То, что показалось ему издали нагроможденными массами лавы, было целым полем побелевших костей, усевавших дно долины.

Мак-Куэшчион не верил своим глазам. Слоновые кости, разбросанные по всему ущелью, и некоторые из них такие древние, что время источило их!..

Хриплый крик сорвался с губ исследователя. Это было невероятно. Он нашел одно из тех легендарных мест, о которых мечтают все африканские охотники за слоновой костью.

рыключений.

Это кладбище слонов, бесконечно древнее, куда приходили умирать тысячи поколений слонов. У ног его в слоновой кости лежали почти невероятные богатства. Он мог взять все. Ни один человек, кроме него, не знал этого удивительного места. Ни одна человеческая нога не ступала еще сюда.

Мак - Куэшчион двинулся вперед, ничем не выдавая охватившего его волнения. Он карабкался по целым горам из слоновых скелетов, заглядывая во все уголки. В его серых, сухих от зноя глазах, разгорался огонь, который заглогло волшебство открытых сокровищ.

Казалось, конца не было этому кладбищу. Зной становился почти невыносимым. Мириады насекомых, большею частью мух, кишели в долине. Исследователь пробирался среди огромных костяков ног, равнявшихся в обхвате человеческому туловищу, проходил под аркадами ребер высотой в семь футов. Валялись черепа, похожие на гигантские валуны, и повсюду были разбросаны огромные клыки. Им не было счета и они были в полной сохранности.

Мак - Куэшчион продолжал пробираться вперед, когда вдруг инстинктивно почувствовал, что где-то здесь, близко, притаилась опасность. Потом какая-то тень закрыла солнце. Сейчас же вслед за этим воздух задрожал от рева, похожего на грубный звук, раздался треск, и земля сотряслась от бега огромного существа.

Мак - Куэшчион в ужасе обернулся, нога его скользнула и он упал среди костей.

В это мгновение он увидел, что на него мчится целая гора, серая и заросшая волосами. Это был Эль-Робо, весь израненный, с обломанным клыком.

Старый бродяга добред, наконец, до места последнего успокоения. Он

Охотник вошел внутрь пещеры...

пролежал здесь еще несколько часов, терпеливо поджидая конца среди всех этих скелетов себе подобных. Как упавшее дерево, он ждал, чтобы Солнце и Земля взяли его обратно. В смерти его было благородство и величие, которых никогда не достигают умирающие люди. Уж туман смерти стал застилать его глаза, когда ворвался этот осквернитель, и Эль-Робо, в бешеной злобе, поднялся снова на ноги, тяжело дыша и пыхтя. Он, вероятно, сам не понимал, зачем он это делает. Он просто отвечал на древний и непреложный закон этого кладбища, закон, который он знает инстинктом с самого дня рождения.

Он чувствовал, что смерть уже коснулась его, но не мог умирать спокойно, зная, что рядом кто-то рыскает среди костей близких ему существ. Он должен еще один раз собраться с силами.

От неминуемой гибели Мак-Куэшчиона спасло падение. Тело охотника провалилось в яму, образовавшуюся из скелетов, как раз в тот момент, когда слон наклонил огромную голову, чтобы уничтожить смельчака.

Но Мак-Куэшчион не растерялся в эту страшную минуту и успел подхватить выпавшее было из рук ружье. В расстоянии тридцати футов он обернулся и выстрелил из маузера прямо в голову слона. Но выстрел этот произвел не большее впечатление, чем заряд гороху. Это было невероятно, и охотник приписал неудачу нервной усталости. А Эль-Робо наступал, сотрясая ущелье резкими трубными звуками. Огромные уши его развевались, а хобот рассекал воздух.

Мак-Куэшчион побежал. Охваченный холодным ужасом, он бежал, чтобы спасти свою жизнь. А старый умирающий слон настигал его, не ослабевая, с горящими от злобы глазами.

Зверь гнал человека по ущелью в тупик, и Мак-Куэшчион с ужасом видел это. Он пробовал отогнать слона, размахивая руками с пронзительными криками «Ахай, ахай» — как это делали местные охотники на слонов, но Эль-Робо никогда не знал страха перед человеком. Мак-Куэшчион пытался скрыться за выступом скалы и как-нибудь обмануть зверя, но слон всегда находил его. Маленькие, налитые кровью глаза животного, все видели и в них горел беспощадный пламень злобы, отгонявшей самую смерть.

Мак-Куэшчион остановился еще раз, чтобы снова выстрелить. Старый слон задрожал и опустился на колени, но сейчас же опять вскочил, высоко поднял клыки, а в хоботе держал сук дерева, которым в озлоблении размахивал из стороны в сторону.

Мак-Куэшчион снова попробовал выстрелить. Но ружье не действовало, охотник только что повредил его, споткнувшись.

Все было против Мак-Куэшчиона. Страх парализовал его и ему как-то сразу все стало безразлично. Эль-Робо надвигался, и его огромные ноги скоро растопчут человека. Со спокойствием, которое на самом деле было оцепенением столбняка, человек сделал прыжок в сторону. Надо спрятаться в одной из низких пещер в скалах. Если пещера достаточно глубока, можно просидеть в ней, пока слон не уйдет или не умрет. Ведь, он пришел сюда умирать.

Мак-Куэшчион едва успел прыгнуть в отверстие пещеры, как громада слона заслонила весь вход.

Огромный темный хобот просунулся и стал ощупывать внутренность пещеры. Человек прыгал из стороны в сторону, стараясь спастись от него. В эти ужасные мгновения Мак-Куэшчион узнал страх, который заставляет кровь застывать в жилах и совершенно парализует людей. Горячее дыхание слона дуло ему прямо в лицо, а рои животного сотрясал всю пещеру.

Потом слон припался разрывать вход. Посыпались камни и тучи земли. Огромный камень оторвался, наконец, от скалы, и Мак-Куэшчион потом всегда говорил, что это только и спасло его жизнь. Этот камень закупорил вход в пещеру и оттолкнуть его в сторону было даже не по силам Эль-Робо. Усилия его становились все слабее и слабее, пока, наконец, в ущелье не наступила снова полная тишина.

Может быть, минуты, а может быть, и часы спустя, — в такой пустыне не учесть времени, — снова послышались звуки в долине смерти, лежавшей у подножия старого вулкана. Это приветствовали Мак-Куэшчиона, выкорбковавшегося из ущелья наверх, его шесть чернокожих проводников. Они пошли по следам Мак-Куэшчиона и выследили его, как ищейки, потому что они, ведь, выросли в стране слонов.

Мак-Куэшчион ни слова не сказал им о происшедшем с ним, и было в нем что-то такое, что не располагало к распросам. Он постарел на десяток лет и ему казалось, что он никогда уже больше не совладает с потрясен-

Охваченный холодным ужасом, он бежал, а израненный, умирающий слон настигал его...

ными нервами. Как отравы в крови, остался в его памяти ледяной ужас пережитого в ущелье, и он знал, что с Африкой у него теперь покончено навсегда.

Он никому никогда не сказал о со-
кровищах в таинственном ущелье.
Пусть ничто не нарушает покоя по-
следних часов гигантов джунглей.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

ОТКРОВЕНИЯ НАУКИ И ЧУДЕСА ТЕХНИКИ.

ЗАГАДКА МАРСА.

Очерк П. МОРДВИНОВА.

Есть ли на Марсе жизнь? Этот вопрос занимает в настоящий момент многих астрономов северного полушария и может быть разрешен в ближайшие месяцы, когда ученые сравнят результаты своих последних наблюдений над большой красной планетой. Уже два месяца на нашего ближайшего соседа,—если не считать нашего спутника Луну,—направляются телескопы, камеры и спектроскопы.

Ученые раз навсегда хотят разрешить вопрос, существуют ли на Марсе каналы, сооруженные человеческими руками, или же линии, виденные многими и даже сфотографированные, всего только оптическая иллюзия, обманувшая даже фотографические аппараты.

Удобный случай для наблюдений представился астрономам 27 октября 1926 г., когда планета сильно приблизилась к Земле и расстояние между нею и Землей исчислялось всего в 42.630.000 миль. Расстояние это было на несколько миллионов миль больше, чем в августе два года тому назад, когда оно равнялось 35.000.000 миль. Но тогда планета наблюдалась низко на южном горизонте, — положение далеко не благоприятствующее наблюдениям в северном полушарии. Но, несмотря на трудности наблюдений через множество лишней миль земной атмосферы, астрономы окончательно установили два года тому назад, что линии каналов существуют в действительности.

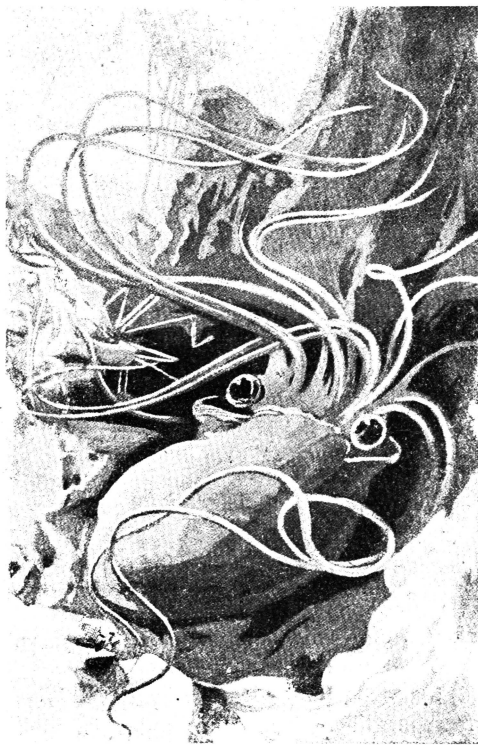
Затем была измерена температура Марса, взвешен атмосферный кислород планеты, определено, сколько воды имел бы предполагаемый марсианин для питья, купанья и бритья.

Установление факта, что на Марсе есть и воздух, и вода, доказывает, что какая-то жизнь может существовать на планете. Но если марсианин и существует, он не похож ни на какое живое создание, когда-либо виденное нами. Воздух, которым он дышит, содержит на одну треть меньше кислорода, чем оказалось на вершине Эвереста.

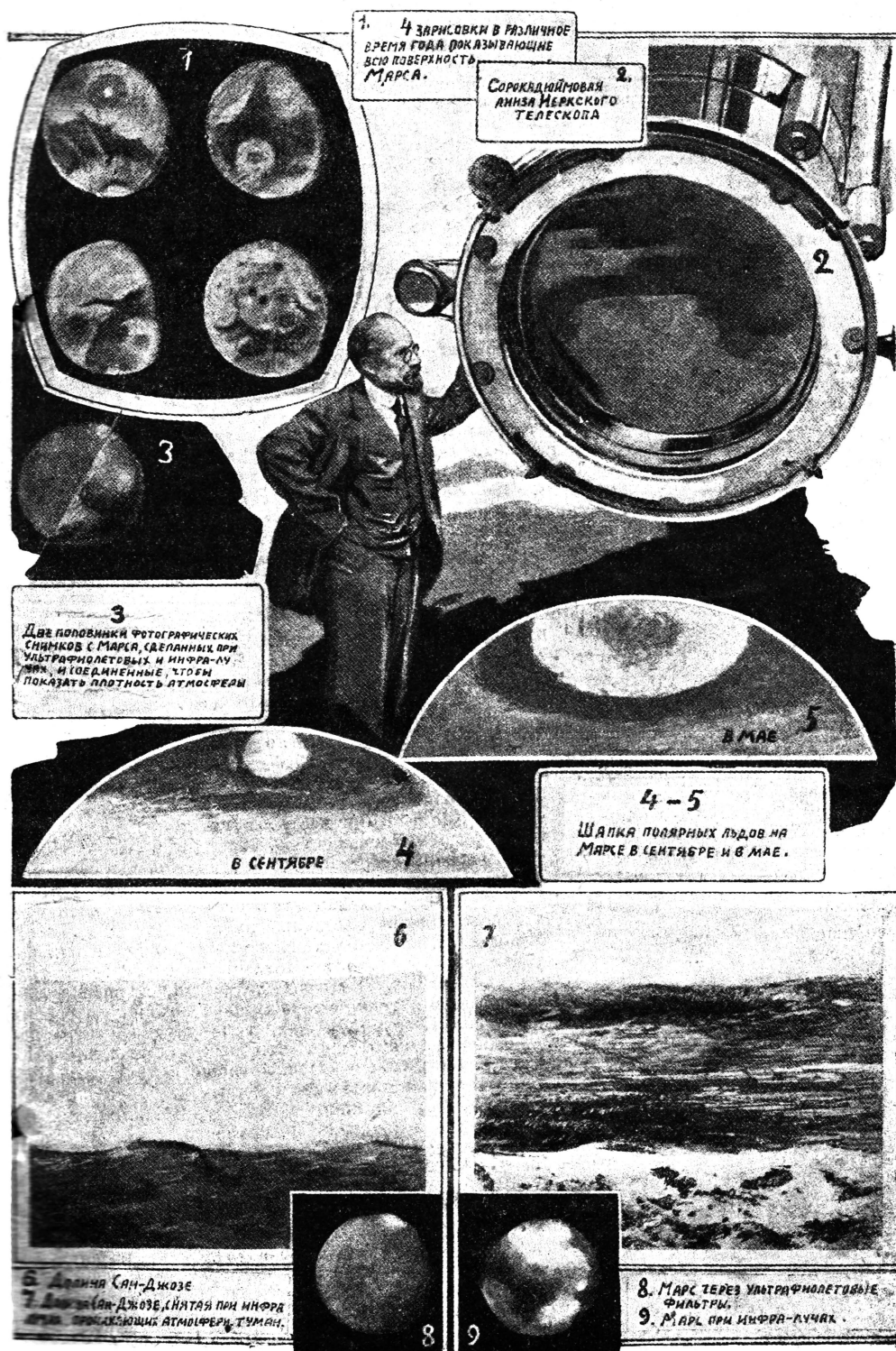
Единственный же человек, поднявшийся на эту величайшую в мире вершину, умер там от недостатка кислорода.

Водяные пары в атмосфере Марса составляют всего шесть процентов паров в атмосфере Пасадены (Калифорния), местности, расположенной ниже обсерватории Маунт-Вильсона, где и производились эти измерения. Этот факт указывает на то, что поверхность Марса—пустыня сухее, чем Сахара, с высохшей и треснувшей поверхностью. Что же касается умеренной температуры, то на марсианских тропиках в полночь приблизительно девяносто градусов ниже нуля по Цельсию и шестьдесят градусов выше нуля в полдень.

Чтобы жить в таких условиях, марсианину необходим был бы на теле волосяной покров, который оберегал бы его от резких перемен температуры. Легкие его

Представление художника, основанное на романе Уэльса „Война Миров“, о том, какая жизнь может существовать на планете Марс.

должны были бы обладать удивительной способностью дышать разреженным воздухом и он, точно верблюд, должен был бы легко жить целую неделю без воды.

Его огромные легкие должны были бы помещаться в груди гигантских размеров, но туловище поддерживалось бы тонкими паучьими ногами, так как полный его вес должен быть значительно меньше, чем вес человека Земли. Ведь, Марс, имеющий в диаметре 4.200 миль, достигает только половины размеров Земли, а, следовательно, и сила притяжения соответственна.

Присутствие воздуха, воды и хотя бы некоторого тепла все же еще не служит доказательством существования жизни. Поэтому наука решила сосредоточить внимание на двух вещах: на кажущейся растительности и тайне каналов. В существовании последних сомневаются уже много лет, и их главный защитник профессор Персиваль Лоуэлль открыто обвиняется в том, что он видит несуществующие вещи. Впервые каналы были открыты в 1877 г. итальянским астрономом Скиапарелли, когда он зарисовывал первый в науке план планеты Марс. Много лет и Скиапарелли, и Лоуэлль одни только утверждали, что на Марсе существуют каналы. Лоуэлль выстроил на Аригонском плато обсерваторию, надеясь, что разреженный воздух этого плато даст возможность делать лучшие наблюдения. Он умер в 1916 г., не доказав существования каналов, но уже в 1924 г. наблюдения не только показали исследователям эти каналы, их зафиксировали впервые даже фотографическим аппаратом. Но сейчас же вслед за этим возникли сомнения. Не оптический ли это обман? Действительно ли это оросительные каналы, окаймленные зелеными полями, выделяющимися в окружающей их пустыне и обращавшими таким образом на себя внимание наблюдателей? Многие из каналов кажутся точно двойными, и германский ученый Граматск научно доказал, что каналы эти, по всему вероятно, оптический обман. Этот вывод послужил толчком для доктора Куля из Мюнхена, и он доказал, что и одиночные каналы такая же иллюзия. Граматск доказывал свои выводы при помощи опыта с двумя свечами и карандашом. Тень, падавшая от карандаша, имела темные края, и получался тот же эффект, который производят так называемые двойные каналы. Доктор же Куль нашел, что каналы уже самых тонких линий,

поддающихся измерению существующими инструментами. Этот факт привел ученого к заключению, что и отдельные каналы также иллюзия, как и двойные. Но теория эта не удовлетворила ученых. Наблюдения продолжались.

Каналы, по видимому, проведенные по прямым геометрическим линиям.

Там, где отдельные каналы пересекаются, видны большие темные пятна. Это могут быть города или усердно культивируемые области.

В большой телескоп удивительно интересно делать наблюдения над Марсом. Результаты, полученные два года тому назад от наблюдений над температурой Марса, дают полную картину дня на этой планете.

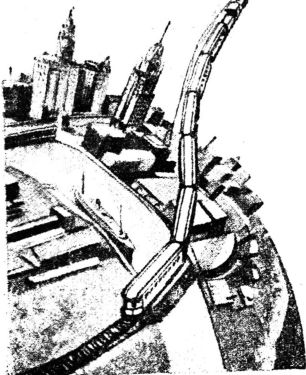
Когда солнце восходит на Марсе над экваториальной местностью, утром резкий холод. Почва медленно согревается, но, вероятно, быстрее, чем на Земле, так как атмосфера значительно реже и испарения так незначительны, что очень мало туч, задерживающих солнечные лучи.

В областях, названных астрономами морями или болотами, жара достигает в полдень до шестидесяти градусов выше нуля. В других же частях, с красноватым или желтоватым оттенком почвы, жара доходит до сорока пяти градусов. С течением дня, температура быстро падает. Астрономы наблюдают, что диск планеты меняется в цвете. Из расщелин и безн, которые в противоположность долинам окрашены в красноватый цвет,—что и даст планете ее особую кирпичную окраску,—поднимаются белые туманы и заволакивают поверхность.

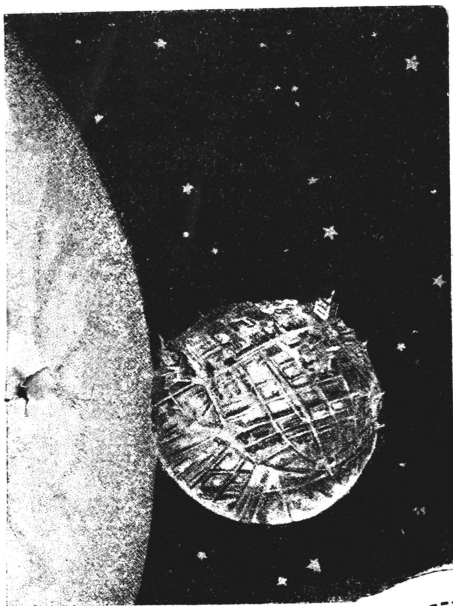
С приближением заката солнца местность желтеет и, когда солнце скрывается за горизонтом, температура падает значительно ниже нуля.

На полюсах всегда царит жестокий холод. Там, как и на наших полюсах, вечные льды.

В августе 1924 г., когда производились наблюдения, на южном полюсе Марса было лето, температура все же была девяносто четыре градуса ниже нуля. На большой ледяной шапке, покрывавшей полюс, ясно различались странные светлые пятна, перемены в которых говорили о сильных атмосферных изменениях. Легко можно было наблюдать за процессом таяния.

ПОЕЗД ЭКСПРЕСС ШЕЛ БЫ НА МАРС 767

Меньшая из лун Марса — Ганимед, — всего 7 миль в диаметре. На ней помещился бы большой город, как это показывает на своем рисунке художник.

Уменьшение и увеличение ледяной шапки на Марсе было точно заснято много лет тому назад.

Во время нашей весны эта шапка больше всего, а к концу сентября остается только небольшое белое пятнышко.

Несмотря на огромные скачки температуры на Марсе, исследователям Земли не был бы отрезан доступ на эту планету.

Даже возможно, что людям хватило бы в период таяния огромной ледяной шапки влаги, чтобы поддержать свою жизнь.

К холоду люди могли бы себя приучить на наших полюсах, хотя, конечно, холод на Марсе превышает все, что пришлось бы пережить на Земле.

Есть только одно непреодолимое препятствие.

Это — недостаток кислорода. Но если это преграда для человека, то не исключено присутствие на Марсе птиц и насекомых. На Маунт-Эвересте жили и птицы, и насе-

комые так высоко, как только был в состоянии подняться человек.

Но как мог бы человек попасть на Марс? Этот вопрос давно вызывает жгучий интерес. Если представить себе путешествие на Марс по железной дороге, то самый скорый поезд шел бы на планету 76 лет.

Жизнь на Марсе представляла бы много разнообразия. У планеты две Луны, и, — пусть это не покажется странным, одна восходит на востоке, другая на западе.

Одна из них обращается вокруг Марса три раза в день, так что ее видно там и днем, и ночью. Интересен самый способ, посредством которого узнали так много про планету — соседку, если можно назвать соседством расстояние в 40.000.000 миль.

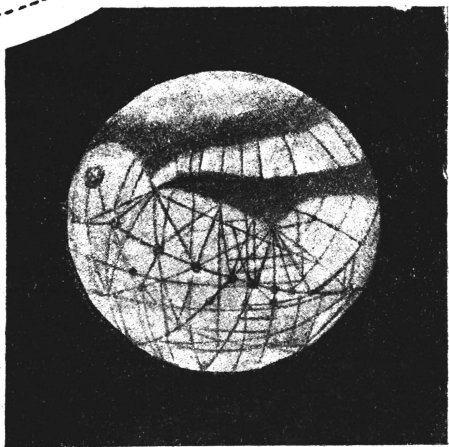
Изучить ее атмосферу удалось благодаря гениальной идее, зародившейся в Ликской обсерватории и выполненной профессорами Эткенем и Райтом. Со станции на Маунт-Гамильтоне они сделали снимки города Сан-Джозе в Калифорнии, лежащего в долине в расстоянии тридцати миль. Один снимок

был сделан через цветной экран, пропускавший только ультрафиолетовые лучи. Другой снимок — через экран, пропускавший только инфракрасные лучи, т. е. в другом конце спектра.

Потом они взяли одинаковые снимки Марса и нашли, что результаты получились те же, что и тут.

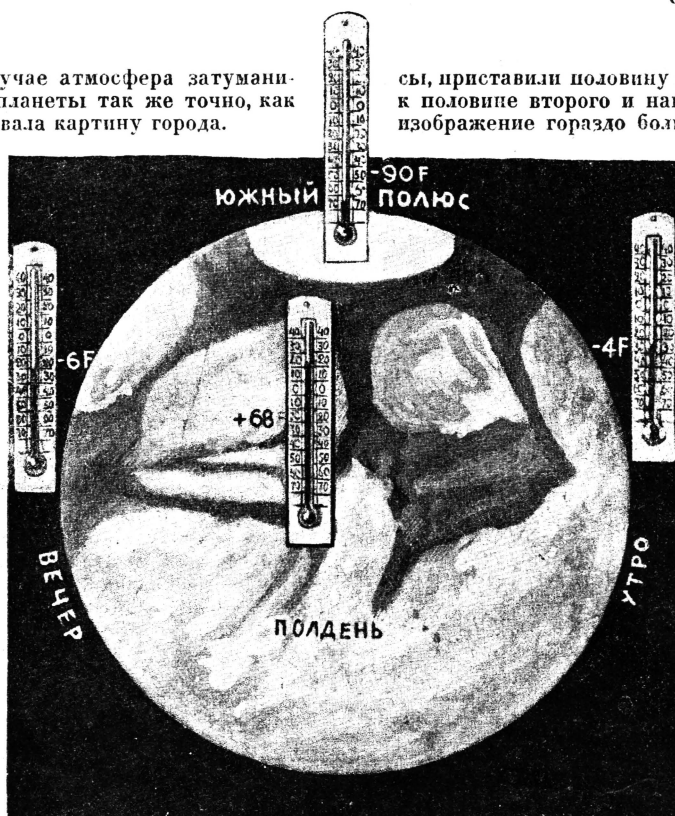
Карта орбит Земли и Марса, показывающая, почему они в известные периоды приближаются друг к другу.

Набросок с фотографического снимка, показывающий сеть каналов.

В одном случае атмосфера затуманивала снимок планеты так же точно, как она затуманивала картину города.

сы, приставили половину первого снимка к половине второго и нашли, что одно изображение гораздо больше другого.

По данным на этом рисунке температурам утра, дня и ночи в тропической зоне Марса, можно судить, как протекает там день. В полночь температура почти равняется температуре полюса.

Во втором же случае оба снимка были ясные. Наконец, ученые разрежали оба снимка Марса по линии, проходящей через полю-

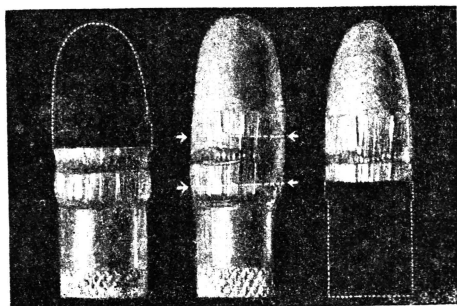
Разница в размере представляла плотность атмосферы Марса.

Пуля — изобличитель.

Часто случается, что какое-нибудь преступление остается неразгаданным, потому что нельзя с точностью установить, действительно ли пуля, найденная в теле жертвы, была выпущена подозреваемым лицом. Можно, правда, определить, что пуля подходит к калибру оружия, найденного у заподозренного, но при громадной распространенности теперь оружия одного типа, эта улика очень шатка.

Западная криминология недавно нашла способ неопровержимого доказательства того, была ли найденная пуля выпущена из данного револьвера. Дело в том, что если внимательно посмотреть на внутреннюю поверхность огнестрельного оружия, мы заметим на ней бороздки и царапинки, происшедшие от действия газов и пуль. Эти неровности в свою очередь оставляют след на поверхности пули в момент ее выстрела в виде тонких царапин и полосок, весьма заметных при небольшом увеличении. Каждая пуля, таким образом, получает как бы свое собственное клеймо, т. е. каждая комбинация таких полосок конечно совершенно случайна и свойственна только данному револьверу. Затем поступают так: из револь-

вера, отнятого у подозреваемого субъекта, делают два выстрела в мешок с песком, затем пули вынимают и спиливают с них верхнюю и нижнюю часть. (см. на рис. левая и правая пуля). То же самое делают с пулей, найденной на месте преступления. Затем к этой срезанной пуле приставляют отрезки контрольных пуль и смотрят — не совпадет ли «рисунок» полосок на всех этих трех частях. Если да, то преступник разоблачен, т. е. невозможно допустить, чтобы полное совпадение десятков царапин было бы делом случая.

Н О В О Е В М У З Ы К Е .

Скрипка с тройным смычком.

Один немецкий скрипач, Герман Берковский, изобрел интересный тройной смычок.

с которым он получил ряд неожиданных и красивых эффектов при игре на скрипке. Особенность смычка заключается в том, что во время игры можно по желанию то ослаблять, то усиливать напряжение его струн, что, в свою очередь, придает замечательную красочность звуку. Слева на рисунке—сам изобретатель со своей скрипкой, справа—образчик нот, написанных для нового инструмента.

Скрипка, заменяющая пять скрипок в оркестре.

Скрипке повезло: в короткое время—2 усовершенствования в этом старинном инструменте.

К обыкновенной скрипке приспособлен рупор таким образом, что он лежит на правом плече артиста и не мешает ему двигать смычком.

Такой рупор усиливает звук скрипки в пять раз и увеличивает его красоту. Нечего и говорить, какое большое значение может иметь это новое усовершенствование.

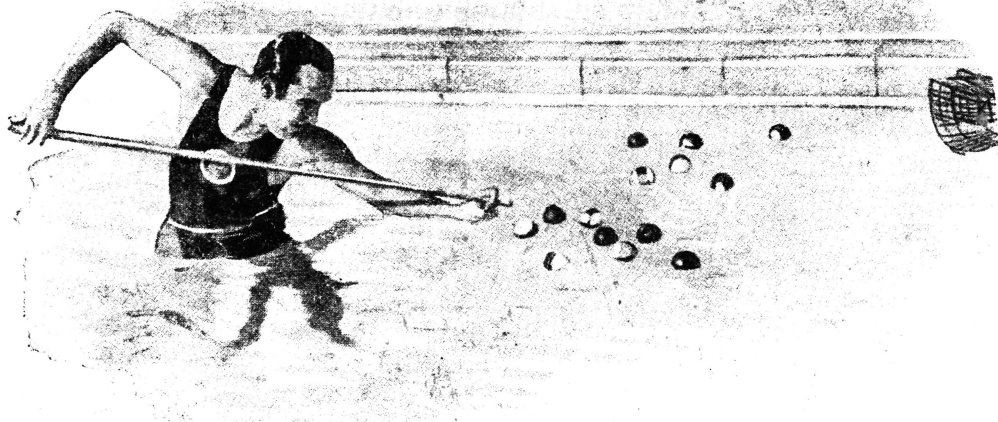
Новый камертон.

Для музыкантов и людей, страдающих неточным слухом, большая находка недавно изобретенный камертон нового вида. Он похож на детскую губную гармонику.

На одной стороне его обозначены тона и дискантовые ноты. Подвижная пластинка для рта дает возможность воспроизводить точно любую ноту.

Новый вид спорта — бильярд на воде.

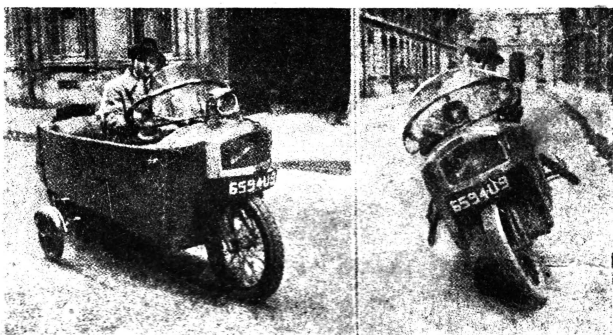

В Америке теперь большим успехом пользуется бильярд на воде. Этот вид спорта вносит приятное разнообразие и развивает ловкость движений. Бильярдные шары,

попавшие внутри, плавают на воде, и волнение воды очень затрудняет движение кием. Игроки говорят, что такой способ игры сильно развивает меткость глаза, ловкость и сообразительность.

Четырехколесная мотоциклетка.

За границей недавно появился любопытный тип экипажа — что-то вроде помеси мотоциклетки с автомобилем, — рассчитанный на двух пассажиров. Корпус этого экипажа напоминает кабинку летчика, укрепленную на двух колесах. Шоффер сидит впереди, закрытый небольшой прозрачной ширмой от ветра, а для пассажира есть удобное сиденье сзади. По бокам еще имеется два небольших колесика, которые не касаются земли во время езды, но зато облегчают этому экипажу возможность делать крутые повороты в местах большого скопления и мешают ему сваливаться на бок во время стоянок.

Автомобиль для женщин.

В Америке на каждые шесть жителей приходится один автомобиль.

Женщина там наравне с мужчиной управляет своими быстроходными машинами. Но женщина не забывает и тут обычного кокетства и заботы о внешности.

Последняя автомобильная новинка — пудреница, прикрепленная к рулевому колесу.

Когда пудреница закрыта, она служит кнопкой, заставляющей звучать автомобильный гудок.

Почтовый адрес:
ЛЕНИНГРАД
Стремянная, 8

Телеграф. адрес
ЛЕНИНГРАД
Издатсойкин

Телефон № 58-02.

В. Г. П. (Одесса).—Ваша «Правилка» для печати не годится, но у Вас есть зачатки литературного дарования. От Вас зависит развить их. Судя по Вашей биографии, Вы человек настойчивый, желаете и умеете работать. Продолжайте! Искренно желаем Вам успеха.

Л. Г. (Казань).—«Тайну Центральной Бразилии» Вы назвали рассказом, но по величине это целый роман. Для такой громоздкой вещи содержание слишком легко-весно, растянуто и скудно. Требования современного читателя к фантастической беллетристике очень высокие.

А. В. (Новая Бухара).—«Басмачи» написаны вполне литературно, но это — эпизод из давнего прошлого, потому что жизнь теперь мчится, а не идет медленными стопами. Нужно дать очень сильную и художественную вещь, чтобы в журнале вернуться к тому, что было пять лет назад.

М. М. (Ташкент).—В Вашей «фантазии» нет стройности и логики. Говоря точно, — это крошка из прочитанного. Здесь жалкие обрывки знаний, но юный автор думает и ищет. Это чувствуется. Нужно работать! Вы еще спеленуты, как младенец. Свивальники спадут сами, когда больше познаете науку и природу.

Н. Б. (Харьков).—У Вас хорошая выдумка, фабула интересная и оригинальная, но Вам еще рано писать. Не торопитесь посылать в печать. Читайте больше и учитесь.

Б. Г. (Борисоглебск).—В рассказе «Месь» все искусственно. Рабочий десятки лет желал отомстить хозяйну. Тысячу раз мог сделать это, но, по воле автора, ждал случая, чтобы на них напали волки, и тогда предоставил хозяина волчьей расправе, предварительно отчитав его...

Е. М. О. (Томск).—Совершенно невероятна история с тремя Сашами. Написано литературно, но очень растянуто. Читатель никогда не поверит такой фабуле.

В. Г. Г. (Ялта).—«Закон четырехугольного круга» — не в плане нашего журнала. Это — картинка для специально спортивного издания.

А. М. Е. (Миллерово).—«Зося» — не годится. К научным темам нужно подходить более серьезно. Рассказ «Месь» совершенно невероятен по бытовым подробностям: уличные ребята взорвали жандарма, набив трубу порохом.

М. К. (Павлоград) и **Тане Невельской** (Саратов).—Наш журнал стихотворений не печатает.

ЗАГАДКИ и ДИКОВИНКИ

в мире чисел

СОСТАВИЛ Я. И. ПЕРЕЛЬМАН

Издание 2-е, исправленное
и дополненное

Цена 1 р. 25 к., с перес. 1 р. 50 к.

Содержание: Старое и новое о цифрах и нумерации. Камни преткновения Пифагоровой таблицы. Потомок древнего абака. Немного истории. Не-десятичные системы счисления. Галерея числовых диковинок. Фокусы без обмана. Быстрый счет и вечный календарь. Числовые исполины. Числовые лиллипуты. Арифметические путешествия.

20 ГОЛОВОЛОМОК

Переплетенные слова

СОСТАВИЛ П. В. МЕЛЕНТЬЕВ

Цена 20 к., с перес. 30 к.

Эти, впервые появляющиеся в СССР, головоломки завладели в настоящее время вниманием всего мира, благодаря своей занимательности и образовательному значению.

С требованиями на книги обращаться в Изд-во «П. П. СОЙКИН»
ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ, 8.

Мелкие суммы можно высылать почтовыми и гербовыми марками в заказном письме.

ПОДПИСКА на 1927 год ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

Мир Приключений

Последние новинки русской и иностранной литературы.

12 книг свыше **5** рублей в год **1** рубль за 2 мес.
1000 страниц **с** дост. и перес. **три** р. за 6 мес.

Задача журнала—ПРИЯТНЫЙ и РАЗУМНЫЙ ОТДЫХ ТРУДЯЩЕМУСЯ.

В 1927 г. будут напечатаны, кроме обычного материала,

10 РАССКАЗОВ ПРЕМИРОВАННЫХ на ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ

МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ. Сами подписчики—судьи конкурса, распределяющие премии за лучш. рассказы.

1000 руб. 1-я премия, **500** руб. 2-я премия, по **300** руб. две премии, по **200** руб. три премии, по **150** руб. три премии

Подробные сведения о литературном конкурсе напечатаны в книжках журнала „Мир Приключений“ №№ 8 и 9—1926 и в № 1 за 1927 г.

Гл. Контора и ред. журнала «Мир Приключений»—Ленинград, Стремянная, 8.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
Н. И. МУХАНОВА

„ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ“

в 3-х частях

с иллюстрациями М. И. МИЗЕРНЮКА

Ч. I. Война Земли с Марсом.

Ч. II. Пленники Марса.

Ч. III. Тот, в чьих руках судьбы миров.

Цена 1 руб., с пер. 1 руб. 20 к.

НАУЧНО-ОСНОВАННАЯ ИГРА

„ВОЗДУШНЫЙ БОЙ“

Составил А. Д. МАЛИНОВСКИЙ.

Игра состоит из шахматной доски с изображением поля сражения, с 16 металлических аэропланов, с 7 чертежами и брошюрой „Воздушный бой“, объясняющей правила игры.

Цена 2 руб. с пересылкой.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ БАРРИКАДЫ

(5—6 июня 1832 г.)

Повесть по роману Витора Гюго
LES MISÉRABLES
в переработке А. Бруштейн.

Из предисловия: „Предлагаемая читателю книга, представляющая собою переработку некоторых эпизодов из романа В. Гюго „Les Misérables“, рассказывает историю одной баррикады, одинокой, не подкрепленной и раздавленной именно потому, что она была—одна“.

200 стр., цена 75 к., с перес. 95 к.

В. В. ШАРОКОВ

ПЛАНЕТА МАРС

в свете новейших исследований

I. Жизнь на далеких мирах.

II. Планета Марс.

III. Климат Марса.

VI. Каналы и их строители

IV. Загадки Марса.

VI. Марс и судьба земли.

Из предисловия: „Цель настоящей брошюры—дать краткий и сжатый очерк о Марсе в свете новейших исследований; она представляет собою переработанное и приспособленное к печати содержание тех многочисленных публичных лекций о Марсе, которые мне приходилось читать за последние годы“.

С рисунками.—Цена 40 к., с перес. 50 к.

С требованиями на книги обращаться в Изд-во «П. П. СОЙКИН»

ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ, 8

Мелкие суммы можно высылать почтовыми и гербовыми марками в заказном письме.

Ленинградский Губпечт № 36114. Тираж 30.000.